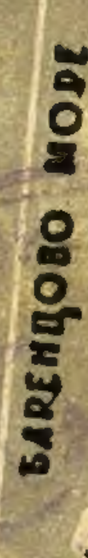
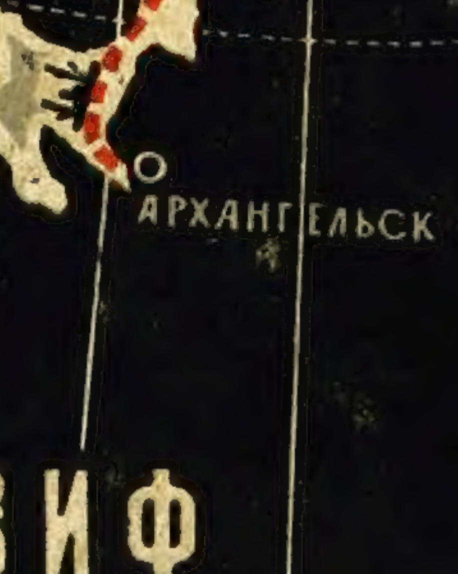
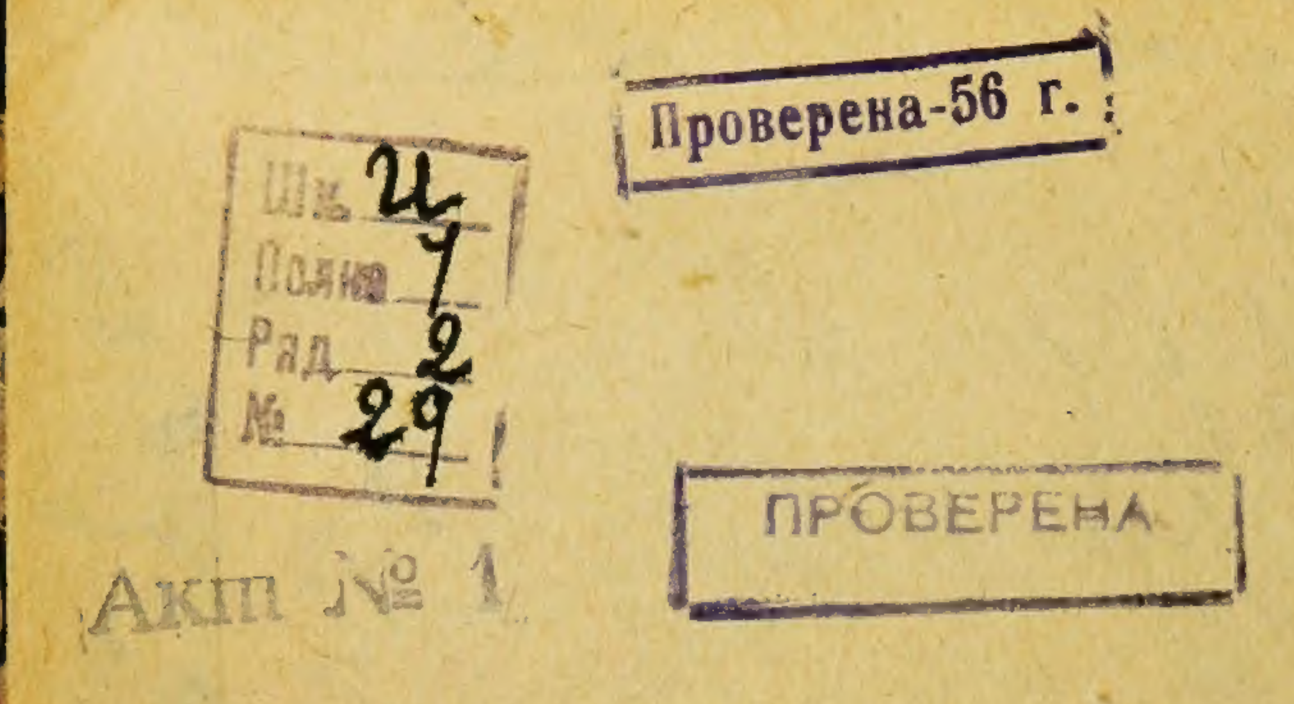
В. Ю. ВИЗЕ.

На Землю Франца Иосифа

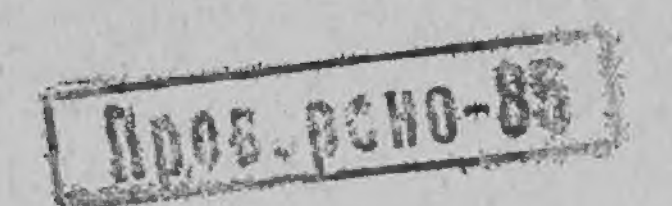

Проверена-56 г.
Шк. 4
Полка 7
Ряд 2
№ 29
ПРОВЕРЕНА
Акт № 1

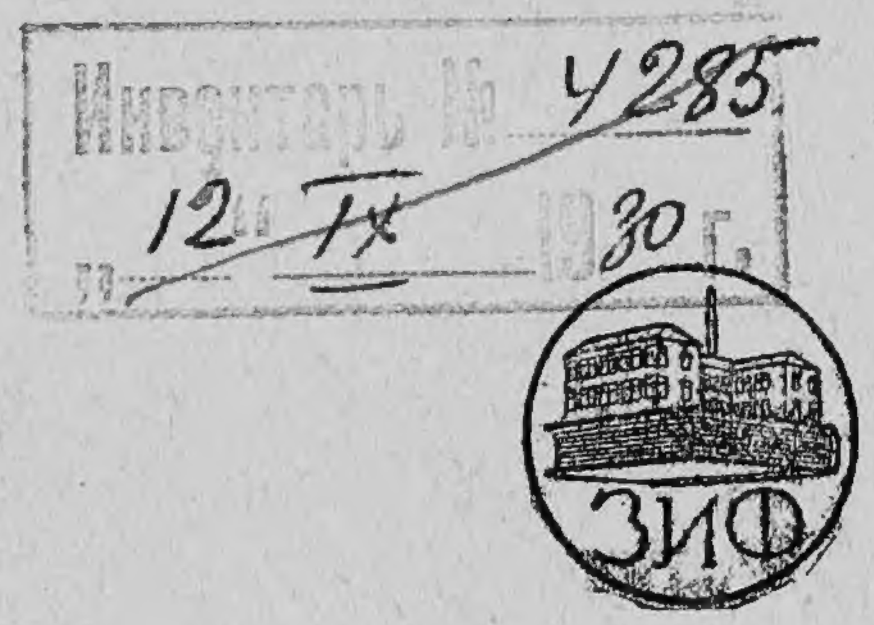

В. Ю. Визе

На Землю Франца Иосифа

Земля и Фабрика

Москва—Ленинград

1930

ОБЛОЖКА ХУДОЖНИКА П. КУЗАНЬЯНА

Главлит № А-62042. Тираж 5000. 11 печ. л.

8-я тип. „Мосполиграф“, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

ВВЕДЕНИЕ

От ладьи викингов до ледокола

> Нужно выехать на край океана, обнимающего всю землю, нужно оставить за собой солнце и звезды, и тогда прибудешь к самому концу света, где царит вечный мрак и где все погружено в непрерывную ночь.
>
> Саксон Грамматик (начало XIII века).

Столетие за столетием человек упорно продвигался на пути завоевания севера. Его не остановили ни встреченные им на этом пути безграничные пустыни тундр, ни холодные полярные моря с их жестокими бурями и безнадежно непроницаемыми туманами, ни темень полярной ночи, ни страшная ледяная преграда по ту сторону волнующегося моря. Смело ринулся он в борьбу со льдами и в белой пустыне продолжал свой путь завоевателя. Шаг за шагом продвигался он к сердцу этой пустыни—географическому полюсу. В 1911 году один из храбрейших и упорнейших—Роальд Амундсен—открыл южный полюс, а пятнадцать лет спустя он же увидел просторы северного полюса.

По мере того, как отдельные смельчаки все глубже и глубже проникали в Арктику, другие упорно работали над укреплением тыла полярного фронта. И там, где тысячу лет назад бродило лишь одно приполярное зверье, теперь воздвигнуты города, шумят фабрики и заводы, а казавшиеся недоступными арктические моря бороздятся в различных направлениях сотнями пароходов.

Но медленно, очень медленно прокладывал себе че-

ловек дорогу на далекий север. И лишь в начале XX века—века небывалого развития техники—темп завоевания Арктики сразу возрос. Человек уже несется на самолетах и воздушных кораблях над когда-то неприступной Арктикой. На самых отдаленных полярных землях сооружаются радиостанции, и устраиваются постоянные поселения. И в недалеком, быть может, будущем Арктика окажется кратчайшим путем сообщения между двумя океанами.

Летом 1929 года советское правительство поручило Институту по изучению Севера снарядить экспедицию с целью устройства постоянной научной станции на Земле Франца Иосифа—самом северном владении нашего Союза в Арктике. Земля Франца Иосифа, ограничивающая с севера Баренцово море, состоит из множества небольших островов и была открыта всего лишь 57 лет тому назад (в 1873 году). До этого была известна лишь западная граница Баренцова моря—архипелаг Свальбард [1],—и восточная—остров Новая Земля. А было время, когда никто не знал и о существовании самого Баренцова моря.

Арктика по понятиям древних находилась на краю мирового океана, который оканчивался бездной. Это представление сохранилось вплоть до средних веков, и еще Адам Бременский, писатель, живший в XI столетии, описывает полуфантастическое путешествие нескольких предприимчивых людей, отправившихся на север и попавших в «застывшее море», за которым открывалась бездна; течение увлекло в эту бездну несколько кораблей, которые и погибли там. Тот же Адам Бременский

[1] Так, по предложению Ф. Нансена, был переименован архипелаг Шпицберген вместе с Медвежьим островом.

рассказывает о том, как норманский король Гаральд отправился исследовать северный океан и увидел там «мрачную границу мира и бездонную пропасть».

Первым, кто обогнул северную оконечность Европы— мыс Нордкап,—попал в Баренцово море и дал нам некоторые достоверные сведения о нем, был норман Отер. Путешествие его относится к 870—890 гг. Вслед за Отером в Баренцово море пустились и другие норманские мореплаватели. Эти «викинги», неустрашимые авантюристы, открыли Гренландию, Северную Америку и Свальбард, а на востоке доходили до Новой Земли. Об их удалых морских походах на север сложилось много народных песен, в которых правда смешана с вымыслом.

По Баренцову морю путь викингов обычно лежал от Нордкапа вдоль Мурманского берега на юго-восток и далее через горло Белого моря до устья С. Двины. Случалось, что ветер относил их ладьи далеко от берегов Европы в открытое море, и таким именно образом, повидимому, и был открыт Свальбард. Так, в одной исландской саге рассказывается о том, как викинга Одд и его спутников, которые плавали у берегов Мурмана, вынесло в открытое море и как они дрейфовали здесь в течение двадцати дней в северном направлении, пока их не принесло к неизвестному острову. Народная фантазия населила этот остров великанами, почему он и назывался Рисаландом (то-есть страной великанов). При таких же обстоятельствах попал на землю, лежащую на севере Баренцова моря,—вероятно, на Свальбард или Новую Землю,—и исландец Торкиль. По свидетельству Торкиля нужно было грести без отдыха четыре дня, чтобы попасть с Мурмана на этот северный

остров, где находятся громадные скалы. Он же рассказывал, что там длится вечная ночь и нет смены между мраком и светом.

Отбрасывая фантастический элемент, неизменно сопровождающий легенды о плавании скандинавов в Баренцово море, мы находим в них и некоторые верные сведения. Так, правильно отмечена необычайная пасмурность неба, частые туманы и бури этого моря. Последние считались викингами очень сильными и опасными, и для плаваний в Баренцовом море они советовали пользоваться кораблями особенно крепкой конструкции и покрывать их сверху бычачьими шкурами. Это были, следовательно, своего рода палубные суда, тогда как обычные ладьи викингов представляли собою беспалубные суда. Сильная бурность Баренцова моря много сот лет спустя была подтверждена уже научными наблюдениями. Бурность эта объясняется тем, что Баренцово море, в котором встречаются теплые воды Гольфстрима с холодными полярными течениями, очень часто посещается циклонами—громадными воздушными вихрями.

Вскоре за викингами, в XI столетии, на южных берегах Баренцова моря появляются новгородские выходцы. О плаваниях новгородцев по Баренцову морю не сохранилось никаких письменных сведений. Только уже во второй половине XVI века, когда в устье Двины стали плавать голландцы, англичане и датчане, главным образом с целью торговых сношений с Московией, мы начинаем находить упоминания о большом количестве русских ладей у берегов Мурмана. В то время русские плавали по Баренцову морю как с торговыми целями, так и с промысловыми. В охоте за китами и моржами они странствовали на своих утлых ладьях по всему Ба-

ренцову морю и имели свои становища как на Груманте[1], так и на Новой Земле. Первое письменное упоминание о плавании груманланов, как назывались русские промышленники, ходившие на Грумант (Свальбард), относится к 1576 году. Одно из первых сведений о посещении русскими Новой Земли дал нам итальянский писатель Мавро Урбино, живший в начале XVII века. По свидетельству этого писателя, Новая Земля была уже за 107 лет до того, как писалась его книга (то-есть в начале XVI века), известна русским, которые имели на этом острове постоянные поселения. Действительно, в 1594 году знаменитый голландский мореплаватель Виллем Баренц нашел на юго-западном берегу Новой Земли три деревянных дома, построенных русскими, разбитый русский корабль, мешки с мукой, а также несколько могил. Место это, расположенное у южного входа в пролив Костин Шар, Баренц назвал Мучным мысом. Он нашел следы пребывания русских и на северо-западном берегу Новой Земли. Здесь на небольшом острове, лежащем под 76° северной широты, были обнаружены русские кресты. Этот остров Баренц назвал Крестовым, и название это сохранилось за ним до настоящего времени.

Виллем Баренц первый положил на карту острова Свальбарда и Новую Землю, окаймляющие Баренцово море с запада и с востока, и таким образом этого мореплавателя, окончившего жизнь на крайнем севере Новой Земли, у мыса Ледяного, следует считать первым научным исследователем того моря, которое впоследствии названо было его именем. После Баренца море это

---

[1] Старинное русское название Свальбарда (Шпицбергена), искаженное Grönland (Гренландия).

посещали многие экспедиции, которые исследовали, однако, исключительно его берега. Само море, его глубины, течения, температура, соленость и другие физические и химические свойства воды, а также животный мир моря—все это стало изучаться гораздо позднее, во второй половине XIX века. Начиная с этого времени, в Баренцовом море производили исследования русские, норвежцы, шведы, голландцы, немцы. Но больше всего сведений о Баренцовом море собрано русскими, которые с начала текущего века систематически из года в год посылали и сейчас посылают туда хорошо оборудованные экспедиции. Благодаря этим работам мы знаем теперь, что в Баренцовом море почти неисчерпаемые богатства рыбы; знаем, что места, где промысловая рыба находится в большом количестве, зависят от формы морского дна, течений и целого ряда других факторов; что вливающаяся в Баренцово море теплая ветвь Гольфстрима — так называемое Нордкапское течение—оказывает самое глубокое влияние на климат севера Европы; мы знаем также, что напряженность этого течения колеблется из года в год, а в связи с этим колеблются и условия погоды на севере, колеблются запасы рыбы и меняются места их лова. Все это заставляет нас еще упорнее и тщательнее изучать теперь это море.

В отношении своей доступности Баренцово море может быть разделено на две части: на южную, где летом льдов не бывает, и на северную, где льды обычно держатся в течение круглого года. Положение южной границы льдов в Баренцовом море в июле месяце видно из прилагаемого рисунка. На нем показано среднее положение границы льдов, выведенное на основании наблюдений за много лет. В отдельные годы граница

льдов может отодвигаться то к югу, то к северу от этого среднего положения. Если льды заходят далеко на юг, то говорят о большой ледовитости моря в данном году, а если они занимают сравнительно небольшую часть моря, то говорят о малой ледовитости.

В настоящее время хорошо изучена только южная часть Баренцова моря, летом обычно свободная от льдов. Это объясняется как тем, что промысловая рыба, главным образом треска, держится в больших количествах только в южной половине моря, так и тем, что проникнуть далеко в область льдов для обыкновенного судна не так-то легко. Конечно, только благодаря последнему обстоятельству о существовании Земли Франца Иосифа на севере Баренцова моря мы узнали лишь в 1873 году. Глубоко в область льдов Баренцова моря до сих пор забирались только немногочисленные экспедиции и отдельные промысловые суда, охотящиеся там на тюленей, белых медведей и моржей. Не мало промысловых судов погибло в Баренцовом море, не будучи достаточно крепкими, чтобы противостоять напору полярной стихии.

В последние годы научная мысль выдвинула два новых соображения, которые побуждают приложить все усилия к тому, чтобы проникнуть возможно дальше в арктические льды; 1) оказалось, что систематические наблюдения над погодой в полярной области крайне важны для предсказания погоды в наших широтах и 2) трансарктическое воздушное сообщение может быть осуществлено только при условии существования в полярных странах достаточного числа баз и метеорологических радиостанций. Именно поэтому советским правительством было решено построить в 1929 году на Земле

Франца Иосифа постоянную станцию. Этот год является, таким образом, началом новой эпохи в истории Баренцова моря—когда не только южная его часть, но и северная, покрытая льдами, будет ежегодно посещаться и изучаться морскими судами.

Возникает, однако, вопрос: достаточно ли сильны для разрешения этой задачи те технические средства, которые находятся в наших руках? Ведь полярные льды не гостеприимны, и не одно уже судно, легкомысленно забравшееся в них, нашло там гибель. На этот вопрос можно ответить только утвердительно: да, наши средства для осуществления ежегодной навигации до крайних северных пределов Баренцова моря достаточно сильны. У нас есть ледоколы, гибли же во льдах Баренцова моря обычные суда, более слабые.

Первый опыт ледокольного плавания в Баренцовом море был сделан «Ермаком», который в 1901 году ходил под начальством С. О. Макарова на Землю Франца Иосифа. Вторым из ледоколов посетил высокие широты Баренцова моря «Малыгин», когда он в 1928 году в поисках экипажа дирижабля «Италия» и пропавшего без вести Роальда Амундсена, забрался в наиболее труднодоступную часть Баренцова моря (северо-западную), при том в первую половину лета, когда навигация там считается вообще невозможной. В том же году южные берега Земли Франца Иосифа посетил ледокольный пароход «Георгий Седов». Наконец, этот же пароход в 1929 году ходил на Землю Франца Иосифа и, выйдя за пределы Баренцова моря, достиг такой широты, где ледокола еще никогда не бывало. С этим последним плаванием мы и хотим познакомить здесь читателя.

1

На Север!

Да смотрел он под сторону под северну—
Да стоят-то-де там ледены горы...
Печорские былины

Да, вполне правы те полярные исследователи, которые утверждают, что самое трудное в полярной экспедиции ее подготовка. От продуманности плана и снаряжения экспедиции зависит весь ее успех. Я еще раз убеждаюсь в этом, стоя на мостике «Георгия Седова», пришвартованного к пристани, и глядя, как кажущиеся бездонными люки его поглощают поистине невероятное количество экспедиционного имущества. Уже погружены в разобранном виде целых три строения: жилой дом, баня и сарай. Каждое бревно, каждая доска точно пригнаны к определенному месту и имеют свой номер. Там, на Земле Франца Иосифа, у нас хватит времени только на то, чтобы собрать эти строения. И это лишь в том случае, если мы будем работать со сверх-американской быстротой. Поэтому успех дела зависит от тщательности подготовки здесь—в тылу. Плохо обтесанное дерево, забытый номер на доске, затерявшаяся в трюмах оконная рама — все это грозит серьезными последствиями. Но таких промахов не должно и не может быть. За этим зорко следят наш строитель—инженер Е. Е. Иляшевич, который проверяет каждый предмет, исчезающий в трюме,—и старший штурман «Седова», руководящий погрузкой.

Грузится продовольствие—сотни ящиков, бочек, мешков. Большая часть его предназначена для семи человек, остающихся зимовать на Земле Франца Иосифа. Мы их снабжаем продовольствием на три года. От доброкачественности его и целесообразного подбора продуктов будет зависеть здоровье зимовщиков, а потому и успех дела. Опыт всех полярных экспедиций показывает, что на эту сторону необходимо обращать самое серьезное внимание. Сколько экспедиций бедствовало именно из-за неумелого снабжения пищевыми продуктами. Если в старину полярные экспедиции запасались продовольствием, так сказать, «вслепую»—лишь бы его было достаточно, то теперь наука в состоянии указать нам в точных цифрах, что именно и сколько надо брать с собой в полярные страны. Три основных правила существуют здесь: 1) продукты питания должны быть насколько возможно разнообразны, 2) продукты, богатые витаминами С, должны быть взяты в достаточно большом количестве, и 3) продукты должны быть безукоризненного качества и безупречно укупорены.

Обо всем этом мы позаботились еще в Ленинграде и даже выписали кое-какие специальные пищевые продукты, как например пеммикан [1], из-за границы. Но на всякий случай здесь, в Архангельске, мы наскоро еще раз проверяем наше продовольствие. И не напрасно нам удается обнаружить несколько не вполне первосортных окороков, мешки с лежалой мукой и десятка четыре проржавевших банок с фруктовыми кон-

---

[1] Пеммикан есть концентрированный пищевой продукт употребляемый преимущественно во время санных экспедиций, где вес продуктов имеет большое значение. Главные составные части, пеммикана—сушеное мясо, жир, мука и овощи.

сервами. К счастью, все это удалось заменить в Архангельске доброкачественными продуктами. Мы не сомневались в том, что негодные продукты попали к нам не благодаря чьему-либо злому умыслу, но все же были неприятно удивлены халатностью организации, отпустившей их нам. Вспоминались случаи, имевшие место при снаряжении других экспедиций и повлекшие за собой самые серьезные последствия. Знаменитой полярной экспедиции Джона Франклина в 1845—1848 гг. были поставлены негодные мясные консервы, что обнаружилось только тогда, когда экспедиция уже находилась в полярных странах. Все консервы пришлось выбросить за борт, и экспедиция оказалась в очень тяжелом положении. Во время третьей зимы, которую этой экспедиции пришлось провести во льдах, на почве недоедания стала свирепствовать цынга и другие болезни, от которых умерли двадцать один человек. Экспедиции лейтенанта Г. Я. Седова, в 1912 году отправившейся на Землю Франца Иосифа, недобросовестным архангельским торговцем были проданы продукты самого низшего качества, в результате чего экспедиция испытывала большие лишения, и среди участников ее появились заболевания цынгой. В экспедиции Амундсена на судне «Мод», уже тогда, когда она дрейфовала во льдах, были обнаружены ящики, в которых вместо консервов лежали кирпичи. Совершивший это преступление так и не был обнаружен.

Невозможно перечислить все то, что было погружено на «Седова»: здесь, кроме строительных материалов, угля и продовольствия, были десятки бочек с керосином и бензином, узкоколейка, оборудование радиостанции, громадные запасы одежды, хозяйственные принадлеж-

ности, сани, лыжи, научные инструменты, библиотека. Последним был погружен на судно живой инвентарь: 12 собак, 7 коров и лошадь. Коровы были взяты на мясо, лошадью же мы предполагали воспользоваться для доставки строительных материалов к месту постройки, так как могло случиться, что станцию придется строить на значительном расстоянии от берега. Собак мы взяли, главным образом, для того, чтобы дать возможность нашим зимовщикам на Земле Франца Иосифа совершать экскурсии. К сожалению, у нас не было времени, чтобы вывезти из Сибири настоящих ездовых лаек, и собаки наши были частью приобретены в Ленинграде, частью в Архангельске. Тут были и самоедские лайки, и немецкие овчарки, и просто дворняжки.

К вечеру 20 июля «Седов» закончил погрузку и, приготовившись к принятию прощального визита жителей Архангельска, расцветился флагами. Раньше всех к пристани стали подходить колонны молодежи, затем со всех сторон потянулся к «Седову» рабочий люд. Вскоре пристань оказалась запруженной народом, и часть провожавших была вынуждена взобраться на большой подъемный кран, часть же устроилась на крышах пакгаузов. Заиграл оркестр, выступили представители общественных организаций Архангельска с прощальным приветствием, на которое отвечали начальник экспедиции, проф. О. Ю. Шмидт, и капитан «Седова» В. И. Воронин. Наконец с «Седова» рявкнуло три гудка, и под громкие напутственные крики собравшейся на пристани тысячной толпы судно начало медленно отходить.

Это был, впрочем, небольшой обман. На самом деле «Седов» еще не окончательно покидал Архангельск, а уходил —«на девиацию», то-есть для определения по-

правок судового компаса. Выполнив эту работу, «Седов» ненадолго снова пришвартовался к пристани и уже только около 6 часов утра 21 июля совсем распростился с Архангельском.

Через три часа «Седов» вышел в Двинский залив. Было тихо, море лежало, как зеркало, солнышко пригревало. Хорошей погоде мы очень обрадовались, так как шторм мог бы повлечь за собою серьезные неприятности для нас. Дело в том, что наш груз не весь поместился в трюмах «Седова», и часть его пришлось оставить на палубе, которая оказалась почти сплошь заваленной. Тут лежали и бревна, и бочки, и ящики, а среди них были размещены наши животные. Все это еще не было принайтовлено и, в случае волнения, конечно, могло бы очутиться в море. Разборкой и креплением палубного груза и занялась команда, пока «Седов» рассекал желтоватые воды Двинского залива, приближаясь к горлу Белого моря.

Тем временем мы знакомились с судном, которое должно было доставить нас на Землю Франца Иосифа. «Георгий Седов», ранее называвшийся «Beothic», был построен в 1909 году в Глазго, в Англии. Во время империалистической войны он был приобретен Россией для зимней навигации в Белом море. В последние годы «Седов» принимал участие в ледовой разведке для Карской экспедиции, а весною промышлял морского зверя (тюленя) во льдах Белого моря. Длина судна равна 252 футам (77 метрам), грузоподъемность его 1600 тонн [1]. Оно имеет машину в 2360 индикаторных сил, позволяющую ему развивать по чистой воде

[1] 1 тонна = 1000 килограммов.

ход в 13 узлов [1]. Пароход снабжен радиостанцией, радиотелефоном и радиопеленгатором [2]. Обслуживается он командой в 36 человек. «Седов» не является ледоколом в тесном смысле этого слова, это—«ледокольный пароход». Активность ледокольных пароходов во льдах значительно меньше, чем настоящих ледоколов, какими являются всем известные «Ермак» и «Красин».

Помещения для людей на «Седове» немногочисленны. Кроме кают, уже занятых судовым составом, нашлось только три, в которых разместилось 4 человека. Всего же нас, «гостей», на «Седове», было 34 человека. Двое устроились в судовом лазарете, в надежде, что больных не будет, всем же остальным участникам экспедиции пришлось расположиться в так называемом твиндеке—обширном помещении между верхней и второй палубой. Мы его называли просто трюмом, от которого по виду он мало отличался. Но это всегда вызывало искреннее возмущение капитана. Единственное достоинство твиндека заключалось в его величине—во время зверобойных кампаний здесь помещалось до 130 промышленников. Имелась на «Седове» еще небольшая каютка для судовой канцелярии. Надобности в ней у нас, конечно, не было. Мы устроили здесь гидрохимическую лабораторию, в которой работал наш гидрохимик А. Ф. Лактионов. Частенько заглядывали в эту лабораторию также зоолог экспедиции Г. П. Горбунов и пишущий эти строки. Хозяин встречал нас, однако, не очень гостеприимно. Он постоянно опасался, как бы кто не нанес ущерба всем его банкам, пробиркам,

---

[1] 1 узел = 1 морской миле в час = 1,85 километра.

[2] Прибор, позволяющий определять направление радиоволн, а по этим направлениям и местоположение судна.

0 20 40 60 80

80 75 70

Свальбард

Баренцово море

Новая Земля

Мурман

Среднее многолетнее положение льдов в Баренцовом море в июле месяце.

Древне-русская ладья.

Корабли Виллема Баренца.

бюреткам, которыми была заставлена тесная каморка. Кают-кампания на «Седове» не отличалась ни комфортом, ни размерами, и о том, чтобы обедать здесь всем вместе, не могло быть и речи: нам пришлось разбиться на три группы и обедать поочереди.

На следующий день мы уже вышли в Баренцово море и взяли курс на север, прямо к Земле Франца Иосифа. Неприветливо встретило нас море. Небо было покрыто тяжелыми свинцово-серыми тучами, крепкий «полунощник» [1] поднял изрядные волны. «Седова» замотало. Группы рабочих и других участников экспедиции, устроившиеся было среди наваленных на палубе ящиков и бочек для мирной беседы, стали понемногу редеть. То и дело поднимался кто-либо и, потягиваясь, с деланно равнодушным видом—«эх, отдохнуть бы!»—исчезал. Через некоторое время ушедшего можно было видеть стоящим у борта, где он как будто внимательно изучал волнующуюся поверхность моря.

Плохо приходилось нашим животным на палубе, то и дело их обдавало захлестывавшими за борт волнами. У коров был совсем жалкий вид. Их перевели на подветренную сторону и защитили от ветра брезентами. Бедные собаки, еще накануне оглашавшие судно задорным лаем, теперь притихли и беспомощно бродили по палубе в тщетных поисках сухого местечка. Лошадь перестала есть сено.

Наши ученые приступили к производству регулярных наблюдений над погодой и над температурой и соленостью моря. Метеорологические наблюдения производились через каждые четыре часа, а гидрологиче-

---

[1] Так наши поморы называют северо-восточный ветер.

ские—через каждый час. Оказалось, что температура поверхностного слоя моря была значительно ниже, чем полагалось бы здесь по сезону. Это нас не особенно порадовало, так как обычно низкая температура воды связана с большой ледовитостью моря. Значит, придется «Седову» побороться!

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее нас не очень радужно смотреть на ожидавшие нас ледовитые условия. В том году айсберги заходили в Баренцово море очень далеко на юг. Айсбергами называются громадные глыбы льда, отколовшиеся от покрывающих полярные земли ледников, которые здесь обычно спускаются к самому морю. Следовательно, айсберги, в отличие от морского льда, материкового происхождения. Это—настоящие ледяные горы, подводная часть которых в семь раз превышает надводную. Встреча с такой ледяной горой в тумане представляет большую опасность для судна. В 1912 году в Атлантическом океане при столкновении с таким айсбергом погиб гигантский пароход «Титаник» почти со всеми пассажирами. Особенно больших размеров айсберги бывают в полярных водах южного полушария. В 1927 году здесь была встречена ледяная гора, одна из сторон которой была длиною 67 километров. Это уже настоящий пловучий остров, и, действительно, известны случаи, когда мореплаватели принимали большие айсберги за острова.

Весною 1929 года несколько айсбергов было замечено у самых берегов Мурмана, а в середине июля, незадолго до выхода «Седова» в море, айсберг был обнаружен у северного входа в Белое море, около Городецкого маяка. Эти ледяные горы были принесены в южную часть Баренцова моря северными ветрами, вероятно,

со Свальбарда, возле юго-восточных берегов которого они обычно встречаются во множестве. Попав в струю Нордкапского течения, айсберги направились к востоку. Впоследствии мы узнали, что в этом году многочисленные айсберги были замечены и у северных берегов Норвегии. Ледяные горы редко подходят к самым берегам Европы. Обычно они начинают встречаться только на расстоянии 600—700 километров к северу от Мурмана. В литературе не имеется ни одного указания на то, что у берегов Мурмана когда-либо были замечены айсберги. А наш капитан В. И. Воронин, знаток северных морей, сообщил мне, что по словам его отца — тоже моряка — такое явление наблюдалось только один раз, лет семьдесят назад. Известен единственный случай появления ледяных гор у берегов Норвегии — в 1881 году. Но и тогда айсберги подходили к берегу не вплотную, а находились от него в расстоянии 50—80 километров.

К утру 23 июля ветер затих, волнение улеглось, и выглянуло солнце — редкий гость в Баренцовом море. Собаки быстро оправились после качки и, видимо, чувствовали себя вполне хорошо.

С этого дня мы начали выбрасывать бутылки с целью изучения морских течений. Берется обыкновенная бутылка из толстого стекла, которую заполняют цементом настолько, чтобы она, плавая в воде, была погружена по горлышко. Это делается для того, чтобы плавающая бутылка перемещалась не под действием в е т р а, а под влиянием т е ч е н и я. В бутылку вкладывается почтовая карточка, имеющая свой номер. На обратной стороне карточки напечатана на нескольких языках просьба, обращенная к нашедшему бутылку: пометить на кар-

точке место и день находки бутылки и отправить карточку по указанному месту. Прежде чем бросить бутылку в море, в особом журнале отмечают номер карточки, место, где бутылка выброшена, а также день. Бутылка с вложенной в нее карточкой закупоривается пробкой, которая сверху заливается варом или смолой. Такие бутылки долго, иногда месяцами и даже годами, носятся по морю, пока их в конце концов не прибьет к какому-нибудь берегу. Сопоставляя место, где бутылка была выброшена, с местом ее обнаружения, получают представление о направлении течения. С помощью этого несложного метода удалось в значительной степени расширить наши познания о морских течениях. В Баренцовом море «бутылочной почтой» пользовались пока еще мало. Между прочим, несколько бутылок было выброшено здесь австрийской экспедицией на судне «Тегеттгоф», открывшей Землю Франца Иосифа. Из этих бутылок впоследствии нашли только одну. Бросили ее в 1874 году у южных берегов Земли Франца Иосифа, а найдена она была в 1921 году русским промышленником на Новой Земле, около мыса Сухой Нос. Экспедиция на «Седове» выбросила всего 500 бутылок. В виду того, что течения в Баренцовом море направлены в общем на северо-восток, то-есть в область очень редко посещаемую, надежд, что выброшенные нами бутылки будут найдены, конечно, весьма мало. Но даже если будет обнаружено хотя бы несколько из наших бутылок, то и это позволит вывести интересные заключения о морских течениях.

На следующий день, 24 июля, в широте 75° 41′ N, мы получили первое приветствие от льдов. Это был айсберг. Те члены экспедиции, которым еще не приходилось

плавать в полярных водах, оказались, однако, разочарованными этой первой встречей с ледяной горой. Действительно, вид этого айсберга был жалок: небольшой осколок ледяной горы, очевидно подмытой волнами и распавшейся на части. Теплые воды Гольфстрима обточили встретившийся нам айсберг со всех сторон, а ударявшие об него волны то и дело уносили кусочки синего льда. Слабый северный ветер медленно увлекал айсберг к югу—на верную и близкую гибель в теплых водах.

Вскоре мы встретили еще несколько айсбергов. Вместе с тем понизилась температура воды, уменьшилась и ее соленость. Все это указывало на то, что мы находились уже недалеко от области льдов. И действительно, в 6 часов по носу показалась «кромка» льдов. Мы были у границы «застывшего» океана. Это было в широте $77^1/_4$° N—несколько севернее, чем мы ожидали. Как обычно, льды у кромки были сильно раздроблены и изъедены. Не уменьшая хода, «Седов» врезался в них и, продолжая свой путь на север, легко раздвигал льдины.

Однако постепенно льдины становились все больше, а пространства чистой воды уменьшались. Около полуночи мы оказались среди громадных ледяных полей, конца которых в тумане не было видно. Эти ледяные поля были почти совершенно ровными, а небольшая их толщина—около $^3/_4$ метра—указывала на то, что это был лед «годовалый», то-есть образовавшийся в Баренцовом море истекшей зимой. Пользуясь разводьями среди ледяных полей и время от времени разбивая ледяные перемычки, «Седов» медленно продвигался вперед. О том, чтобы строго придерживаться курса, уже не могло быть речи. Приходилось итти туда, куда нас вели разводья.

Но вот и разводьям пришел конец, и «Седов», вклинившись между двумя полями, остановился. Температура воздуха упала ниже 0°, повалил густыми хлопьями снег. Все потонуло в белой мгле. Типичный летний день в полярных морях!

Капитан крикнул в машинное отделение, чтобы вытравили пар, и, покинув мостик, удалился к себе в каюту. Я видел на лице многих моих спутников явное недоумение: «Что же это, при первом встретившемся препятствии уже складывать руки?» Но такова тактика борьбы со льдами—терпеливо выжидать, чтобы при первом благоприятном случае вырваться вперед и нанести льдам сокрушительный удар. Какой, в самом деле, имело бы смысл продолжать двигаться вперед в той обстановке, в которую мы попали? Вокруг не видно было ни пяди открытой воды, а дали все потонули в молочном тумане. Форсировать же многомильные ледяные поля, находящиеся впереди нас, это значит только бессмысленно тратить топливо. Остается одно—ждать, пока туман не разойдется и мы не получим возможности ориентироваться.

Нам пришлось простоять целый день. Палубу завалило снегом, собаки попрятались по укромным уголкам.

Под вечер на мостике, наконец, зашевелились. Зазвонил телеграф, и раздалась команда капитана:

«Готовить машину!»

Все встрепенулись и поднялись на палубу. Туман рассеялся, мы могли выяснить наше положение. Неутешительная картина представилась нам. На севере—там, куда лежал наш путь,—до самого горизонта простирались огромные ледяные поля, между которыми не было видно ни клочка чистой воды. При том сжатом

состоянии, в котором эти льды находились, не могло быть и речи, чтобы продолжать наше движение в северном направлении. Надо было выждать, пока льды под влиянием ветра не разведет.

Значит, опять ждать? Нет, на первый раз с нас было довольно этой испытанной тактики норвежских зверобоев! Было решено отойти несколько к югу, в область менее сплоченных льдов и направиться затем на восток в поисках более благоприятных условий для продвижения к Земле Франца Иосифа. Мы вполне сознательно выбрали это восточное направление, так как надеялись на теплое Новоземельское течение, ветвь которого проходит там. Влияние этого теплого течения на льды подтверждается всем опытом плаваний к Земле Франца Иосифа предшествовавших экспедиций и зверобойных судов. Почти всегда они находили более благоприятное состояние льдов к востоку от 45-го меридиана, на котором мы тогда как раз находились.

Искусно проводил наш капитан «Седова» сквозь льды. На крыше штурманской рубки на треножнике был установлен громадных размеров бинокль, который имелся на «Седове» для высматривания залежек тюленя на льду. За его чудовищные размеры он получил у нас название «осьминога». Теперь «осьминог» служил для высматривания открывавшихся впереди разводий и наиболее уязвимых ледяных перемычек. Капитан не отходил от «осьминога» и направлял «Седова» то в одну, то в другую сторону, отдавая приказания старшему штурману.

«Юрий Константинович, выходите на ту воду, что поправее носа! Держите на перемычку с небольшим ропачком!»

«Есть—на перемычку с ропачком! Право руля!»

«Есть право руля»,—откликается рулевой.

«Подерживай! Так держать!»

«Есть так держать!»

«Полный вперед!»

И «Седов», с разбегу ударяя о перемычку, взбирается на нее передней частью корпуса, от тяжести которого перемычка ломается. Из пенящейся у бортов воды с шумом выныривают синие льдины, становясь ребром. При некотором навыке легко теперь определить толщину льда. Она все такая же—около одного метра. Но ледяные поля понемногу становятся все торосистее. Мы всемерно избегаем торосистых перемычек, так как знаем, что в таких местах лед очень глубоко сидит в воде—до пяти и более метров. Такой лед «Седову», конечно, не под силу. Все же иногда нельзя избежать ударов о торосистую льдину. Что льдина торосистая—это чувствуешь, даже сидя в кают-кампании. При ударе о нее судно сотрясается всем корпусом, что-то глухо ухает, и посуда на столе звенит.

В этих торосистых льдах «Седов» едва не попал в ловушку. Надо было проскользнуть через узкую щель между двумя большими полями, по краям которых в хаотическом беспорядке были нагромождены высокие торосы, доходившие до мостика судна. Едва «Седов» успел выйти отсюда, как поля надвинулись одно на другое, и нагроможденные на их краях глыбы льда с треском начали обрушиваться, образовав в конце-концов одну громадную гряду. «Седов», конечно, не пострадал бы от этого давления, но мог бы надолго оказаться сжатым среди двух полей.

Наш зоолог уже деятельно занялся сборами. То и дело

попадаются льдины совершенно бурого цвета. На первый взгляд кажется, что эти льдины находились когда-то вблизи берега и что цвет их вызван находящимся в них песком. На самом деле это не так. Они окрашены в бурый цвет особыми водорослями. Когда ледокол разбивает такую льдину, из-под нее выплывают слизистые бурые комочки, иногда величиною с кулак—это и есть водоросли. Г. П. Горбунов вылавливает их сачком и собирает в банку. Иногда ледокол выбрасывает на лед маленькую рыбешку—«сайку». Она трепещет на льдине, стараясь соскользнуть в воду, и в конце концов становится жертвой нашего зоолога. Но гораздо больше их попадает чайкам. Эти птицы уже давно приметили, что «Седов», разбивая льды, то и дело выбрасывает рыбу на лед. Поэтому чайки не покидают «Седова» и, как только заметят выброшенных рыб, камнем падают с высоты и с поразительной ловкостью хватают их. Если «Седову» случается остановиться, из-за тумана ли или вследствие сжатия льдов, чайки садятся неподалеку и спокойно выжидают продолжения плавания.

В разводьях то и дело «выстают» тюлени, на короткое время показывая из воды свои гладкие головы. Стрелять в них с борта бесцельно, так как в это время года они не жирные и убитые быстро идут ко дну. На льдинах иногда видны морские зайцы—особый вид крупных тюленей. Они нежатся на солнце, но очень чутки. Приблизиться к ним судну на расстояние верного выстрела невозможно, времени же для высадки на лед охотников у нас нет. Пока льды позволяют, надо пользоваться случаем и, не задерживаясь, итти вперед.

На одной льдине мы видели отчетливый свежий след песца. Это было, примерно, в широте 79° N, на расстоя-

нии 120 километров от ближайшей земли. Что занесло этого беднягу на пловучие морские льды,—неизвестно. Вероятно, он бродил по льду недалеко от земли, а затем этот лед внезапно оторвало ветром и унесло в открытое море. Песец обитает только на суше, где находит свою главную пищу—леммингов. Это похожие на мышей маленькие грызуны, которых у нас на севере зовут «пеструшками». На пловучих льдах песец едва ли сумеет промыслить себе пищу, и участь бедняги, на следы которого мы наткнулись, не завидна.

27 июля, в то время, когда я отдыхал у себя в каюте, меня разбудил неистовый топот ног на палубе. Я сразу понял, в чем дело: медведь! Первая медвежья охота полярной экспедиции, по крайней мере по моему опыту, всегда происходит удивительно безалаберно и, откровенно говоря, не оставляет приятного впечатления. После изданного кем-то истерического возгласа «медведь!» на судне поднимается суматоха, точно крикнули «пожар!» Охотники, сжимая в дрожащих от волнения руках винтовки, подбегают к борту, и начинается самая беспорядочная пальба. Раненый медведь удирает, но в конце концов, изрешетенный десятками пуль, падает. Установить в такой обстановке, чья пуля уложила медведя, является невозможным. Не менее часто бывает, что медведю, хотя и раненому, удается скрыться. Этот последний вариант охоты, конечно, самый нежелательный, ибо, обычно, зверь бывает ранен настолько тяжело, что рано или поздно должен погибнуть.

На этот раз охота прошла именно по описанному трафарету, при чем зверь нам достался. Это была медведица основательных размеров. С ней был маленький медвежонок, которого мы хотели взять живьем. Увидав

свою мать, лежащую на льду в луже крови, медвежонок в паническом страхе бросился бежать, то перелезая через ледяные глыбы, то переплывая небольшие разводья. Наконец он взобрался на остроконечный торос и стал смотреть, как спустившиеся на лед какие-то незнакомые существа поволокли его мать к судну.

Взять медвежонка оказалось, однако, делом не легким. Гнаться за ним можно было только по льду, и каждое более или менее широкое разводье являлось препятствием, которое надо было обходить, а за это время медвежонок успевал перебежать в противоположную сторону. Провозившись с медвежонком около получаса, мы решили прекратить охоту. Было бы непростительно не воспользоваться появившимися широкими разводьями для движения на север. Когда мы уходили, медвежонок подбежал к тому месту, где убили его мать, и огласил полярную пустыню громким ревом. Он, наверное, погиб вскоре, так как был еще слишком мал, чтобы самостоятельно добывать себе пищу.

По мере того, как мы продвигались на север, льды становились все тяжелее. Это уже не были ровные поля годовалого льда, а мощные торосистые поля льда многолетнего. Средняя его толщина равнялась 2—3 метрам, но отдельные торосы сидели в воде на 10 и более метров. Этот многолетний лед, без сомнения, был принесен сюда ветрами из северной части Карского моря, а может быть, и из Полярного бассейна. Форсировать этот полярный «пак» не под силу даже мощному ледоколу, и если он находится в сжатом состоянии, то представляет собою непреодолимую преграду для судна. К счастью, мы еще находили лазейки между отдельными ледяными полями.

Капитан не отрывался от своего «осьминога», а в помощь ему ледяную пустыню обозревал матрос, сидевший в «вороньем гнезде», как называется установленная на марсе бочка. Этим приспособлением исстари пользуются арктические зверобои для выискивания пути среди льда. Из «вороньего гнезда», обычно находящегося на высоте 25-35 метров, видно, конечно, гораздо дальше, чем с мостика. Так называемая «дальность видимого горизонта» составляет из «вороньего гнезда» 10-12 миль.

Медленно, но упорно продвигались мы вперед среди хаоса ледяных нагромождений.

«Что, Владимир Иванович,—обратился кто-то из новичков в полярных плаваниях к капитану,—подгребаем к Францу?»

Но капитан молчал. Он хорошо знал, что полярные льды полны коварных ловушек и что, плавая во льдах, никогда нельзя сказать, что будет через час. Главное— не было бы туману!

А туман, этот злейший враг полярного исследователя, как раз и навалил—густой, как молоко. Пришлось остановиться, забросив на поле ледяной якорь. Вскоре раздался характерный шорох льдин—началось сжатие. Через какие-нибудь четверть часа «Седов» уже находился в крепких ледяных тисках. Сколько придется нам тут простоять—несколько часов или дни, недели? Невольно вспоминается, что даже «Ермак» как-то был вынужден беспомощно простоять в плену у льдов Баренцова моря почти целый месяц! А деревянные суда—те сплошь и рядом вовсе не выбираются из таких ловушек, как это случилось с австро-венгерской экспедицией на судне «Тегеттгоф», открывшей Землю Франца Иосифа, куда теперь лежал наш путь.

2

Открытие Земли Франца Иосифа

> Ныне следует о трудности от льдов рассудить.
>
> Ломоносов.

В 1870 году знаменитый русский геолог и революционер П. А. Кропоткин задумал большую экспедицию для исследования наших полярных морей. Особенно хотелось Кропоткину проверить его предположение о существовании на севере Баренцова моря, между Свальбардом и Новой Землей, еще неизвестной земли. Различные соображения, а главным образом наблюдения над льдами Баренцова моря, привели Кропоткина к тому заключению, что «между Шпицбергеном (Свальбардом) и Новой Землей находится еще не открытая земля, которая простирается к северу дальше Шпицбергена и удерживает льды за собою». Свой проект экспедиции с просьбой об отпуске необходимых на ее осуществление средств Кропоткин подал на рассмотрение правительству. Оно отказало в средствах, и экспедиция не состоялась.

Мыслями Кропоткина и его проектом, однако, очень интересовались за границей, и вскоре там возник план большой экспедиции для исследования области к северо-востоку от Новой Земли,—в то время область эта представляла собою белое пятно на карте. Этот план был предложен лейтенантами австрийского флота Юлиусом Пайером и Карлом Вейпрехтом. Они быстро сумели убедить нескольких богатых лиц в важности проектировав-

шегося исследования. Необходимые деньги были собраны, и 13 июня 1872 года специально построенное для этой экспедиции деревянное паровое судно «Тегеттгоф» покинуло германский порт Бремергафен и направилось в Баренцово море.

Тот год был в Баренцовом море очень ледовитым. В конце июля «Тегеттгоф» встретил кромку льдов уже в широте 74¼° N, то-есть на 330 километров южнее, чем «Седов» в 1929 году. «Тегеттгофу» не удалось дойти даже до северной оконечности Новой Земли, так как в конце августа он был затерт льдами у западного берега этого острова, несколько севернее небольших островов Баренца. В том же году, примерно в этом же районе, затерло льдами одно норвежское промысловое судно, которое погибло.

Когда «Тегеттгофа» сжало льдами около Новой Земли, никто и не думал, что льды пленили судно навсегда. Все считали, что через несколько дней, в крайнем случае недель, льды разойдутся, и судно снова получит возможность двигаться. «Если бы мы знали в тот вечер, когда льды сошлись вокруг «Тегеттгофа»,—пишет Пайер,—что отныне наше судно проклято безвольно следовать прихоти льдов, что настоящим судном оно уже никогда будет—мы могли впасть в отчаяние. Только много позже для нас стало ясно, что из свободных исследователей мы превратились в пассажиров льда».

Осенью «Тегеттгофа» вместе со льдами вынесло в открытое море. Наступила полярная ночь с ее штормами и метелями. Льды со страшной силой напирали на судно, грозя раздавить его, как ореховую скорлупу. Все было приготовлено на тот случай, если придется оставить судно. Чуть ли не ежедневно, когда грохот

льда и треск судна возвещали о начавшемся сжатии, участники экспедиции бросались в каюты, наспех одевались и выбегали на палубу, каждую минуту готовые спрыгнуть на лед. «Это были жуткие моменты,— говорит Пайер,—когда приходилось одеваться, чувствуя, как дрожат стенки судна, в то время как снаружи лед трещал и скрипел. Выбегаешь на палубу с котомкой в руке, готовый бросить судно и начать странствовать—куда, никто из нас не знал. А льдины кругом все продолжали громоздиться одна на другую, вылезая на палубу. Ничто не оставалось в покое».

В течение 130 суток судно находилось под постоянной угрозой быть раздавленным льдами и пойти ко дну. К весне, когда льдины вокруг «Тегеттгофа» смерзлись в большие поля, наступила более спокойная пора. К этому времени ветры и течения отнесли судно уже далеко от того места, где оно было захвачено льдами: оно находились тогда в 250 километрах к северу от Новой Вемли, в водах, которые до этого еще ни разу не посещались человеком.

Наступило лето, но положение «Тегеттгофа» не изменялось. Все попрежнему он находился в крепких тисках льда, и вокруг судна, до самого горизонта, простиралась белая пустыня. Надежды на освобождение судна изо льдов рухнули, и мореплаватели уже стали свыкаться с мыслью о второй вынужденной зимовке в плавучих льдах. Продовольствия пока было достаточно, так как экспедиция, выходя из Бремергафена, предусмотрительно захватила его с расчетом на 2½-3 года.

Но вот, совершенно неожиданно, 30 августа 1873 г. произошло важное событие в монотонной жизни затертого во льдах корабля. «Около полудня»,—рассказывает

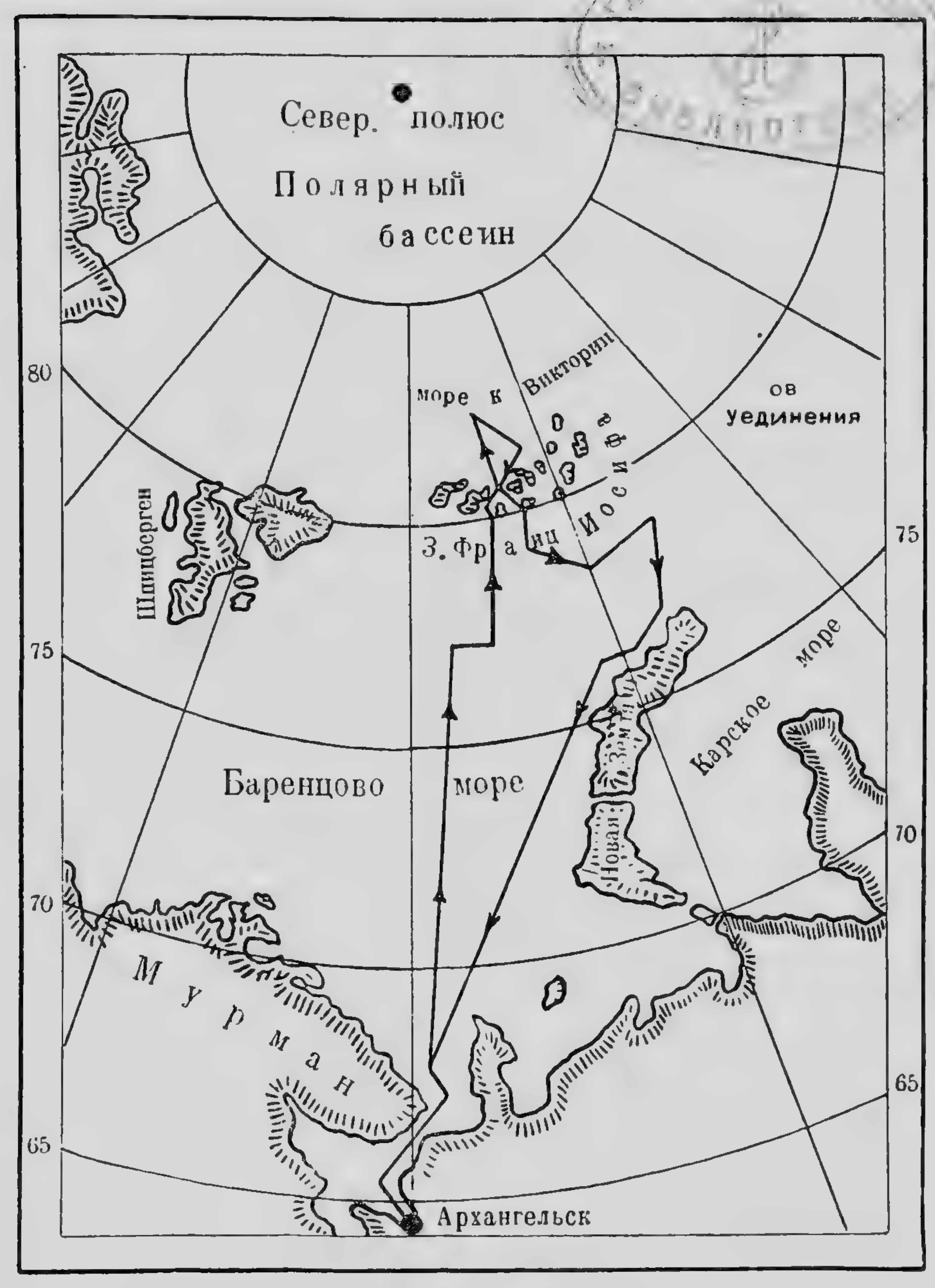
Пайер, — мы стояли, облокотившись о борт корабля, бесцельно глядели в туман, который то тут, то там начинало разрывать. Внезапно на северо-западе туман рассеялся совсем, и мы увидели очертания скал. А через несколько минут перед нашими глазами во всем блеске развернулась панорама горной страны, сверкавшей своими ледниками. В первое время мы стояли точно парализованные и не верили в реальность открывавшейся перед нами картины. Затем, осознав наше счастье, мы разразились бурными криками: земля, земля!»...

Предположение Кропоткина о существовании земли на севере Баренцова моря блестяще оправдалось. Австрийцы назвали ее Землею Франца Иосифа.

Вскоре после того, как экспедиция увидела впервые этот архипелаг, «Тегеттгофа» подувшими северными ветрами стало относить к югу. Вступить на вновь открытую землю австрийцам удалось только 1 ноября. Первым был посещен небольшой остров на юго-востоке Земли Франца Иосифа, названный островом Вильчека — в честь лица, финансировавшего экспедицию. В это время уже снова настала полярная ночь. «Когда мы вступили на сушу, мы не заметили, что она состояла только из снега, голых скал и смерзшихся камней и что, в сущности, на земле едва ли мог существовать более печальный и безнадежный уголок, чем этот остров. Нам он казался настоящим раем». Так Пайер описывает свое первое впечатление от острова Вильчека.

Темнота не позволила немедленно приступить к исследованию открытой земли. Приходилось ждать окончания длинной, 125-суточной полярной ночи. Опять однообразно потекла жизнь на судне. Усилились заболевания цынгой, которые случались и в первую зиму. В начале

Вид—на Землю Франца Иосифа.

Путь экспедиции на Землю Франца Иосифа.

Айсберг в Баренцовом море.

Белые медведи (по Олаусу Магнусу, 1555 г.).

марта от этой болезни скончался машинист Криш. Весною заболевания стали прекращаться. Этому способствовала, главным образом, удачная охота на белых медведей, которых было убито 67.

Цынга сопутствовала почти всем полярным экспедициям, снаряжавшимся до последнего десятилетия прошлого века. Не мало храбрых людей не вынесло этой болезни. Известны случаи, когда от цынги гибли целые экспедиции. Так, например, во время Великой Северной экспедиции отряд лейтенанта Ласиниуса, зимовавший в 1735 году на северном побережье Сибири (в устье реки Хараулах) потерял, благодаря цынге, 43 человека из 52. Лейтенант Лазарев, отправившийся летом 1819 г. на Новую Землю с целью перезимовать там, был вынужден вернуться, так как вся его команда заболела цынгой и некому было управлять шхуной. Цынга обычно начинается общим упадком сил и апатией. Вскоре появляется размягчение и кровоточивость десен, а затем конечности покрываются темными пятнами. В настоящее время, особенно после открытия витаминов, цынгу можно считать окончательно побежденной человеком. И если случаи заболевания цынгой изредка имеют место и теперь в полярных экспедициях и на полярных радиостанциях, то это лишь благодаря плохому снабжению экспедиции или нежеланию участников ее подчиниться определенному режиму.

Как только взошло солнце, австрийцы стали готовиться к санным путешествиям для исследования Земли Франца Иосифа. Первая экскурсия была предпринята в середине марта. Пайер посетил мыс Тегеттгоф и поднялся на ледник Сонклар на острове Галля. Погода стояла маловетреная, но было очень холодно, и на

вершине ледника термометр Цельсия показывал 50° ниже нуля. Это самая низкая температура, до сих пор отмеченная на Земле Франца Иосифа. Путешественники, недостаточно хорошо снаряженные для такой стужи, во время ночевок в палатке очень страдали от холода.

В конце марта Пайер, в сопровождении шести других участников экспедиции, вышел в большую санную экспедицию. Собак у австрийцев имелось только три и поэтому перетаскивать сани приходилось главным образом людям. В эту экспедицию Пайеру удалось дойти до крайней северной оконечности Земли Франца Иосифа, названной им мысом Флигели. Пайер, однако, не знал, что этот мыс является самой северной точкой открытого австрийцами архипелага; ему казалось, что дальше к северу находится еще другая земля, он даже дал этой земле название—Земля Петерманна. Впоследствии другие экспедиции выяснили, что никакой земли к северу от мыса Флигели не существует. Очевидно Пайер принял за землю гряду торосов. Такая ошибка вполне возможна, и случаи, когда полярные исследователи принимали нагромождения торосов за сушу, далеко не единичны. Несуществующая «Земля Петерманна» долго помещалась на географических картах, пока не была окончательно доказана ошибка Пайера. По тому месту, где Пайер отметил свою «Землю Петерманна», в 1900 прошел итальянец Каньи, а в 1914 году—русский штурман Альбанов. Никакой земли там не оказалось, кругом до самого горизонта простиралось покрытое льдом море.

Целый месяц странствовал Пайер по Земле Франца Иосифа, собирая образцы горных пород, изучая строение островов и покрывающих их ледников, знакомясь с животной жизнью архипелага. Большая часть Земли Франца

Иосифа была заснята Пайером и положена на карту. Но карта его очень неверна. Как это ни странно, Пайер, путешествуя по Земле Франца Иосифа, не заметил, что она состоит из множества островов. Их всего около 75, не считая совсем маленьких. Пайеру же казалось, что Земля Франца Иосифа—это два больших массиза суши, разделенные проливом, которому он дал название Австрийского. Так Пайер и изобразил Землю Франца Иосифа на своей карте. Очевидно, австрийский исследователь принимал проливы, разделявшие острова, за долины, заполненные ледниками. Пайер путешествовал по Земле Франца Иосифа весной, когда все проливы еще покрыты невзломанным льдом, а следовательно, такая ошибка, особенно при частых туманах, бывающих на Земле Франца Иосифа, вполне возможна.

Не обошлось и без приключений. Во время перехода по леднику острова Рудольфа сани с собаками и каюром[1] Цаниновичем упали в ледниковую трещину на глубину 12 метров. Такие трещины, образующиеся в ледниках вследствие их движения, на Земле Франца Иосифа весною совершенно замаскированы снегом. Положение упавшего в трещину Цаниновича было незавидно, так как у Пайера не было с собой достаточно длинной веревки, чтобы помочь упавшему выбраться. Пришлось итти за веревкой в лагерь, отстоявший от места приключения довольно далеко. Только через 4½ часа Пайер, прихватив в лагере другого спутника, подошел к трещине. Он нагнулся над зияющей пропастью и прислушался: там не раздавалось ни звука. Только когда он крикнул несколько раз в трещину, оттуда донесся сла-

[1] Каюром в Сибири называют вожатого собачьей нарты.

бый визг собаки. Неужели Цанинович уже успел замерзнуть? Обвязавшись канатом, конец которого Пайер держал в руке, спутник его начал спускаться в трещину и скоро исчез в темноте. К счастью Цанинович был еще жив. Оказалось, что он не долетел до конца трещины, задержавшись в ее сужении, образованном небольшим выступом льда. С большим трудом вытащили почти замерзшего Цаниновича, а вслед за ним и собак, которые от радости стали кататься по снегу.

Между тем наступил уже май месяц, а «Тегеттгоф» попрежнему стоял неподвижно, скованный льдами. Надежды на освобождение судна окончательно покинули путешественников. Оставался только один путь выбраться из ледяной ловушки—попытаться на шлюпках добраться до Новой Земли. Там можно было встретить русских промышленников, которые оказали бы помощь экспедиции и доставили команду «Тегеттгофа» в культурные страны. На это и решились Пайер и Вейпрехт.

Спешно шли подготовления к далекому и рискованному путешествию. Были отремонтированы четыре шлюпки, которые в начале пути предстояло тащить на санях по льду. Долго обсуждался вопрос, что следует брать с собою из снаряжения и продовольствия. Ведь все надо было тащить на собственных плечах, а потому следовало ограничиться лишь самым необходимым. С другой стороны, длительность перехода заранее нельзя было определить, следовательно, продовольствием надо было запастись на долгое время. Оно состояло главным образом из пеммикана, колбасы с горохом и мясных консервов. Несмотря на жестокую экономию, груз в конце концов набрался порядочный: 2½ тысячи килограммов продовольствия и 2 тысячи килограммов снаряжения, не

считая шлюпок и саней. С этим грузом отважные мореплаватели, числом 23, и пустились в путь, послав последнее «прости» угрюмым скалам Земли Франца Иосифа и стоявшему возле них судну. Это было 20 мая 1874 года.

Путешествия по пловучим морским льдам являются одними из самых трудных. Неровности льда, мягкий подтаявший снег, в котором ноги увязают выше колена, и то и дело встречающиеся пространства открытой воды между льдами—все это позволяет продвигаться вперед только очень медленно. Напрягая все свои силы, наши путешественники волокли по льду тяжело нагруженные лодки. День за днем проходил в этой изнуряющей работе, но успех был небольшой. Путники скоро убедились, что весь их труд напрасен, так как упорно дувшие южные ветры относили лед назад с той же скоростью, с которой австрийцы шли на юг. В результате—за целый месяц им удалось пройти из предстоявших 250 миль только $1\frac{1}{4}$ мили. Мачты покинутого судна все еще отчетливо виднелись позади. Особенно удручающим было то, что за этот месяц бесплодной работы съедена третья часть всего продовольствия.

В конце июня во льдах стали появляться разводья, которые путешественники могли переплывать на лодках. Снова появились надежды, но—увы!—так же быстро, как они пришли, так же скоро они исчезли.

В начале июля льды опять сошлись, и путники оказались среди хаоса нагроможденных одна на другую льдин. Воды не было видно нигде. «Если ухудшение нашего положения вообще еще было мыслимо,—пишет Пайер,—то оно случилось теперь, в начале июля». И все же с непоколебимым упорством, шаг за шагом, австрийцы среди лабиринта торосов прокладывали себе

путь к югу, туда, где должно было находиться открытое море, а вместе с ним и спасение.

Но тут снова задули южные ветры и стали отгонять льды к северу. Результат оказался тот, что в середине июля несчастные путники находились всего в расстоянии 15 километров от судна, покинутого два месяца назад! «Отчетливо видели мы обрывы острова Вильчека. Что-то издевающееся было в этих скалах, залитых белым светом полярного дня. Казалось, что после всей этой долгой и несказанно утомительной борьбы со льдом, нам оставался один исход: возвращение к судну и третья полярная ночь. Ну, а если не удастся найти судно, то ледяному морю суждено стать нам могилой!.. Для нас было счастьем тогда, что земля шар и что мы поэтому не могли видеть, какой большой путь по льду нам еще предстоит впереди, прежде чем мы дойдем до открытого моря. Если бы мы были в состоянии обозреть эту ледяную пустыню—мы впали бы в отчаяние». Так вспоминает Пайер о тех мрачных днях экспедиции.

Наконец, во второй половине июля, положение улучшилось. Льды временами стало разводить, и путешественники получили возможность передвигаться по каналам и полыньям на шлюпке. Но и эти разводья появлялись только на короткое время. То и дело льды сжимались, и тогда приходилось вытаскивать лодки и терпеливо ждать появления нового разводья. Средний суточный переход в это время все же составлял уже 4 мили.

15 августа был великим днем для экспедиции—днем освобождения из льдов. Полыньи становились все шире и шире, появилась зыбь. Наконец показалась и кромка льдов, а за нею безграничная ширь открытого моря! «При виде волнующегося моря, нам казалось, что мы

вышли из темной холодной гробницы для новой жизни. Но, несмотря на всю безумную радость, охватившую нас при мысли о нашем освобождении, все же мы не могли без боли подумать о том, что нам теперь навсегда предстоит проститься с застывшим полярным царством, с царством льдов, которые сверкали позади нас во всей ослепительной красоте». Эти последние слова Пайера очень характерны. Полярные страны властно влекут к себе человека, раз побывавшего в них, даже тогда, если это пребывание были связано с тяжелыми лишениями...

Выйдя в открытое море, путешественники взяли курс на Новую Землю. Погода стояла маловетреная, и почти весь путь пришлось сделать на веслах. В ночь с 17 на 18 августа пристали к мысу Черному на Новой Земле. Это была первая земля, на которую путники ступили после трехмесячного скитания по морскому льду, полного невероятных трудностей и лишений.

23 августа экспедиция достигла мыса Бритвина на южном острове Новой Земли. К этому времени продовольствия оставалось уже только на десять дней. Но избавление было уже близко. Неожиданно путешественники увидели в бухте Пуховой два стоявших на якоре судна. Это были русские промысловые шхуны. На одной из них, шхуне «Николай», которой командовал промышленник Федор Воронин, австро-венгерская экспедиция была благополучно доставлена в Варде, небольшой порт на севере Норвегии.

По интересному совпадению, нашу экспедицию на «Седове» вел теперь к Земле Франца Иосифа потомок того самого Федора Воронина, который 55 лет назад спас австро-венгерскую экспедицию, открывшую этот архипелаг.

3

Белая земля

> Давно ли грезилась нам в мечтах наших эта земля, и вот, как видение, как сказочная страна, явилась она перед нами. Ослепительно белая, виднеется она на краю горизонта, как отдаленное облако, за которое боишься, что вот-вот оно исчезнет.
>
> Ф. Нансен.

Невольно вспоминались все невзгоды австро-венгерской экспедиции, когда «Седов» на своем пути к Земле Франца Иосифа застрял в тяжелых многолетних льдах. И так же невольно перед всеми встал один и тот же вопрос: «надолго ли?»

На этот раз освобождение пришло неожиданно скоро. Так же быстро, как льды окружили «Седова», они снова разошлись. Опять заработал винт парохода, вспенивая воду и далеко отбрасывая осколки льда, заскрипели трущиеся о ледяные поля борта судна. Седовцы ожили и весело забродили по палубе, то и дело спотыкаясь при сильных ударах форштевня о лед.

К вечеру 28 июля туман стал редеть, и внезапно на горизонте зачернели скалы.

«Неужели уже Земля Франца Иосифа?»—недоверчиво спрашивали седовцы.

Да, это была она—цель наших стремлений. Пока нам открывались еще только самые верхушки ее прибрежных скал, но в том, что мы находились уже у северных пределов ледяной пустыни Баренцова моря, сомнений быть не могло.

Никто из нас не ожидал увидеть землю так скоро, хотя мы и знали, что, благодаря необычайной прозрач-

ности воздуха в полярных странах, земли здесь можно заметить с громадного расстояния. Я помню, что, подходя к Земле Франца Иосифа в 1913 году с экспедицией лейтенанта Седова, я увидел этот архипелаг уже в расстоянии 120 километров. Но теперь мы были гораздо ближе к островам, и, не будь тумана, мы усмотрели бы их, вероятно еще вчера.

Несомненно, нас все последние дни уносило течением в нужном нам направлении вместе со льдами. Впоследствии я подсчитал скорость этого течения: оказалось, что судно дрейфовало на север со скоростью в среднем семи миль в сутки. Солнце последнее время вовсе не проглядывало, а потому мы не могли точно определить свое местоположение с помощью астрономических наблюдений. В результате мы считали себя гораздо южнее, чем были на самом деле.

Льды понемногу стали редеть, а вместе с тем повысилась и температура воды на поверхности моря. В тяжелых льдах она составляла—1,5°, теперь же поднялась до—0,2°. Приблизиться к Земле Франца Иосифа в тот же день нам не удалось, так как туман снова сгустился. Он даже не позволил нам точно определить, к какому именно месту Земли Франца Иосифа мы подошли. Только на следующий день утром, когда туман разнесло, выяснилось, что мы находимся у южных берегов острова Гукера—одного из довольно больших островов в южной части архипелага. Этот остров был впервые замечен в 1879 году голландской экспедицией на судне «Виллем Баренц» и приближенно положен на карту английской экспедицией Ф. Джексона в 1894—1897 гг. Более подробно он был исследован экспедицией лейтенанта Г. Я. Седова в 1914 году. Остров на-

зван по имени известного английского ботаника Иосифа Гукера.

Осторожно, опасаясь наткнуться на подводную скалу в этих еще совершенно не обследованных водах, «Седов» стал приближаться к берегу. Все отчетливее вырисовывался остров. Весь он был покрыт мощным слоем льда, почти всюду доходившим до самого моря. Только скалы у южного берега оставались свободными. Издали казалось, что они отвесно спускаются в море и, лишь приблизившись к ним на расстояние одной мили, мы увидели, что под скалами находится узкая полоска земли, покрытой беспорядочной каменной россыпью. Сюда и было решено произвести высадку с целью водружения флага Советского Союза.

С грохотом упал якорь, матросы завозились у шлюпбалок, готовясь спустить лодки. Все горели нетерпением почувствовать под ногами твердую землю. Быстро прошли мы небольшое расстояние, отделявшее судно от берега, лавируя среди многочисленных здесь айсбергов. Шлюпки пристали к берегу, и все разбрелись по нему. Неприветливая земля. Мрачные базальтовые скалы, придавленные сверху тяжким льдом, почти отвесно уходили в небо. Кое-где со скал текли шумные ручьи, напоминавшие о том, что и здесь бывает лето. Узкий берег внизу был сплошь завален камнями. Они обрушиваются сюда с высоких скал, и мы теперь то и дело слышим, как сорвавшиеся камни с глухим рокотом катятся вниз. Далеко по этой береговой полосе не уйдешь: с западной стороны совсем близко уже виден спускающийся в море ледник, а на востоке, километрах в трех, земля ограничена другим ледником. Только совсем небольшие пространства суши остаются здесь свободными от веч-

ного льда. Пятнадцать лет тому назад я производил съемку острова Гукера и подсчитал ту часть его поверхности, которая покрыта ледником,—оказалось, что она составляет 87%. А встречаются и такие острова на Земле Франца Иосифа, которые сплошь заняты ледником. Ни одного черного пятнышка не видно на таком острове, и издали его трудно отличить от облака.

Да, поистине—ледяная страна! Но если приглядеться внимательнее, то видишь, что и здесь живая природа ведет борьбу с холодом и со льдом. И не безуспешно. Вот среди камней небольшая ровная площадка ярко-зеленого цвета—это мох, в котором ноги приятно увязают по щиколотку. А вот и цветы—множество их растет в небольшой защищенной от ветров ложбинке, и присутствие этих цветов здесь, рядом с вечным льдом и холодным мрачным базальтом, кажется почти невероятным. Это преимущественно полярный мак и красные камнеломки. Поразительна приспособляемость этих растений к суровому климату Земли Франца Иосифа, где средняя температура только одного месяца в году—июля—лежит выше точки замерзания воды.

Набрав образцов горной породы и представителей растительного царства, мы приступили к водружению советского флага. Он был заготовлен еще в Архангельске и сделан из железа, так как матерчатый флаг быстро истрепали бы жестокие ураганы, свирепствующие на Земле Франца Иосифа. Мы решили установить его на боковой морене[1] ледника, непосредственно примыкаю-

[1] Ледники, покрывающие сушу, имеют хотя и медленное, но постоянное движение. Двигаясь, ледник отрывает камни и другой твердый материал, находящийся на дне и у боков его ложа. Этот материал нагромождается у конца ледника, а также по его бокам, в виде куч, которые и называются моренами.

щей к той прибрежной свободной от льда полосе земли, где мы находились. Установленный на моренном холме флаг должен был выделяться на белом фоне ледника, а потому его можно было заметить издали. Когда флаг укрепили камнями, сваленными около него в высокую кучу, начальник экспедиции произнес краткую речь, в которой подтвердил, между прочим, то, что Земля Франца Иосифа, по декрету правительства СССР от 1926 г., входит во владения Союза. Единодушное «ура» и ружейные залпы закончили этот церемониал.

От острова Гукера «Седов» направился к лежащему несколько южнее острову Ньютона. Этот крохотный островок, открытый в 1880 году английской экспедицией Ли Смита, еще ни разу не посещался человеком. Проходя весною 1914 года вдоль южного берега острова Гукера, я тщетно высматривал этот островок, но так и не мог его обнаружить. Очевидно, он скрывался за нагромождениями торосов. Было интересно воспользоваться представившимся теперь благоприятным случаем и познакомиться с этим островом.

Остров Ньютона со всех сторон омывался чистой водой, только у самого его берега находилась кайма неподвижного льда—так называемый «рубан», остаток зимнего ледяного припая. Остров совершенно свободен от ледников—редкое исключение для Земли Франца Иосифа. Снег на нем почти уже весь стаял, оставаясь лежать только в расщелинах. Р. Л. Самойлович, вооружившись геологическим молотком, отправился изучать строение острова, И. М. Иванов занялся мензульной съемкой, а Г. П. Горбунов заинтересовался птичьими гнездами, которых на острове оказалось множество. Это были большею частью гнезда гаг, устроенные прямо на

каменистой поверхности острова; в некоторых из них были яйца, в других уже вылупившиеся птенцы. Кроме гаг, мы видели на острове много чаек и поморников. У небольшого озера, расположенного в середине острова, нам попалось также несколько гусей.

Местами мы встречали груды костей. Тут были медвежьи кости, песцовые, моржовые, тюленьи и китовые. Особенным успехом у седовцев пользовались медвежьи черепа, от которых, в качестве трофеев, брались клыки. Но медвежьих клыков на всех нехватило, а так как явиться на судно без трофея было неудобно, то стали брать, что попало: один навалил себе на спину громадный китовый позвонок размером с хорошее кресло, другой тащил моржовое ребро, третий ограничивался просто куском плавника. Плавник, то-есть выброшенный морем на берег лес, попадался на острове Ньютона в довольно большом количестве. Вообще же он встречается на островах Земли Франца Иосифа редко, и рассчитывать на него, как на топливо и, в особенности, как на строительный материал, не приходится. Интересно, что много плавника мы находили вдали от берега, почти в центре острова. Это указывает на происходившее постепенное поднятие острова. Найденный нами плавник состоял исключительно из необработанного человеком дерева. Между тем, на западных берегах Новой Земли во множестве попадаются обломки судов, различные деревянные предметы домашнего обихода, а также рыболовные поплавки. Все это приносится туда с берегов Норвегии и Мурмана вливающейся в Баренцово море мощной ветвью Гольфстрима—так называемым Нордкапским течением. На Земле Франца Иосифа мы таких предметов не находили нигде—лишнее доказатель-

ство того, что это течение не подходит вплотную к берегам архипелага.

Обойдя весь остров, тяжело нагруженные (Р. Л. Самойловичу досталось, конечно, больше всех—такова уж доля геолога), мы вернулись на «Седова». Дальше путь наш лежал к мысу Флора на острове Нордбрук. Мыс Флора—база многих экспедиций, работавших на Земле Франца Иосифа, ее «гостиница», как удачно выразился кто-то из седовцев. Вместе с тем, это—одно из наиболее достопримечательных мест в Арктике в историческом отношении. Здесь в 1881—1882 гг. в крайне тяжелых условиях зимовала английская экспедиция Ли Смита, и три года подряд прожил шотландец Фредерик Джексон, посвятивший все это время исследованию архипелага. В 1895 году сюда вышел Фритиоф Нансен, возвращавшийся вместе с Иогансеном из своих скитаний по пловучим льдам Полярного бассейна. На этом же мысе в ожидании спасательного судна томилась экспедиция американца Фиала, а в 1914 году устраивался на зимовку штурман В. И. Альбанов, пешком добравшийся сюда с судна «Св. Анна», которое дрейфовало в Полярном бассейне. Альбанова случайно нашла здесь возвращавшаяся в Архангельск экспедиция лейтенанта Седова.

Все суда, посещающие Землю Франца Иосифа, неизменно заходят на мыс Флора. Мы направились туда еще по особым соображениям: надлежало выяснить состояние тех продовольственных запасов, которые были оставлены там предшествовавшими экспедициями и, кроме того, произвести поиски бесследно пропавшей группы Алессандрини с дирижабля «Италия». Надежд, что мы найдем здесь итальянцев, у нас, правда, не было. Но

все же убедиться в отсутствии хотя бы их следов было необходимо. Если итальянцам удалось добраться до Земли Франца Иосифа, то они, несомненно, направились к мысу Флора, ибо каждому полярному путешественнику хорошо известно об имеющемся здесь складе провианта.

К самому мысу Флора подойти судну не позволил лед. Пришлось остановиться милях в пяти от берега и добираться до мыса пешком. Так как на пути могли встретиться разводья, было решено взять с собою шлюпку. Мы впряглись в лямки и потянули ее по льду. По ровной поверхности льда мы подвигались вперед довольно быстро, но зато в торосах пришлось порядочно поработать! Поэтому мы не мало обрадовались, когда перед нами зачернело разводье. Мигом спустили мы шлюпку на воду и стали грести по полынье. Она была сплошь усеяна птицами, которые подпускали к себе шлюпку так близко, что их едва-едва не задевали весла. Это были кайры. Только когда мы нарочно зашумели веслами, птицы черной тучей снялись с воды.

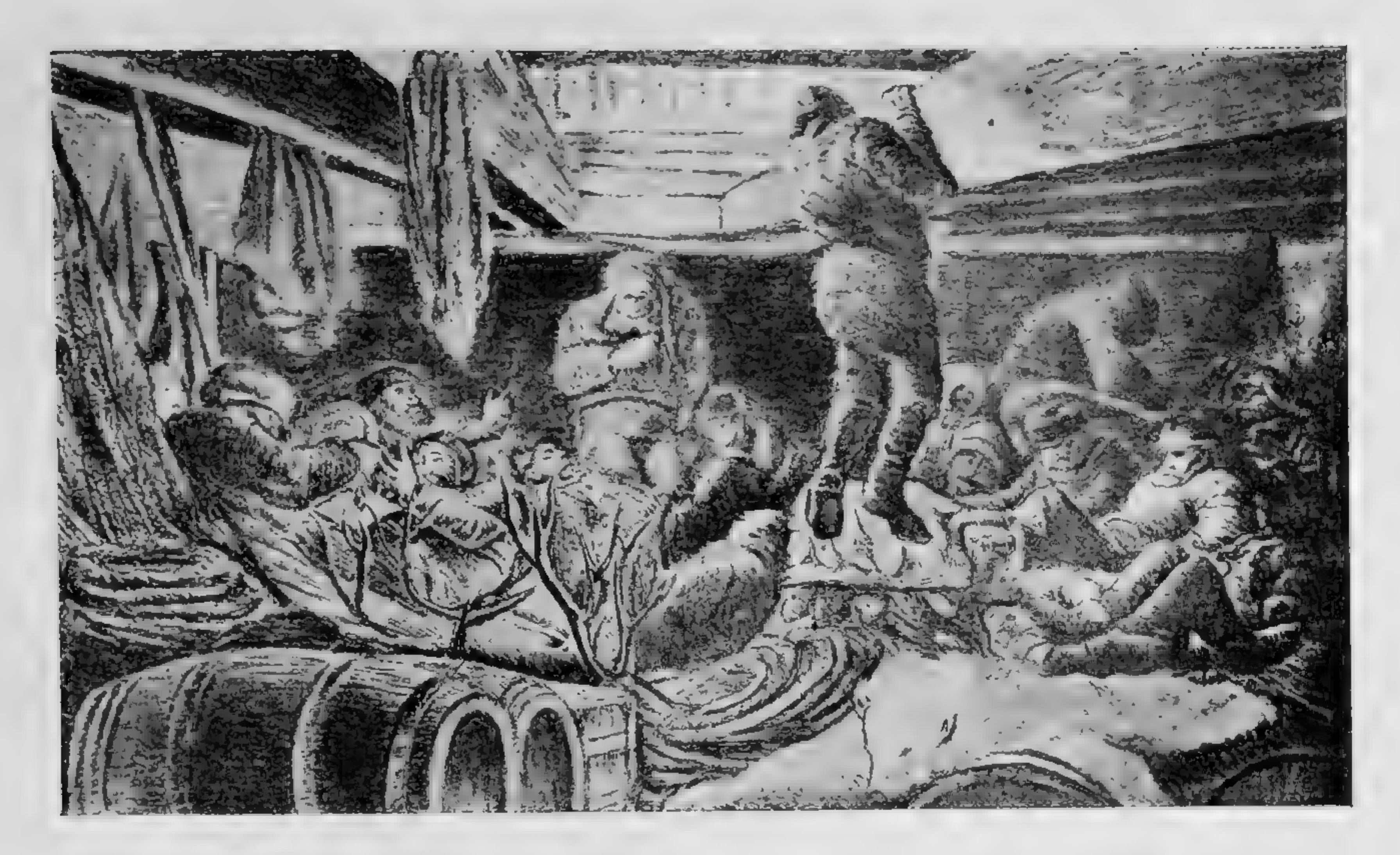
Вскоре льды пришли в сильное движение—очевидно, под влиянием приливного течения—и стали теснить нашу шлюпку, грозя раздавить ее, как ореховую скорлупу. Приходилось то отпихивать их веслами, то перетаскивать лодку через лед.

Наконец мы достигли берегового припая, имевшего в ширину около одной мили. Здесь мы могли оставить шлюпку, не опасаясь, что ее унесет, и продолжать путь налегке. Под самым берегом нам встретилось, однако, препятствие, задержавшее нас больше часа. Это был так называемый «водяной заберег»—полоска воды, образовавшаяся вследствие стекания с суши талых вод.

Этот заберег был настолько широк, что, несмотря на все наши старания, мы нигде не могли найти места достаточно узкого, чтобы перепрыгнуть через воду. Выручил нас железный флаг, который мы захватили с собой, чтобы водрузить на мысе Флора. Шест его был как раз такой длины, что его можно было перекинуть с одной стороны заберега на другую. Передвигались мы по шесту сидя, осторожно перебирая по нему руками и с трудом удерживая равновесие, так как шест вращался под сидящим.

Когда мы уже подходили к мысу Флора, наше внимание было привлечено шумом. Вначале мы думали, что это шумят стекавшие со скал ручьи, но когда мы наконец достигли суши, то увидели, что шум этот производили птицы, несметное количество которых гнездилось на скалах. На близком расстоянии он напоминал кипение воды в каком-то гигантском котле. Птичий базар на мысе Флора принадлежит к числу самых богатых на Земле Франца Иосифа. Здесь главным образом гнездятся кайры. Мясо их очень вкусно и только немного отзывает рыбой. Кайры мыса Флора уже не раз выручали экспедиции из тяжелого продовольственного положения. Джексон, запасаясь свежим мясом на зиму, настрелял их здесь в течение двух недель больше тысячи штук. Прилетают кайры на Землю Франца Иосифа в конце марта, отлет их начинается в середине августа.

Мы вышли на берег. Когда-то здесь стоял целый маленький поселок, названный строителем его—Джексоном—«Эльмвуд». Экспедиция Джексона, предпринятая на средства английского фабриканта Гармсуорта, была снаряжена весьма основательно. Главной ее задачей было исследование Земли Франца Иосифа как опорной

Спасенные участники австро-венгерской экспедиции на шхуне Ф. Воронина „Николай“.

Спасение австро-венгерской экспедиции.

Прибытие экспедиции Фиала на мыс Флора.

Водружение советского флага на острове Гукера.

базы для санного путешествия к полюсу. Джексон пробыл на Земле Франца Иосифа целых три года и так увлекся своими исследованиями, что только решительный отказ фабриканта в дальнейшем финансировании экспедиции заставил его проститься с Арктикой и вернуться на родину. Джексону принадлежит честь составления первой более или менее отвечающей действительности карты архипелага Франца Иосифа. На санях, запряженных собаками и сибирскими пони, он объехал значительную часть Земли Франца Иосифа, при чем выяснил, что она состоит из множества островов. Свои санные путешествия Джексон предпринимал главным образом весною, когда солнце уже светит, а проливы еще покрыты неподвижным льдом. Большую же часть года он проводил в своем поселке на мысе Флора, где стояла большая бревенчатая изба, вывезенная из Архангельска, и целый ряд складочных помещений. От всех этих построек теперь не осталось ничего. Один сарай был еще в 1898 году увезен американской экспедицией Уэльмана на мыс Тегеттгоф (на юго-востоке Земли Франца Иосифа), все же остальные постройки Джексона были в 1914 году разобраны на топливо экспедицией лейтенанта Седова.

Экспедиция лейтенанта Седова вышла из Архангельска на судне «Св. Фока» в августе 1912 года, с целью дойти до Земли Франца Иосифа, перезимовать там, а ранней весной двинуться на собаках к северному полюсу. Однако добраться до Земли Франца Иосифа в том же году ей не удалось. Год был очень неблагоприятный в отношении льдов, один из самых ледовитых вообще, и, подобно «Тегеттгофу» экспедиции Пайера, «Фока» оказался затертым льдами у северо-западных бе-

регов Новой Земли, где и зазимовал. Только через год судно высвободилось изо льдов и могло продолжать свой путь к Земле Франца Иосифа. Но к этому времени топлива на судне оставалось уже немного,— уголь был почти весь израсходован. Правда, участники экспедиции усиленно занимались на Новой Земле сбором плавника, но дерево, конечно, не дает столько энергии, как уголь. Уже на пути к Земле Франца Иосифа весь плавник был сожжен, и в топки «Фоки» шли разрубленные тросы и старые паруса пополам с накопленным за зиму салом тюленей и белых медведей. На этом топливе экспедиция добралась до Земли Франца Иосифа. Здесь она провела почти целый год, в течение которого помещения судна отапливались моржовым салом, а позже, когда оно вышло,—деревянными переборками между каютами. Летом 1914 года, после вскрытия льдов, экспедиции предстоял обратный путь в Архангельск. Но топлива для этого большого перехода не было. Тогда решили выпилить фальшборты и внутреннюю палубу и на этом топливе добраться до мыса Флора, а там воспользоваться строениями Джексона.

По пути к мысу Флора участники экспедиции на «Фоке» охотились за морскими зайцами, с которых тут же снималось сало и бросалось в топки. На мысе Флора экспедиция разобрала и погрузила на судно все джексоновские постройки. Я, участвовавший в экспедиции лейтенанта Седова в качестве географа, естественно, тоже принимал участие в этой работе. До сих пор мне памятно тягостное чувство, охватившее меня, когда я в первый раз ударил топором по дому, в котором отважный английский исследователь прожил три года, в котором некоторое время жил и Нансен. Ведь

помимо того, что разобранный дом был историческим памятником, он, весьма возможно, в будущем мог бы послужить пристанищем для какого-нибудь потерпевшего бедствие полярного путешественника. Но что было делать! Если здоровье мое и некоторых других участников экспедиции было еще в достаточно хорошем состоянии, чтобы остаться на третью зимовку и ждать на Земле Франца Иосифа прихода спасательного судна, то для многих третья зимовка была равносильна смертному приговору. Были среди нас такие, которые со своими скрюченными от цынги ногами могли уже только ползать. Нет, надо было разобрать джексоновские постройки, от этого зависело спасение людей.

Топлива, взятого на мысе Флора, все же нехватило «Фоке», чтобы добраться до открытого моря, где он мог продолжать свой путь под парусами. Когда было сожжено последнее джексоновское бревно, мы отправили в топки все, что только можно было: стеньги, утлегарь, бимсы и даже такие вещи, как диван, матрацы, до библиотеки и мольберта нашего художника включительно. И изо льдов «Фока» все-таки вырвался.

Через год по возвращении экспедиции Седова в Архангельск царское правительство отправило на Землю Франца Иосифа судно «Андромеда», которое должно было доставить новую избу для мыса Флора. «Андромеда», однако, не смогла достичь Земли Франца Иосифа, и джексоновская изба так и осталась не возобновленной.

Когда я покидал в 1914 году мыс Флора на «Фоке», здесь стояла только одна небольшая хижина, сооруженная, повидимому, американской экспедицией Фиала, из досок и бамбуковых палок, с прокладками мха между

ними. Перед входом находились небольшие сени, тоже из бамбуковых палок. Прежде чем покинуть мыс Флора, экспедиция лейтенанта Седова сложила в этой хижине валявшиеся кругом пищевые продукты, главным образом консервы, привела внутренность хижины в порядок и крепко заколотила досками входную дверь. Хижина эта и теперь стоит на мысе Флора, но в каком жалком состоянии нашли мы ее в 1929 году! Дверь оказалась вырванной, точно так же и много бамбуковых палок, внутри хижина была до половины занесена оледенелым снегом. От банок с консервами шел отвратительный запах—очевидно, все они проржавели. Кто был виновником всего этого разгрома? Бури, медведи или чья-нибудь безответственная рука? К сожалению, все указывало на правильность последней догадки...

Ближе к берегу стояла еще другая, совсем разрушенная, хижина, сколоченная из досок из-под ящиков. На одной из досок, с внутренней стороны хижины, я обнаружил надпись «Gisbert 1926», но эта надпись сделана была много позже того времени, когда хижина была выстроена. Гисберт—испанский спортсмен, хорошо известный на севере и посещавший Землю Франца Иосифа с целью охоты и до 1926 года.

Не меньше построек нас интересовали бывшие на мысе Флора запасы продовольствия. От продуктов, оставленных здесь экспедицией Джексона, а позже итальянской экспедицией герцога Абруццкого и американской экспедицией Фиала, практически ничего не сохранилось. Даже те консервы, которые в 1914 году были еще годны к употреблению и которые штурман Альбанов сложил в американской хижине, за истекшие пятнадцать лет совершенно испортились. Но нам было из-

вестно, что в том же году на мысе Флора был устроен склад продовольствия русским судном «Герта», посланным на поиски Седова и его спутников. В отчетах этой поисковой экспедиции значится, что, кроме продовольствия, ею на мысе Флора были оставлены запасы одежды и оружие. Однако предпринятые нами розыски не увенчались успехом. Следы пребывания «Герты» на мысе Флора мы, правда, обнаружили в виде надписи, сделанной белой краской на большом камне, возле которого когда-то стояла изба Джексона. Но от склада «Герты» не осталось ничего... Куда все это делось? Кругом валялась только изношенная обувь американцев, полуистлевшие фуфайки итальянцев, проржавевшая эмалированная посуда и прочий хлам. Медведи и песцы пренебрегли всем этим. Или их интересуют только новые предметы? А оружие—куда оно могло деться?

Ответа на эти вопросы мы не получили. Мы знали только, что продовольственного склада здесь больше не существует и что поэтому полярному путешественнику, попавшему в беду, нечего рассчитывать на запасы мыса Флора.

К западу от бывшего поселка на мысе Флора мы нашли опрокинутую шлюпку. Еще отчетливо виднелась надпись на ее борту: «Stella Polare». Так называлось судно экспедиции герцога Абруццкого. 29 лет пролежала здесь эта шлюпка. За это время она, конечно, вся рассохлась и теперь уже никуда не годилась.

К востоку от хижины стоит скромный памятник из серого камня. Этот памятник привезен из-под лучезарного неба Италии, а здесь, в стране льда и ночи, он напоминает о трех участниках экспедиции Абруццкого, окончивших жизнь на льдах Полярного бассейна. Имена

их высечены на той стороне камня, которая обращена к северу,—туда, где отважных исследователей настигла неожиданная смерть. Это были лейтенант Кверини, машинист Стеккен и горный проводник Оллье. Они сопровождали в 1900 году итальянца Каньи во время его путешествия по пловучим льдам к северному полюсу. Каньи дошел до 86° 34′ северной широты, что для того времени являлось мировым рекордом. Партия Кверини, за счет которой Каньи пополнял свое продовольствие, распрощалась с ними на полпути, но в базу экспедиции в бухте Теплиц не вернулась. Судьба этих трех путешественников так и осталась неизвестной.

В памятнике мы обнаружили небольшое отверстие, в котором оказался пенал с записками лиц, посетивших мыс Флора. Тут были и совершенно пожелтевшие почти истлевшие листочки, которые мы боялись развернуть, так как они могли рассыпаться, были и новые визитные карточки. Последняя оставленная здесь карточка принадлежала американке мисс Бойд, которая посетила Землю Франца Иосифа в 1928 году на судне «Хобби» с целью розысков членов экипажа дирижабля «Италия». Наш капитан, В. И. Воронин, встретился с «Хобби» в водах Земли Франца Иосифа и видел мисс Бойд. По его описанию это уже не молодая, но очень энергичная женщина, «сухая, как галета». В этом же пенале мы нашли записку уже упоминавшегося Гисберта, который путешествовал, повидимому, с компанией туристов. На оставленной им бумаге был целый ряд подписей, одна из которых сопровождалась горделивым примечанием: «первая испанская женщина на Земле Франца Иосифа». Да, поистине международная гостиница—этот мыс Флора!

Водрузив советский флаг около большого камня с надписью «Герта», мы почувствовали, что изрядно проголодались, и решили подкрепиться. Погода стояла тихая, и мы расположились на открытом воздухе, довольно удобно устроившись среди камней. Когда я потянулся за куском колбасы и поднял голову, то увидел шагах в ста медведя, который стоял на небольшом холмике и с любопытством наблюдал за нашей трапезой. Это был необычайно крупный зверь, красавец, каких приходится видеть не часто. Спутники мои не видели пришельца, так как сидели к нему спиной. Заметив, что медведь приготовляется поближе познакомиться с неведомыми ему существами, я счел за лучшее обратить на него внимание моих товарищей. Защелкали сперва фотографические аппараты, а потом винтовки, но толку получилось мало: снимки не удались, а раненый медведь удрал на морские льды, где быстро скрылся в полынье.

Пора было, однако, возвращаться на судно! Наверно, товарищей там уже начало беспокоить наше долгое отсутствие. Переход через «водяной заберег» теперь не составил труда, так как мы предусмотрительно захватили с собой доски. Быстро дошли мы до оставленной на льду шлюпки и, столкнув ее на воду, стали грести.

«Морж!»—раздался внезапно возглас капитана.

Действительно, совсем недалеко от нас на небольшой льдине мирно дремала огромная туша. Мы стали осторожно подгребать к моржу, но он не обращал на нас ни малейшего внимания. Только, когда первая пуля уколола его в бок, он удивленно поднял голову, в которую тотчас же посыпался целый град пуль, решивший его участь.

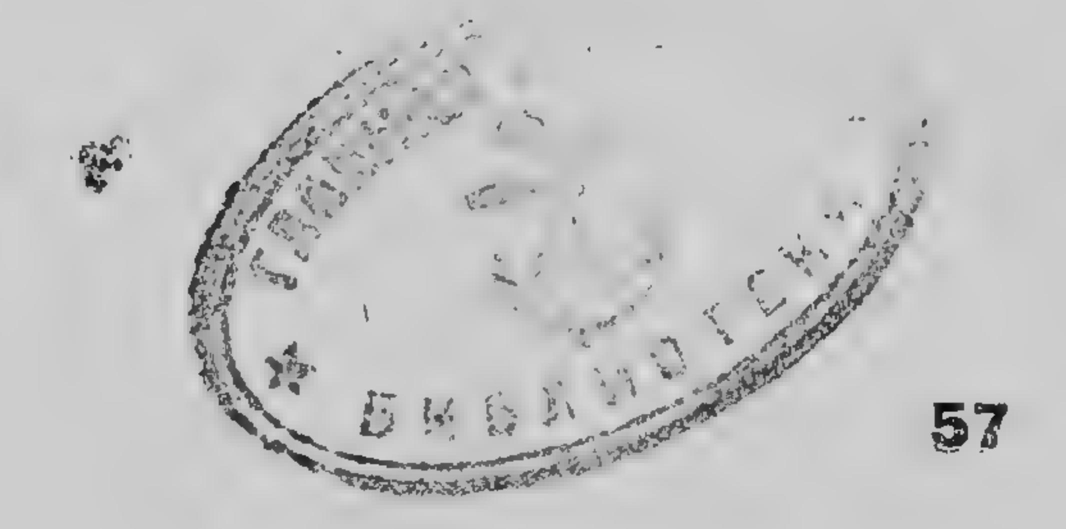
Этот морж, убитый нами у мыса Флора, был единственным, которого мы видели за все время пребывания экспедиции на Земле Франца Иосифа. А в предыдущем году В. И. Воронин, плававший на «Седове» у южных берегов Земли Франца Иосифа, не видел ни одного. Между тем пятнадцать лет назад я встречал их здесь десятки. Известен случай, относящийся к 1897 году, когда одно английское промысловое судно в течение месяца добыло на Земле Франца Иосифа 525 моржей. Куда девались теперь моржи? Предположение, что они, как на Свальбарде, выбиты промышленниками, мало вероятно. Норвежские зверобои, правда, бывают на Земле Франца Иосифа, но посещения эти все же не столь часты, чтобы ими можно было объяснить исчезновение моржей. Очевидно, эти животные откочевали куда-то по каким-то, неизвестным нам, причинам, вероятнее всего, касающимся питания. Весьма возможно, что они переселились на восток, к берегам Северной Земли.

Почти сутки потратили мы на обследование мыса Флора. Надо было спешить к месту постройки радиостанции. Предположительно намечена была бухта Тихая на севере острова Гукера, где в свое время зимовала экспедиция лейтенанта Седова. Те берега, которые мы до сих пор видели, не годились для устройства на них станции. Море около них было совершенно открыто и не защищено ни от волнения, ни от льдов. В таких условиях разгрузка судна была бы крайне затруднительна, а потому мы едва ли успели бы закончить все строительные работы за короткий период навигации в водах Земли Франца Иосифа. Мыс Флора, излюбленное место предшествовавших экспедиций, тоже являет-

ся плохой якорной стоянкой. В 1881 году здесь была прижата льдами и затонула яхта Ли Смита. К тому же в то время, когда мы находились у мыса Флора, там держался широкий береговой припай, который чрезвычайно усложнил бы разгрузку и доставку строительных материалов на берег. Имели мы в виду еще так называемую «Гавань Эйры», около острова Белль, лежащего к западу от мыса Флора. Но в этом направлении море было сплошь забито тяжелым торосистым льдом, а проливы, насколько можно было судить издали, там даже еще не вскрывались. Поэтому решили итти в бухту Тихую, попутно осматривая другие берега.

Пока «Седов» медленно выбирался изо льдов, окружавших мыс Флора, я стоял у борта и смотрел, как постепенно скрывалось из глаз это историческое место. Вот исчезла американская хижина, слился с черным фоном скал советский флаг, пропал итальянский памятник. Теперь видна уже только отвесная базильтовая скала с ледниковой шапкой на ней—характерный для Земли Франца Иосифа ландшафт, так напоминающий лунный, при наблюдении в телескоп.

Сколько экспедиций работало здесь, как много труда положено на исследование этой ледяной страны! Пайер, Ли Смит, Джексон, Нансен, Уэльман, Абруццкий, Фиала, Седов, Альбанов... Но как много еще остается сделать!

4

Завоеватели Арктики

Чем сохранитись в сих полнощных мразных и мрачных странах от лютости мразов?
Григорий Новицкий (1715).

Ли Смит был богатый шотландский спортсмен. Попав как-то в Арктику, он был так захвачен ее своеобразной красотой, что на собственные средства построил специально приспособленную для плавания во льдах паровую яхту—«Эйру»—и направился на ней к Земле Франца Иосифа, незадолго до того открытой австрийцами. Первое его плавание к этому архипелагу, предпринятое летом 1880 года, прошло вполне удачно. «Эйра» две недели крейсировала у южных берегов Земли Франца Иосифа и открыла ряд новых островов.

Окрыленный успехом, Ли Смит решил основательнее познакомиться с Землей Франца Иосифа и в следующем году снова направился туда на своей «Эйре». Но на этот раз Арктика встретила путешественников менее дружелюбно. 21 августа 1881 года «Эйра» стояла на якоре у мыса Флора. День был солнечный и тихий, ничто не предвещало близкой беды. Внезапно на востоке показались льды. Увлекаемые стремительным приливным течением, они быстро подошли к тому месту, где стояла «Эйра», и начали напирать на нее. Судно, находившееся между льдами и берегом, оказалось в ловушке. От удара

большой льдины «Эйра» получила пробоину. Кинулись было к помпам, но течь была так сильна, что воду не успевали откачивать. Видя неизбежную гибель судна, мореплаватели лихорадочно стали выбрасывать на лед провиант и разное имущество. Много спасти, однако, не удалось, так как судно уже стало погружаться. Через два часа после того, как льды надвинулись на «Эйру», двадцать пять человек стояли на льду около жалких остатков своего имущества и молча смотрели на то место, где еще так недавно покачивалось на волнах их судно. Теперь из воды торчали только одни мачты.

Ли Смит и его спутники, однако, не растерялись, неожиданно очутившись в весьма тяжелом положении. Прежде всего они переправили на берег все, что удалось спасти, в том числе и шлюпки, а затем принялись за устройство жилища, в котором им предстояло провести долгую полярную зиму. Материала для постройки было, правда, немного: несколько досок с разбитой «Эйры», камни и мох. К концу августа хижина была уже готова. Она имела 11½ метров в длину, 3½ метра в ширину и 1½ метра в высоту. Крышей служил спасенный с «Эйры» парус.

В то же время участники экспедиции собирали скудный плавник, разбросанный на берегу, и деятельно охотились. Провизии, которую удалось спасти с «Эйры» во время катастрофы, могло хватить не более, чем на два месяца, а потому от удачи охоты зависела дальнейшая судьба экспедиции. Всего до наступления зимы на мысе Флора было убито 13 медведей, 21 морж и 1200 кайр. Таким образом путешественникам удалось обеспечить себя на зиму как продовольствием, так и топливом (отапливалась хижина, главным образом, моржовым са-

лом). Ежедневно каждый из них получал по 750 граммов свежего мяса, 200 граммов овощей, 125 граммов муки, чай, сахар, молоко и стакан рому. Всякий раз, когда удавалось промыслить зверя, медведя или моржа, собирали кровь, которую частью выпивали сырой, частью прибавляли в суп. Свежее мясо и горячая кровь считаются у наших приполярных народов самым действительным средством против цынги. Экспедиция Ли Смита подтвердила это—здоровье всех ее участников оставалось в течение зимовки превосходным.

Наступила полярная ночь. Дни потекли однообразно, но зимовщики не унывали и каждый находил себе дело. Много работы потребовала подготовка к предстоявшему летом возвращению на лодках. Надо была изготовить паруса, починить одежду, сварить и законсервировать мясо. Последнее было, к счастью, в изобилии. Белые медведи подходили к хижине даже во время полярной ночи. Это были исключительно самцы, которые и зимой бродят по льдам в поисках тюленей. Самки же зимуют в снежных берлогах, откуда вылезают с детенышами только в начале весны. Первая самка была убита Ли Смитом 13 марта. Охоте на медведей много помогал «Боб»—единственная имевшаяся в экспедиции собака. Кроме «Боба», в экспедиции были еще два любимца: канарейка и кошка. Несмотря на все заботы матросов, канарейка не могла перенести полярной ночи и околела в конце декабря, кошка же бесследно пропала во время одной из прогулок.

Первая птица появилась на мысе Флора уже 8 февраля,—это была полярная сова. В начале марта начался прилет кайр и в течение апреля и мая их было убито до 500 штук. В июне Ли Смит и его спутники могли пола-

комиться гусями, которые прилетели на мыс Флора в довольно большом числе. Но в это время о добывании птицы заботились уже мало: все помыслы были направлены на предстоящий путь домой.

21 июня экспедиция Ли Смита на четырех шлюпках покинула мыс Флора, намереваясь добраться до Новой Земли. Каждая шлюпка была снабжена хронометром, компасом, секстантом и морскими картами, а также достаточным количеством оружия и патронов. Продовольствия было взято по 60 килограммов на человека.

Переход до Новой Земли был очень труден. Шлюпки пробирались небольшими каналами среди ледяных полей, которые то и дело сжимались. Тогда приходилось вытаскивать из воды шлюпки и ждать появления новых разводьев. Однажды утомленные путники, вытащив шлюпки на лед, устроились в них на отдых и заснули. В это время льдина раскололась на две части, как раз под шлюпками. Ли Смит и его спутники заметили это только тогда, когда их уже разнесло в разные стороны.

Только 2 августа, после 42 дней тяжелых испытаний, шлюпки Ли Смита достигли, наконец, Новой Земли. Здесь, у западного входа в Маточкин Шар, Ли Смит встретил целых три судна, которые были посланы на розыски пропавшей экспедиции. «Когда я увидел поднимавшихся к нам на палубу путешественников, то едва не принял их за негров—так черны они были от грязи»,— описывает один из капитанов спасательных судов встречу с Ли Смитом и его спутниками. Летняя экскурсия в Арктику Ли Смита, неожиданно затянувшаяся более чем на год, благополучно закончилась. От хижины Ли Смита и его товарищей на мысе Флора теперь не сохранилось ничего, время и свирепые бури стерли все следы ее.

В 1895—1896 гг. на Земле Франца Иосифа зимовал Фритиоф Нансен. Его пребывание на этом архипелаге особенно интересно тем, что он вел здесь жизнь полярного робинзона, существуя исключительно за счет ресурсов этой арктической страны.

Нансен покинул в конце февраля 1895 года свое экспедиционное судно «Фрам», которое уже второй год дрейфовало во льдах Полярного бассейна и забралось на север так далеко, как это еще не удавалось ни одному судну, даже до настоящего времени. От северного полюса «Фрама» отделяло тогда только расстояние в 700 километров. Но судно в то же время неуклонно тащило вместе со льдами на запад, и надежд, что его снова понесет на север, не было. Нансен решил, что попытка пройти эти оставшиеся 700 километров пешком по пловучим льдам и вступить на полюс могла иметь успех. В рискованный путь он направился вместе с Иогансеном, но дойти до полюса им не удалось. Наиболее северная точка, достигнутая Нансеном, лежала в широте 86°04′N, то-есть находилась от полюса в расстоянии 437 километров. Отсюда Нансен был вынужден повернуть на юг, к ближайшей земле, которой являлась Земля Франца Иосифа.

Путь до Земли Франца Иосифа по торосистым льдам, покрытым снегом, был несказанно тяжел. Итти приходилось по настоящему снежному болоту. Только 6 августа измученные спутники добрались до Земли Франца Иосифа. На острове Джексона, находящемся в северной части архипелага, Нансен решил перезимовать, чтобы продолжать свой путь к югу уже в следующем году. Здесь на скалистом мысу Нансен и Иогансен выстроили себе хижину. Стены ее были сделаны из камней, между

которыми был положен мох, а крышей служила шкура убитого моржа. Работы с постройкой этой хижины было не мало, так как Нансену и Иогансену почти все приходилось делать голыми руками. Инструменты, имевшиеся в их распоряжении, были самые примитивные. В качестве рычага для выламывания примерзших камней они пользовались санными полозьями, лопату сделали из плечевой кости моржа, а кирку из моржового клыка. Только в конце сентября хижина была готова, и Нансен и Иогансен имели возможность переселиться в нее. Вернее, это была не хижина, а просто нора, но жить в ней было все-таки лучше, чем в палатке. В длину она имела 3 метра, в ширину 1,8 метра, а стоять не согнувшись можно было только в самой ее середине. Вход в хижину представлял собой небольшой коридор, вырытый в земле и прикрытый сверху льдинами. Чтобы попасть в хижину, надо было проползать через этот коридор на животе. Но путники были рады и этому скромному убежищу, защищавшему их и от жестокой стужи и от страшных полярных ураганов. Во время постройки хижины к мысу часто подходили медведи, и Нансен с Иогансеном не упускали случая сделать себе запасы мяса на зиму. Топливом служило сало убитых здесь же моржей.

Наступила зима. Хижина освещалась жировой лампой, сделанной из нейзильбера, которым были подбиты полозья саней, эта лампа наполнялась звериным салом, а вместо фитиля в нее была опущена марля из походной аптечки. В пищу зимовщики употребляли исключительно медвежье мясо, которое, по их свидетельству, нисколько не надоедало, хотя они и поглощали его ежедневно в огромном количестве. Мясо заедалось горелым салом, которое зимовщики вылавливали из лампы. Нан-

сен называл эти куски сала «пирожными» и уверял потом в написанной им книге, что они казались ему необыкновенно вкусными.

Жизнь в «норе» тянулась однообразно. Еда, сон и небольшие прогулки, если это позволяла погода. Но хорошие дни случались не часто. «Погода ужасная,— вспоминает Нансен характерный зимний день,—ревет такая буря, что почти задыхаешься, когда высунешь нос наружу. Я лежу в норе и пытаюсь спать, спать все время. Но не всегда это удается. Ох, эти долгие бессонные ночи, когда ворочаешься с боку на бок, поджимаешь ноги, чтобы хоть немного согреть окоченевшие ступни и желаешь только одного в мире: заснуть. Безустанно работает мысль над тем, что-то теперь дома, а длинное тяжелое тело тщетно пытается найти удобное место на неровных камнях. Иогансен спит и храпит на всю хижину. Я рад, что его мать не видит его теперь. Она, наверно, пожалела бы своего мальчика—так он черен, безобразен и грязен. Полосы сажи размазаны у него по всему лицу».

От грязи путешественники страдали больше всего. Белье, превратившееся в тяжелые засаленные лохмотья, прилипало к телу. «Хуже всего приходилось ногам. Кальсоны так крепко прилипали около колен, что при ходьбе царапали и рвали кожу до такой степени, что образовались раны, и кровь сочилась на внутренней стороне бедер. Больших забот стоило мне, чтобы в эти раны не слишком много попадало грязи и сала. Насколько возможно, я промывал их мхом и небольшой тряпочкой, намоченной в воде, которую я нагревал в чашке над лампой. Никогда прежде я и не представлял себе, какое в сущности прекрасное изобретение мыло. Мы делали

Поселок Джексона на мысе Флора.

Мыс Флора. Камень с надписью русской экспедиции на „Горте".
У камня В. И. Воронин.

„Эйра“ у берегов Земли Франца Иосифа.

Охота на моржей (по Олаусу Магнусу, 1555 г.).

много разного рода попыток хоть немного очистить тело от жирной грязи, но все они оканчивались почти одинаково неудачно. Вода не отмывала этой ворвани. Лучше было прибегать ко мху и песку. Песок было не трудно достать со стен нашей хижины—стоило только соскрести с них лед. Самым действительным средством, однако, было хорошенько вымазать руки теплой медвежьей кровью и ворванью, а затем оттирать их мхом. Тогда они становились такими белыми и мягкими, как руки самой нежной девушки, и нам с трудом верилось, что мы видим часть своего собственного тела. Когда нам был недоступен этот отмывающий материал, мы находили, что хорошо также соскабливать грязь с кожи ножом».

Здоровье Нансена и Иогансена во время их жизни в хижине на острове Джексона не пострадало нисколько. Почти полное отсутствие движения не имело никаких вредных последствий и, по выражению Нансена, они являлись живым доказательством того, что старое мнение, будто цынга происходит от недостатка движений, только заблуждение.

Когда наступила весна, Нансен и Иогансен простились со своей хижиной и продолжали путь на юг. В июне они вышли к южным берегам Земли Франца Иосифа и двинулись вдоль острова Нордбрук на запад по направлению к мысу Флора. Внезапно Нансену почудилось что-то в роде собачьего лая, но мысль о присутствии собаки на Земле Франца Иосифа показалась ему столь нелепой, что он не поверил своему слуху. Но лай повторился, и несколько раз. Неужели есть люди на этом пустынном острове? У Нансена, как он позже рассказывал, все перемешалось тогда в мыслях. Но люди здесь были, потому что навстречу Нансену

уже двигалась человеческая фигура. Этот замечательный момент Нансен описывает так:

«Мы постепенно приближались друг к другу. Я замахал шляпой, человек сделал то же. Потом мы протянули друг другу руки. С одной стороны цивилизованный европеец в клетчатом английском костюме, высоких резиновых сапогах, тщательно выбритый и причесанный, благоухающий душистым мылом, запах которого издалека доносился до острого обоняния дикаря. С другой стороны—дикарь, одетый в грязные лохмотья, с длинными всклокоченными волосами и щетинистой бородой, с лицом настолько почерневшим, что естественного белого цвета нельзя было различить под толстым слоем ворвани и сажи. Ни один из них не знал, кто был другой и откуда он пришел».

Человек, встреченный Нансеном, был Джексон. Между ним и Нансеном произошел тогда следующий разговор (начинает Джексон):

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Я чрезвычайно рад вас видеть.

— Благодарю вас, я тоже.

— Ваше судно здесь?

— Нет, его здесь нет.

— Не Нансен ли вы?

— Да, я Нансен.

— Клянусь, я страшно рад вас видеть!

И снова начались горячие рукопожатия.

Теперь Нансену и Иогансену возвращение на родину было обеспечено. Через месяц к мысу Флора подошло судно «Виндворт», снабжавшее экспедицию Джексона, и доставило обоих полярных робинзонов в Норвегию.

В 1914 году мыс Флора был свидетелем не менее замечательной встречи—Альбанова с экспедицией лейтенанта Седова. Валериан Иванович Альбанов был штурман экспедиции Брусилова на шхуне «Св. Анна». Эта экспедиция имела целью пройти вдоль северных берегов Европы и Азии—из Атлантического океана в Тихий. «Св. Анна» осенью 1912 года вошла в Карское море, где ее затерло льдами, из которых ей уже не суждено было высвободиться. Вместе со льдами судно стало уносить к северу. Уже две долгие полярные ночи провели мореплаватели в дрейфующих льдах, а надежд на освобождение судна, которое весною 1914 года оказалось уже к северу от Земли Франца Иосифа, все не было. Между тем, запасы продовольствия на корабле начали истощаться, и стало ясно, что на третью зиму их нехватит. Выходя в плавание, экспедиция, в состав которой входило 24 человека, заготовила провианта только на 1½ года. Благодаря охоте на белых медведей и тюленей, провизия расходовалась экономно, но, тем не менее, продовольственное положение экспедиции к концу второго года ее дрейфа во льдах стало угрожающим. Тогда штурман В. И. Альбанов решил покинуть судно, чтобы попытаться пешком по пловучим льдам добраться до Земли Франца Иосифа. Пример Нансена показывал, что здесь можно было добыть себе пропитание охотой; кроме того, Альбанов рассчитывал на дом Джексона на мысе Флора.

23 апреля Альбанов вместе с 13 человеками команды, добровольно согласившимися сопровождать его, распрощался со «Св. Анной», которая находилась тогда в широте 83° 17′ N и долготе 60° E, то-есть отстояла от ближайшей земли—острова Рудольфа на Земле Франца

Иосифа—на 160 километров. После ухода Альбанова остававшимся на «Св. Анне» продовольствия должно было хватить еще на один год.

Поход Альбанова к Земле Франца Иосифа был полон необычайных трудностей и лишений. Экспедиция Брусилова не имела никакого снаряжения для санных путешествий. Нарты и каяки смастерил на «Св. Анне» сам Альбанов. Ездовых собак не было, и тянуть нарты приходилось людям. Нарт и каяков в партии Альбанова было семь, продовольствия имелось на два месяца. Этот груз оказался, однако, слишком тяжелым для ослабевших после трудной зимовки путников. «Только что мы налегли на лямки,—пишет Альбанов,—как с троими из нас приключилась дурнота: сильное головокружение и слабость такая, что пришлось здесь же около нарт лечь на снег и полежать минут пятнадцать». Не оставалось ничего другого, как перетаскивать нарты в несколько приемов. При таком способе, когда один и тот же путь приходилось делать по нескольку раз, партия подвигалась вперед, конечно, очень медленно, тем более, что дорога среди нагроможденных торосов была чрезвычайно тяжелая. В среднем за сутки удавалось проходить около $3\frac{1}{2}$ километров.

Уже на десятый день три матроса не выдержали трудности пути и попросились обратно на судно. Альбанов отпустил их, а оставленные ими две нарты и два каяка были разобраны на топливо.

Самым тяжелым, однако, оказались не торосы и размокший снег, в котором путники проваливались по колени, а другое предательство, которое путникам приготовили льды: выяснилось, что льды все время относит к западу, то-есть прочь от земли. Судя по географи-

ческой широте, определявшейся Альбановым по солнцу, путники уже давно должны были бы быть на острове Рудольфа, между тем земли не было видно и следа... Всем стало ясно, что их проносит мимо земли. Это было ужасное открытие. Многие стали падать духом, усилились заболевания цынгой. «Куда еще дальше итти? Все равно погибать! Зря только перед смертью маяться»,—такие возгласы стали раздаваться все чаще и чаще, когда после недолгого сна Альбанов будил своих спутников и убеждал их продолжать путь. Вскоре дошло до того, что единственным оставшимся у Альбанова средством побудить своих спутников итти вперед было физическое воздействие. Только побоями можно было еще заставить двигаться этих ослабевших и впавших в отчаяние людей.

Наконец 18 июня Альбанову показалось на горизонте что-то как будто напоминающее землю... «Не могу сказать наверно, что это такое,—пишет Альбанов в своем дневнике,—по крайней мере землю я не так представлял себе. Это были два белых или даже розоватых облачка над самым горизонтом. Они долго не меняли ни формы, ни места, пока их не закрыло туманом. Не понимаю, что это такое. Я даже ничего не говорю про виденное мною своим спутникам. Слишком часто приходится нам ошибаться за два месяца нашего скитания по льду и принимать за землю и облака, и отдаленные торосы».

Только через четыре дня Альбанов окончательно убедился в том, что перед ним земля. Это была крайняя юго-западная часть Земли Франца Иосифа—так называемая Земля Александры. Долго не верил Альбанов в правильность своего открытия, таким странным пока-

зался ему этот остров, почти сплошь покрытый ледником. «Эта земля какая-то сказочная, фантастическая, почти такая же далекая от действительности, как картина. Ее странный, ненатуральный, лунный цвет, правильная, как по лекалу очерченная форма совершенно не дают понятия о расстоянии, какое отделяет нас от земли». Почти такое же впечатление острова Земли Франца Иосифа произвели и на Нансена, когда он их впервые увидел с пловучих льдов.

Однако добраться до этой «лунной земли» было не легко. Хаотические нагромождения торосов и то и дело появлявшиеся во льдах полыньи и каналы являлись преградой, так что приходилось делать длинные обходы. Многим казалось, что до земли так и не удастся добраться. Силы стали окончательно покидать измученных матросов... «Чем ближе мы подходили к острову, тем медленнее тащились мои несчастные спутники. Ничем не мог я побороть их всегдашнюю апатию. Безучастно относились они к будущему и предпочитали при первой возможности где-нибудь прилечь, уставившись в небо глазами». Но Альбанов не терял мужества. Ударами кулака он заставлял спутников подниматься и напрягать последние силы.

8 июля несчастные дотащились наконец до земли. К этому времени все их запасы продовольствия состояли из 2 килограммов сухарей, 200 граммов сушеного мяса и 1 килограмма соли. Несказанно были обрадованы путники, когда нашли на мысе Мэри Гармсуорт множество птиц и гагачьих яиц. Отдохнув здесь несколько дней и набравшись сил, они направились к мысу Флора. Разделились на две партии, из которых одна шла пешком по леднику Земли Александры, а другая плыла на

двух каяках вдоль берега. Моржи неоднократно пытались атаковать каяки, и не раз смелые моряки были на краю гибели. Насколько безобидными являются моржи, когда они лежат на льду, настолько они свирепы в воде. Завидя плывущую лодку, они обычно с угрожающим пыхтеньем и фырканьем приближаются к ней. И, если тут не удастся прикончить животного метким выстрелом из винтовки или же во-время скрыться за льдиной или берегом, морж ударом клыков пробивает дно шлюпки и сплошь и рядом опрокидывает лодку, зацепившись за ее борт клыками. Пробить жалкие каяки Альбанова и опрокинуть их моржу, конечно, ничего не стоило. К счастью путники всегда во-время замечали опасность.

Казалось, что теперь, когда Альбанов со спутниками добрались до Земли Франца Иосифа, все трудности остались уже позади. Но на самом деле именно здесь на путешественников и обрушились самые большие несчастья. В партии, шедшей по берегу, от крайнего истощения заболел один из матросов, Архиреев. В конце концов у него отнялись ноги, и он неподвижно лежал на снегу, перестав отвечать на вопросы. Спутники покинули его и пошли дальше—догонять каяк Альбанова. На следующий день Альбанов приказал привезти больного Архиреева, но тот к этому времени уже умер. Труп его так и остался на льду. «В сущности, не все ли равно, где лежать покойнику?»—замечает Альбанов. Надо было думать о спасении живых. Почти все были в жалком состоянии, ноги болели и покрылись цынготными опухолями. Партия, шедшая по леднику, отстала, и когда Альбанов на своих каяках добрался до мыса Гранта, то тщетно ожидал здесь пеше-

ходов. Они так и не пришли, и судьба их неизвестна. Возможно, что они провалились в ледниковую трещину и погибли, но еще вероятнее, что они, потеряв последние силы, просто легли на ледник и остались лежать там, как их товарищ Архиреев... Несколько позже были предприняты розыски этих людей, не давшие, однако, никаких результатов.

В партии Альбанова состояние путников было не лучше. Когда Альбанов пристал к острову Белль, он заметил, что матрос Нильсен еле вылез из каяка. Ходить он уже не мог и добрался до палатки ползком. Вскоре он перестал говорить и понимать слова окружающих. Проснувшись на следующее утро, Альбанов нашел его уже окоченевшим. То тяжелое психическое состояние, в котором находились тогда путники, хорошо обрисовано следующими строками из дневника Альбанова:

«Смерть этого человека не очень поразила нас, как будто произошло самое обычное дело. Только как-то странно было: вот человек шел вместе с нами три месяца, терпел, выбивался из сил, и вот он уже ушел... ему больше никуда не надо. А нам еще надо добраться вон до того острова, до которого целых 12 миль. Конечно, это не была черствость, бессердечность. Это было ненормальное отупение перед лицом смерти, которая у всех нас стояла за плечами. Как будто враждебно поглядывали мы теперь на следующего «кандидата», на Шпаковского, мысленно гадая: «дойдет он, или уйдет ранее». Один из спутников даже как бы со злостью прикрикнул на него: «Ну, ты, чего сидишь, мокрая курица! За Нильсеном, что ли, захотел! Иди, ищи плавник, шевелись!» Когда Шпаковский покорно пошел, по временам запинаясь, то ему вдогонку еще

закричали: «Позапинайся ты у меня, позапинайся!». Это не была враждебность к Шпаковскому, который никому ничего плохого не сделал. Это было озлобление более здорового человека против болезни, забиравшей товарища, призыв бороться со смертью до конца».

Вскоре и сам Альбанов заметил, что его ноги «запинаются», а иногда вовсе отказываются служить. И даже этот человек необычайной воли стал сомневаться, удастся ли ему добраться до желанного мыса Флора, который уже отчетливо виднелся на горизонте.

21 июля путники поплыли к мысу на каяках. Шпаковского, уже потерявшего сознание, пришлось тащить до каяка на руках. В одном каяке находился Альбанов с матросом Кондратом, в другом Шпаковский с матросом Луняевым. Навалил туман, и каяки скоро потеряли друг друга из виду. Потом подул сильный ветер, поднялось волнение. Так как бороться с ветром и волнами вскоре стало не под силу утлым суденышкам, Альбанов решил подойти к какой-нибудь льдине и высадиться на нее. Пристали к первому попавшемуся айсбергу и вытащили на него каяки. Забравшись в малицы, Альбанов и Кондрат быстро заснули. Они были разбужены внезапно раздавшимся треском—айсберг раскололся под ними, и оба они очутились в воде. Долго барахтались они в студеных волнах, силясь высвободиться из малиц, и наконец взобрались на осколок айсберга. Промокшие, стуча от холода зубами, они стояли здесь и решали, что предпринять. Оставаться на айсберге при продолжавшемся сильном холодном ветре—грозило верной смертью от замерзания. Надо было рискнуть и попытаться на каяке добраться

до ближайшей земли—до острова Белль, который они покинули утром. После шести часов яростной гребли по вспененному морю, ежеминутно грозившему поглотить маленький каяк, Альбанову и Кондрату удалось добраться до этого острова. Развели костер, на который пошло все, что у них оставалось горючего: обломки нарты, лыжи, бинты из аптечки. Когда спутники немного согрелись и подкрепились едой, они забрались в мокрые малицы. Но отдых был плохой: оба дрожали от холода, а у Кондрата вдобавок оказались отмороженными пальцы на ногах. Надо было собрать последние силы и во что бы то ни стало добраться до мыса Флора. К счастью, ветер затих, и даже выглянуло солнце. Альбанов и Кондрат снова сели в каяк.

На этот раз счастье улыбнулось несчастным путникам. Они добрались до мыса Флора, где нашли и дом, и продовольствие. Это было 22 июля. Три месяца они скитались по пловучим льдам и островам Земли Франца Иосифа, терпя несказанные лишения, и еле избежали смерти. Второй каяк, со Шпаковским и Луняевым, потерянный Альбановым из виду накануне у острова Белль, так и не пришел к мысу Флора. Вероятно, он затонул во время шторма, когда Альбанов и Кондрат сидели на айсберге.

Из 11 человек, покинувших «Св. Анну», до мыса Флора дошли, таким образом, только двое. Эти двое являлись вместе с тем единственными уцелевшими участниками экспедиции Брусилова. Что стало со «Св. Анной»—неизвестно. Повидимому она в конце концов была раздавлена льдами. Но погибли ли жившие на ней люди во время этой катастрофы, или они еще раньше умерли медленной голодной смертью—этого мы не зна-

ем. Не исключена возможность, что когда-нибудь на берегах какой-либо полярной земли, вероятнее всего на восточном берегу Гренландии, будут найдены предметы с погибшей «Анны». И, может быть, тогда мы хоть отчасти сумеем определить трагическую участь брусиловской экспедиции.

На мысе Флора Альбанов и Кондрат стали готовиться к зимовке, надеясь, что в следующем году сюда придет какое-нибудь судно. Они привели в порядок маленькую американскую хижину, в которой и устроились, и стали собирать разбросанные кругом запасы продовольствия и различные предметы снаряжения. Но зимовать им не пришлось, так как избавление явилось неожиданно скоро. 2 августа к мысу Флора подошел «Фока» с возвращавшимися в Архангельск участниками экспедиции лейтенанта Седова, среди которых находился и автор этих строк.

В то время, когда «Фока» подходил к мысу Флора, я как раз был занят отсчитыванием барометра.

«Человек на берегу!»—внезапно донеслось до меня с палубы.

Мигом взобрался я на мостик и стал осматривать остров. Он был окутан густым туманом, сквозь который только неясно выделялись очертания джексоновских построек. Но, приглядевшись внимательнее, я заметил на берегу какую-то движущуюся фигуру. Да, сомнений не было, это был человек! Я даже мог определить, что на нем была самоедская шапка с длинными ушами. Первой моей мыслью было, что за нами пришло спасательное судно. Но в таком случае, где же судно, отчего там только один человек, и почему плывет он к нам не на шлюпке, а в каяке? Разгадку дал нам этот

незнакомец в самоедской шапке, когда он взобрался на палубу «Фоки» и отрекомендовался:

«Я штурман экспедиции Брусилова, вышедший из Архангельска два года тому назад. «Св. Анна» дрейфует во льдах к северу от Земли Франца Иосифа, я покинул ее в апреле и пешком добрался до мыса Флора. Нас здесь двое».

Громовое «ура» покрыло его слова, все бросились жать руку этому смелому человеку. Было о чем порассказать друг другу! Ведь и он, и мы уже два года скитались в Арктике, оторванные ото всего мира... Но Альбанову пришлось вынести больше. Только благодаря своей неисчерпаемой энергии и железной воле он избежал гибели.

Испытания, выпавшие на долю Альбанова во время его санного путешествия, не прошли для него даром. Я встречался с ним позже в Архангельске, где он служил штурманом на ледорезе «Канада» [1], а также в Петрограде. Нервная система его была сильно потрясена, и с каждой новой встречей я все больше убеждался в том, что Альбанов болен психически. Он стал иногда заговариваться и совершал всякие несуразные поступки. В последнее время, когда я его видел, он был занят тем, что ежедневно посылал сам себе письма, якобы написанные матерью. Пришлось обратиться к помощи врачей.

Много позже я узнал, что Альбанов умер где-то в Сибири, случайно угодив под шальную пулю...

Спутник его здравствует и ходит теперь матросом на судах Совторгфлота.

---

[1] Позже переименован в «Литке».

5

Бухта Тихая

> Кабы скоро перенесло их за сине море,
> Забежали во гавани во тихие.
>
> Печорские былины.

Полным ходом шел «Седов» по широкому проливу Де Брюйне, отделяющему остров Нордбрук от острова Гукера. Пролив был почти свободен от льдов, только изредка нам навстречу попадались айсберги. Почти все они имели характерную форму стола. Поверхность айсбергов была совершенно ровная, а их отвесные края были точно срезаны ножом. Такие «столообразные» айсберги характерны для полярных морей южного полушария, на севере же они в большом количестве встречаются только на Земле Франца Иосифа. К одному такому гигантскому ледяному столу «Седов», по просьбе нашего кинооператора, подошел вплотную. Айсберг возвышался над уровнем моря метров на 20, в воде же он должен был сидеть не меньше, чем на 100 метров. Пока «Седов» осторожно обходил его, кинооператор усиленно вертел ручку аппарата. К сожалению, пленки не могли запечатлеть тех дивных цветов, то нежно-голубых, то темно-синих, то почти изумрудных, которыми отливала эта ледяная глыба.

На западе виднелся остров Брюса. Странный остров! На нем не видно ни клочка темной земли,—ослепительно белый, он резко выделяется на светло-голубом

полярном небе. В течение тысячелетий на этом острове покоится лед, со всех сторон сползающий в море. Движение этого льда, масса которого все время возобновляется за счет падающего на него снега, так медленно, что обнаружить его удается только длительными наблюдениями при помощи точных инструментов. Но иногда можно видеть и наглядное доказательство его движения. Время от времени у края ледника откалываются громадные ледяные глыбы—это те самые столообразные айсберги, которые так часто встречаются в проливах Земли Франца Иосифа. Когда, по выражению полярных зверобоев, ледник начинает «телиться», то-есть когда от него откалывается айсберг, раздается грохот, напоминающий шум отдаленного взрыва.

За выдающейся к западу низменной частью острова Гукера зачернел массив большой скалы Рубини, названной так Джексоном в честь «короля теноров», сто лет назад покорявшего нежные сердца дам. Эта скала находится у самой бухты Тихой, и туда мы направлялись. Мы хотели пробраться в бухту кратчайшим путем—через пролив Меллениуса,—но неожиданно наткнулись на препятствие. Оказалось, что этот пролив еще не весь вскрылся, и середина его была преграждена полосой неподвижного льда шириною около двух километров, тянувшейся от одного берега к другому. За этой перемычкой уже виднелась бухта Тихая, там была чистая вода.

«А ну-ка, Юрий Константинович, бейте прямо!»—раздался голос капитана.

«Седов» сразбегу налетает на ледяную преграду, от которой откалывается большой кусок. Затем машина

работает на обратный ход, судно снова устремляется вперед, и так удар следует за ударом. Но перемычка подается очень медленно и, чтобы пробить эти два километра льда, придется поработать не один час. А нетерпение попасть в бухту Тихую у всех велико. Особенно зимовщикам хочется скорее увидеть то место, где им предстоит надолго обосноваться. Эти ледовые скитания на «Седове» для них являлись ведь лишь небольшим этапом, настоящая же их работа должна была начаться только там, в той бухте, которая открывалась впереди...

Решили отступить перед ледяной преградой и попробовать войти в бухту с другой стороны, с севера. Здесь пролив оказался совершенно чистым, и через несколько часов «Седов» уже стоял на якоре в бухте Тихой.

Зимовщикам место это очень понравилось.

«Да, здесь зимовать не вредно!»—констатировал наш радист Э. Т. Кренкель. «Чорт побери, красота-то какая!»

Действительно, бухта Тихая является одним из самых живописных уголков Земли Франца Иосифа, и на посещающих ее впервые она всегда производит неизгладимое впечатление. С южной стороны бухты высится огромная базальтовая скала Рубини. Стены ее совершенно отвесны и, глядя на нее, вначале не знаешь, можно ли вообще на нее взобраться. Но, очевидно, можно, потому что на самом верху скалы торчит гурий, как на севере называются сложенные человеком конусообразные груды камней, которые служат мореплавателям в качестве опознавательных знаков. На скале Рубини такой гурий был сложен М. А. Павловым, геологом экспедиции лейтенанта Седова.

На противоположной стороне бухты Тихой находится неширокая полоса земли, за которой поднимаются крутые скалы острова Гукера. На этих скалах тысячами гнездятся маленькие птицы «люрики», день и ночь оглашающие воздух своим криком. В кут [1] бухты спускается ледник, ползущий сюда прямо с ледникового купола острова. Этот ледниковый купол, или щит в свое время получил от участников экспедиции лейтенанта Седова малоизящное название «пуза». Но что поделаешь, если своей формой он действительно напоминает живот, слегка вздувшийся!

Почти целый год пришлось мне когда-то прожить в этой бухте... Живо вспомнилось, как мы забрались сюда на старом «Фоке». Он уже целый год провел в полярных льдах и теперь упрямо пробивался по Британскому каналу на север. В средней части этого пролива он уперся в тяжелые льды. Г. Я. Седов стоял на мостике и обдумывал, в какую бы лазейку проскользнуть, чтобы добраться до северного острова Земли Франца Иосифа, где предполагалось зазимовать. В это время на мостик поднялся механик И. А. Зандер и со свойственным ему спокойствием доложил:

— А топлива, знаете, хватит только на несколько часов.

Это известие, которое, собственно говоря, ни для кого не было неожиданным, как будто поразило Седова. Он смотрел на механика, беспомощно улыбаясь, но затем быстро овладел собой:

— Ну, что же! Значит, не суждено зимовать на острове Рудольфа! Надо искать другое место для зимовки. Владимир Юльевич,—обратился он ко мне, так как я

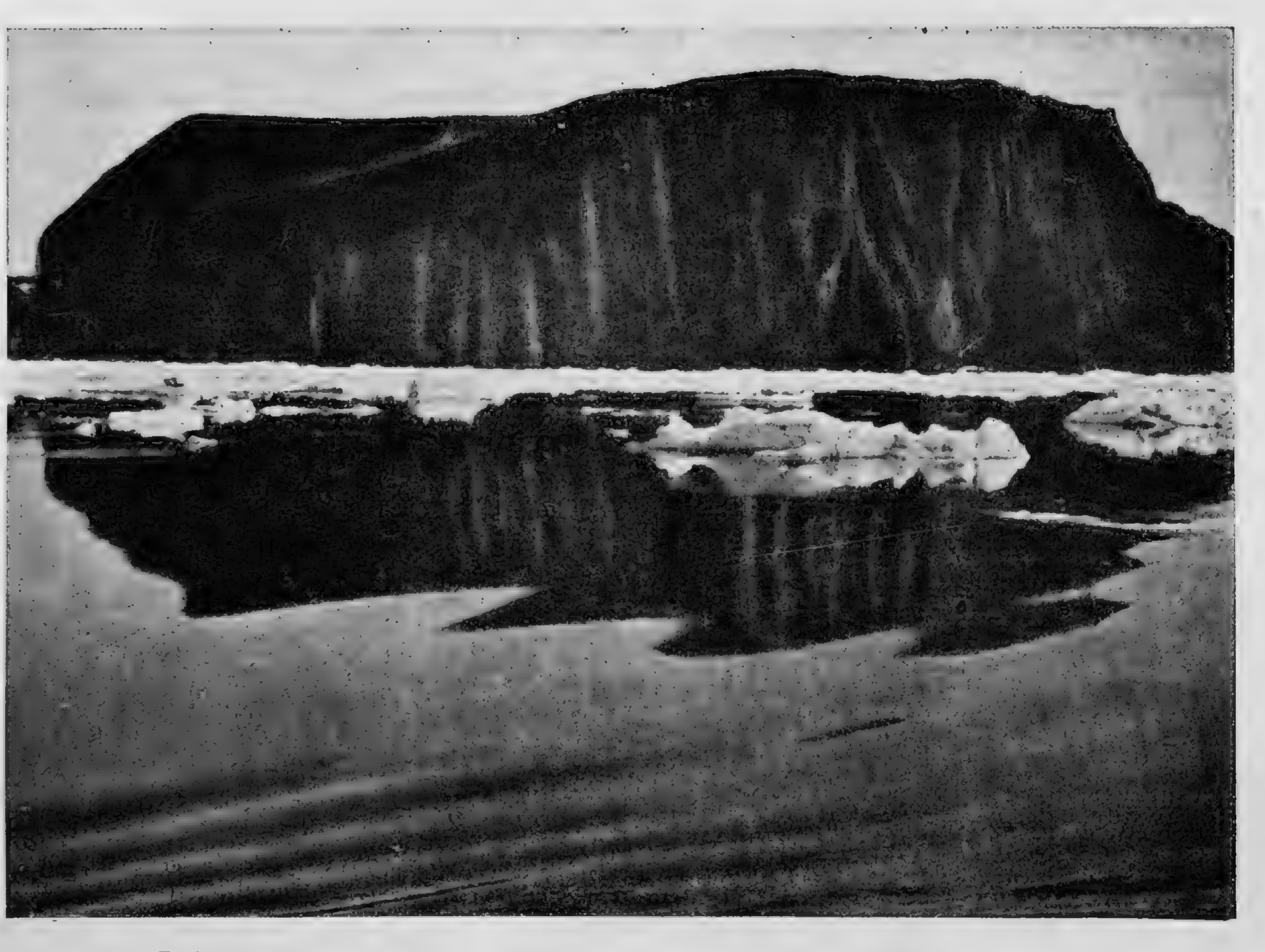
---

[1] Этим словом поморы обозначают внутренний конец бухты.

В. И. Альбанов на пути к Земле Франца Иосифа.

„Фока“ в бухте Тихой (начало июля 1914 г.).

Скала Рубини (с юга).

как раз стоял у руля,—держите на ту большую скалу.

Это была скала Рубини.

Через несколько часов «Фока» входил в бухту. Машина, дотащив судно до стоянки, точно в изнеможении остановилась сама по себе и замолкла на долгое время. Топливо было сожжено все. Осмотром бухты, в которую нам невольно пришлось забраться, Седов остался очень доволен. Он назвал ее бухтой Тихой, и это свое название она вполне оправдала: «Фока» стоял здесь десять месяцев, и льды ни разу не тревожили его.

Когда я глядел на бухту Тихую теперь, пятнадцать лет спустя, мне временами казалось, что я и не покидал ее... Так же чернеет недвижный Рубини, так же проплывают по зеркальной глади бухты белые льдины, даже айсберги как будто остались все на тех же местах... А этот неугомонный крик птиц! Ведь это тот самый, который я изо дня в день слышал здесь в течение месяцев! Кажется, будто это происходило еще вчера и что между этим «вчера» и «сегодня» никаких пятнадцати лет нет. Наверно, ко мне сейчас подойдет Пинегин и скажет: «Владимир Юльевич, пошли стрелять пичужек к ужину!»

— Владимир Юльевич, садитесь в шлюпку, едем место для радиостанции выбирать!

Я пробуждаюсь. Да, все-таки эти 15 лет были! И Пинегина нет тут, он сейчас на Ново-Сибирских островах, этот неисправимый полярник... А слово «радиостанция»—разве оно раздавалось здесь тогда, пятнадцать лет назад? А красный флаг на корме «Седова»? Нет, все ново, и только старый базальтовый Рубини все также угрюмо неподвижен.

Инженер наш был доволен выбранным для радио-

станции местом: «Лучшего, пожалуй, в этой оледенелой стране не найдешь!» Начальника будущей радиостанции П. Я. Илляшевича беспокоило, правда, отсутствие больших ручьев. Те, которые текли здесь под камнями и выдавали свое присутствие только шумом, не удовлетворяли его. «Как быть с пресной водой?» — спрашивал он. Но чего-чего, а пресной воды, притом отменно чистой, в бухте Тихой достаточно. Вот подле самого берега стоит айсберг — его синий лед обеспечит станцию пресной водой по крайней мере на год.

Радиостанцию было решено строить вблизи северного мыса, у входа в бухту Тихую, так называемого мыса Седова. Здесь берег спускается в бухту уступами — береговыми террасами, — свидетельствующими о происходившем постепенном поднятии острова Гукера. На одной из этих террас, в расстоянии около 40 метров от уреза берега, мы выбрали ровную площадку, вполне пригодную для сооружения на ней построек.

Выбор бухты Тихой в качестве места для радиостанции, которая является вместе с тем самым северным поселением в Союзе, следует считать во всех отношениях удачным. Стремительные приливо-отливные течения, господствующие в бухте, сильно размывают ее ледяной покров, в результате чего бухта вскрывается сравнительно рано. Близость к Баренцову морю является также благоприятным обстоятельством. Судну, которому удалось пройти через льды Баренцова моря до южного берега Земли Франца Иосифа, доступ в бухту Тихую обеспечен. Другие бухты Земли Франца Иосифа в этом отношении уступают бухте Тихой, так как многие из них нередко освобождаются

ют неподвижного ледяного покрова очень поздно, а в иные годы лед в них даже вовсе не вскрывается.

Близость двух больших птичьих базаров, из которых один находится на скалах у самой радиостанции, а другой на скале Рубини, также представляется немаловажной, так как обеспечивает обитателей поселка свежим мясом в течение полугода, с марта по август. В каком-нибудь километре от радиостанции, в проливе Меллениуса, от сильных приливно-отливных течений появляются уже с марта полыньи, а в них водятся тюлени, охотой на которых можно добывать корм для собак. Свежее тюленье мясо, впрочем, вполне пригодно и для питания людей, а печонка тюленя является настоящим деликатесом. В связи с наличием полыней и благодаря присутствию тюленей в бухту Тихую частенько заглядывают белые медведи, дающие первосортное мясо. В окрестностях бухты Тихой нередко встречаются снежные берлоги, в которых зимуют медведицы. Даже флора—и та в районе бухты Тихой отличается некоторой «роскошью». В 1914 году мы находили на перешейке у скалы Рубини в изобилии ложечную траву (Cochlearia fenestrata), из которой можно приготовить прекрасный салат. Свежая зелень не только приятно разнообразит стол полярника, но и является одним из лучших противоцынготных средств. В вареном виде ложечная трава напоминает шпинат. На том же перешейке у скалы Рубини летом водятся гуси. Одним словом, в смысле охоты и возможности добывать пищу бухта Тихая является настоящим полярным эльдорадо. Человек, очутившийся здесь без продуктов, но с охотничьим снаряжением, сможет просуществовать здесь «за счет страны», как выражается известный полярный исследователь Стефансон.

Уже на следующий день, 2 августа, мы приступили к выгрузке строительных материалов. Благодаря приглубости берега в бухте Тихой «Седов» мог подойти к нему совсем близко, на расстоянии каких-нибудь 40 метров. Это, конечно, очень облегчало работу. Выгрузка производилась при помощи двух больших карбасов, специально для этой цели купленных в Архангельске. Бревна и доски просто опускались с судна в воду, где сшивались в плот, который затем при помощи шлюпки отбуксировывался к берегу. Немедленно были отправлены на берег и наши животные. Коровы отнеслись к перемене места совершенно равнодушно, но лошадь, видимо, очень обрадовалась. Она день и ночь бродила по базальтовой россыпи берега, пощипывая скудную растительность. Собакам, к нашему удивлению, берег совсем не понравился. Они так свыклись с судном, что, очутившись на берегу, подняли лай и вой. Некоторые из них, похрабрее, бросались в воду и плыли обратно к судну. Волей-неволей пришлось их взять опять на борт.

Через двое суток на берегу уже виднелись горы выгруженных строительных материалов и всякого другого добра. Можно было приступить к постройке. Наши плотники (их было 14) почти с радостью принялись за работу—видимо, бездеятельная жизнь на судне в качестве пассажиров им изрядно надоела. Застучали топоры, зазвенели пилы. Работа шла день и ночь,—благо, светло здесь круглые сутки.

В первые же дни нашего пребывания в бухте Тихой мы приступили к устройству бетонных оснований для радиомачты и ее оттяжек. Мачту надо было установить с максимальной прочностью, чтобы она могла про-

тивостоять жестоким ураганным ветрам, которые зимою бывают здесь нередко. Это оказалось, как мы и предполагали, делом не легким. Почва оттаяла сверху только на 30—40 сантиметров, ниже же находилась вечная мерзлота. Динамит плохо берет эту мерзлоту, и поэтому в местах будущих котлованов для мачты пришлось разложить костры. Они горели днем и ночью и постепенно оттаивали почву под собой. Это оттаивание шло, однако, очень медленно, и было хорошо, что мы взялись за это дело сразу же по приходе в бухту Тихую.

Погода стояла исключительно благоприятная. На пути к Земле Франца Иосифа я нередко рассказывал моим спутникам о прелестях летнего полярного климата с его вечно покрытым серыми тучами небом, непроницаемым молочным туманом, сырым и пронизывающим ветром. Глядя теперь на стоявшее изо дня в день совершенно ясное небо, на сверкавшие под лучами солнца ледники и на безмятежную гладь бухты,—мои спутники явно удивлялись «расхождению теории с практикой». Некоторые посматривали на меня явно неодобрительно и переставали интересоваться моими метеорологическими познаниями: «Известное дело—обсерваторец! Загибает!»

В такую хорошую погоду нашим исследователям, конечно, не сиделось на судне. Больше всего их манила скала Рубини, издали казавшаяся совсем неприступной. Однако места для подъема были быстро найдены, и в первые же дни на эту скалу было сделано несколько восхождений. Вскоре на ее вершине рядом со старым гурием Павлова отчетливо вырисовался другой, раза в два больший. Его сложил П. Я. Илляшевич, раньше

всех взобравшийся на скалу. Р. Л. Самойлович предпринял на скалу Рубини ожесточенную атаку. Войдя в геологический азарт, он откалывал от скалы громадные каменные глыбы, которые с грохотом катились вниз. Я не завидовал спутникам Р. Л. Самойловича по экскурсии. Когда геолог, обвязав кругом камня веревку, тщетно силился сдвинуть его с места, чтобы дотащить по снегу до шлюки, спутникам было неловко не притти ему на помощь и не впрячься рядом с ним в лямки. Только таким образом эти геологические трофеи удавалось дотащить до шлюпки. На палубу «Седова» «куски тела Рубини», или, выражаясь научно, «базальтовые отдельности», поднимались при помощи паровой лебедки.

Зоолог экспедиции, Г. П. Горбунов, облюбовал остров Скотт-Кельти. Этот небольшой остров, лежащий против входа в бухту Тихую, совершенно свободен от льда. Центральная часть его представляет плоскогорье, покрытое камнями. Г. П. Горбунову посчастливилось открыть на острове Скотт-Кельти небольшое озеро, где он стал ловить с помощью сеток планктон и всякую мелюзгу. Добыча его была, однако, очень скудная.

Наш топограф, И. М. Иванов, занялся съемкой ледника Юрия, спускающегося в бухту с южной стороны скалы Рубини. Съемка ледника Юрия представляла большой интерес, так как 15 лет назад этот ледник был заснят мною, а еще раньше—в 1904 году—экспедицией Фиала. Из сравнения карт, составленных в 1904 и 1914 гг., с новой картой 1929 г. можно будет вывести заключение о том, отступают или наступают ледники Земли Франца Иосифа. Известно, что края ледников в Альпах, на Кавказе, а также в полярных и других странах, обычно не занимают постоянного положения,

а то надвигаются, то отходят назад. Эти изменения в положении ледников, которые могут быть иногда весьма значительными, вызываются колебаниями климата. Когда-то Земля Франца Иосифа была совершенно свободна от ледников, свидетельством чего служат встречающиеся на этом архипелаге отпечатки таких растений, которые могли произрастать только при гораздо более теплом климате, чем тот, который на Земле Франца Иосифа теперь. Некоторые экспедиции находили здесь оленьи рога, а это указывает на то, что олени когда-то водились на этом архипелаге и находили тут достаточное количество корма. В настоящее время оленей на Земле Франца Иосифа нет, ибо современная флора архипелага слишком скудна, чтобы поддержать их существование. За последние 25 лет климат Земли Франца Иосифа, очевидно, не изменился в какую-либо сторону, так как положение края ледника Юрия оставалось за этот промежуток времени почти неизменным.

Чудные ясные дни все продолжались, и работа на берегу шла усиленным темпом. Бухта, за исключением самого ее кута, где еще держался невзломанный припай, почти все время была свободна ото льдов. Только два раза в сутки, под действием приливного течения, в бухту заносило льды из Британского канала, но уже через несколько часов эти льды снова выносились отливным течением. Наши зимовщики, после горячей работы на берегу, время от времени устраивали в бухте «венецианские ночи». Они состояли в катании на лодке, при непременном участии собаки «Прима», общего любимца, и граммофона. Отчалив от судна, зимовщики обычно ставили пластинку с «чувствительной» гавайской гитарой, которой не менее чувствительно под-

певал моторист станции Муров. Сладкие вибрирующие звуки гитары далеко разносились по бухте, являя своеобразный контраст с мертвой белизной ледников и угрюмым молчанием черного Рубини.

Но внезапно один случай чуть не положил конца этой полярной идиллии, да и всему нашему делу.

Мы сидели за столом в кают-кампании и мирно беседовали, как вдруг вбежал штурман:

— Большое ледяное поле напирает!

Капитан, а за ним и все остальные в мгновение ока были на палубе. Действительно, приливным течением к судну принесло большую льдину. В тот момент, когда мы выбежали, льдина уже коснулась судна и стала прижимать его к берегу. Предпринимать что-нибудь было уже поздно. Мы почувствовали, как судно задрожало на камнях и затем, накренившись, встало неподвижно. «Седов», повидимому, сидел крепко, льдина же, совершив свое мерзкое дело, уплыла в пролив. Все это произошло менее чем в две минуты.

Немедленно заработала на полный ход машина, судно затрепетало, но с места не сдвинулось. Под кормой винт вырвал со дна кучи водорослей и взмутил кругом всю воду. Капитан измерил глубину около судна,—оказалось, что нас основательно выперло на камни, на целых полтора метра. Положение было скверное. Надежд на то, что нам поможет прилив, не было. В бухте Тихой приливо-отливные колебания уровня моря совсем ничтожны, составляя в среднем только 17 сантиметров. Даже в периоды полнолуния и новолуния, когда приливы вообще бывают наибольшими, колебания эти не превышают 22 сантиметров. А мы выскочили на $1\frac{1}{2}$ метра.

Капитан решил воспользоваться ближайшим к «Седову» большим айсбергом, который сидел на грунте, занести вокруг него тросы и затем подтягиваться с помощью лебедки. При одновременной работе винта это могло подействовать. Стали готовить моторную шлюпку, чтобы плыть к айсбергу. Но, как и полагается моторной шлюпке, она была с капризами и, несмотря на усилия всей машинной команды и моториста станции, пустить мотор в ход не удалось. Он только пыхтел, наполняя бухту удушливым дымом. Капитан был в бешенстве.

— Лучше жена гулящая, чем такой мотор!—разрядил он свой гнев.—Готовьте гребную шлюпку!

Наконец тросы были занесены вокруг айсберга, загрохотала лебедка, бешено заработала машина на самый полный вперед—но результата никакого. Ни судно, ни айсберг не сдвинулись с места. В довершение беды в это время течением принесло другой небольшой айсберг, которому заблагорассудилось сесть возле «Седова» на грунт, придавив собою якорную цепь. Час от часу не легче! Сейчас же приступили к взрыванию айсберга, за что, видимо, даже с удовольствием, взялись наши саперы, братья Илляшевичи. Подойдя на шлюпке к айсбергу, они высверлили в нем дыру и заложили туда шашку с динамитом. Первый заряд они не рискнули сделать большим, и потому эффект получился слабый. Что-то фыркнуло, но айсберг не пошевелился. Постепенно увеличивая количество динамита, они, наконец, добились желаемого. От айсберга во все стороны полетели осколки льда, и в боку его образовалась черная дыра. После целого ряда взрывов айсберг в конце концов удалось уничтожить. Якорная цепь была снова свободна.

Но «Седов» попрежнему упорно сидел на своем камен-

ном ложе. Положение становилось угрожающим. Что, если так и не удастся сняться? Зимовать? Но ведь это равносильно гибели судна, потому что в дальнейшем, особенно с наступлением осенних штормов, напоры льда будут несомненно повторяться, и судно будет все больше и больше вылезать на берег. Нет, во что бы то ни стало надо сняться! Так как мы сидели главным образом кормой, то, чтобы облегчить ее, выгрузили все из кормовых трюмов и перекачали воду в носовую цистерну. Кроме того, для придания дифферента на нос, в носовой трюм накачали еще соленой воды. Это помогло, и, когда заработала машина, мы наконец снялись. Все облегченно вздохнули, когда заметили, как корпус «Седова», скрипя и дрожа, стал медленно сползать с камней. Да и пора было! Через четыре часа после того, как мы сошли с камней, на это же самое место надвинулось новое ледяное поле—старая торосистая громадина. Она выдвинулась далеко на берег, образовав здесь гряду торосов, так и оставшуюся лежать до того дня, когда «Седов» покинул бухту Тихую. Всем стало ясно, что, просиди мы на камнях не 32 часа, а 36 часов,—песенка «Седова» была бы спета.

Еще в то время, когда «Седов» сидел на камнях, мы обнаружили сильную течь. Один из балластов судна наполнился водой, и попытки откачать его не имели успеха. Очевидно, судно получило в этом месте пробоину. Действительно, когда после возвращения экспедиции в Архангельск «Седов» был поставлен в док, оказалось, что в борту судна зияет дыра, и в этом месте пришлось сменить три листа обшивки.

После этого случая седовцы уже перестали доверять зеркальной глади бухты Тихой: «Тихая-то она тихая,

а смотри в оба!» «Седов» переменил место своей стоянки, отойдя от строящейся радиостанции несколько в глубь бухты, примерно, на то место, где когда-то зимовал «Фока». Мы заметили, что здесь льдины сравнительно редко напирают на берег, тогда как около мыса Седова это случается сплошь и рядом.

Как-то был поднят вопрос, что недурно бы разнообразить наш стол дичью. За это дело взялся О. Ю. Шмидт, решивший провести ночь на охоте за кайрами у скалы Рубини. Он отправился туда на нашей «пашке». Пашка—это небольшая лодчонка, служащая на севере главным образом для быстрого сношения между стоящими на рейде пароходами и берегом. И препаршивая, нужно сказать, лодчонка! Видом своим она напоминает скорлупу грецкого ореха. В чем достоинства пашки и отчего она пользуется таким распространением на севере—мне и до сих пор не ясно. А недостаток у нее вполне определенный—ярко выраженное стремление опрокидываться. Уже не один седовец благодаря этой пашке принял холодную ванну в бухте Тихой. Только спустится он, бывало, по штормтрапу с «Седова» и ступит на пашку, как та—кувырк!—и уже плавает кверху дном. А тем временем седовец либо по грудь в воде висит, уцепившись за трап, либо барахтается в море и вопит благим матом: «Дайте конец!»

Перевернулась пашка и на этот раз, и О. Ю. Шмидту перед охотой пришлось освежиться полярной ванной. Это, однако, не остановило охотника. Переодевшись, он все-таки отправился к скале Рубини, и на той же самой пашке.

Охота была удачная, и О. Ю. Шмидт привез без малого сотню кайр. Увидев такие блестящие охотничьи

трофеи, наш кинооператор Новицкий решил, что их необходимо запечатлеть на пленке. Начались длинные приготовления, неизменно предшествовавшие у нас каждой съемке. Птицы были свалены на палубе в живописную груду, рядом было положено ружье, тут же с видом победителя стоял О. Ю. Шмидт. Но это кинооператору показалось мало. По его мнению, картину следовало бы оживить собаками. Как на грех, тут вертелись два пса: «Грейф»—великолепный экземпляр немецкой овчарки и «Юшар»—крупная самоедская лайка черной масти. Схватив собак за ошейники, Новицкий стал их пристраивать около сваленных в кучу птиц. Но собаки никак не хотели принять требуемой позы. Больше всего, повидимому, раздражало их то, что им нужно было позировать вместе. Это были наши самые сильные собаки и между ними уже давно шла распря за место вожака. Новицкий как-то нечаянно толкнул Юшара, а тот, в свою очередь, Грейфа, который только и ждал повода начать драку. Мертвой хваткой он вцепился Юшару за загривок и стал его трепать. Нападение было неожиданным, и Юшар оказался в скверном положении. Спасла его от волчьих зубов Грейфа, несомненно, только густая шерсть. С большим трудом нам удалось оторвать разъяренного пса от его жертвы. Но Юшар вовсе не счел себя побежденным и теперь в свою очередь набросился на Грейфа и вцепился ему в переднюю лапу. Грейф поднял дикий вопль. Мы накинулись на Юшара—двое тянули его за ошейник, третий за хвост, но оттащить его от Грейфа удалось только после того, как я стал колотить его попавшейся под руку палкой, а кок вылил на него ведро воды. Победа досталась Юшару. Грейф с жалобным воем ретировался.

После этой драки Грейф хромал больше недели. Но как только лапа его поправилась, он немедленно стал искать реванша. Он не выпускал Юшара из виду, следовал за ним по пятам и устрашающе рычал на него, оскалив зубы. Так как мы зорко следили за этими непримиримыми соперниками, то дело до драки не доходило. Но я не сомневаюсь в том, что когда-нибудь Грейфу удастся улучить момент и вцепиться в ненавистного победителя.

Собачья драка расстроила все планы Новицкого, и он был рад, что ему удалось извлечь из всей этой суматохи свой аппарат целым и невредимым. Кайрами же мы лакомились несколько дней под ряд—они оказались превосходными.

Пользуясь свободным временем, я нередко бродил по берегу бухты Тихой. Кое-где я натыкался на следы экспедиции лейтенанта Седова. У мыса Седова лежал багор, в другом месте я нашел каким-то чудом уцелевшую большую банку из-под варенья, около бывшей стоянки «Фоки» валялись пустые жестянки из-под консервов. Недалеко от радиостанции стоят два деревянных креста. Один из них является просто памятным знаком. Он сохранился прекрасно, только кое-где на нем виднеются следы медвежьих зубов. На кресте вырезана надпись на английском языке: «1913—1914. Экспедиция лейтенанта Седова. Астрономический пункт».

Второй крест поставлен над могилой механика седовской экспедиции, И. А. Зандера, умершего в 1914 году от цынги. Глядя на этот крест, я вспомнил тот день, когда мы хоронили этого неутомимого труженика. Дул резкий порывистый ветер, сильно мело. Солнце в виде тусклого расплывчатого пятна, еле виднелось за тучами

взметаемого ветром снега. Больной матрос Лебедев, хромая и еле переставляя ноги, пошел на бак отбивать склянки. Ветер подхватывал погребальный звон и уносил его в снежную пустыню. Участники экспедиции, все с землистого цвета лицами после тяжелой полярной ночи, вынесли тело. Оно лежало на носилках, сделанных из старого паруса и двух весел. Мы не могли позволить себе роскошь и положить покойника в гроб: при полном отсутствии топлива каждый кусок дерева был для нас дороже золота. Тело Зандера положили на нарту, и печальное шествие двинулось к мысу Седова. С судна раздался прощальный салют из китобойной пушки. Вырыть умершему настоящую могилу не удалось. С большим трудом мы сделали в совершенно промерзшей каменистой почве небольшое углубление—сантиметров в 50. Положив туда тело, завалили его сверху грудой камней. Вероятно, оно и теперь лежит под этими камнями, не тронутое разложением. В стерильном воздухе полярных стран умершие организмы сохраняются поразительно долго.

6

Георгий Яковлевич Седов

> Из такой смерти проистекает тысяча жизней, и такое умирание не гибель, а прямая ее противоположность: бессмертие.
> (Стефан Цвейг о Роберте Скотте.)

В 1877 году на берегу Азовского моря, на хуторе Кривая Коса, около станицы Новониколаевской, в бедной рыбацкой семье родился сын. Это был будущий полярный исследователь—Георгий Яковлевич Седов. С самых ранних лет ему уже приходилось помогать отцу в его тяжелой работе бедняка-рыбака и выходить с ним вместе в море. Как-то мальчика Седова вместе с другими ребятами унесло на льдине в открытое море. Трое суток льдину трепало штормом, пока детей не сняло случайно проходившее судно. Но этот случай не оттолкнул мальчика от моря, а наоборот, еще крепче заставил полюбить бурную стихию.

Заботы о пропитании и тяжелый труд не позволяли родителям Седова задумываться над тем, чтобы дать своему сыну образование. До 14 лет Георгий Седов оставался неграмотным. Но мальчик в это время уже хорошо понимал, какие преимущества дает образование. Он настоял на том, чтобы его отдали в школу и в два года окончил три класса. Седову было тогда 16 лет. Надо было заботиться о «хлебе насущном». Он бросил школу и поступил ключником в имение генерала Иловайского. Но жизнь здесь была несладкая и, главное, совершенно

не удовлетворяла юношу. Через восемь месяцев он сбежал от генерала и устроился у себя на родине приказчиком в бакалейной лавке. Но и здесь работа была ему совсем не по душе. Его манило море, а прочитанные книги разжигали жажду иной, деятельной жизни.

Однажды на небольшом судне привезли для лавки, в которой работал Седов, соль. Принимая ее, Седов разговорился с капитаном и узнал от него, что в Ростове существуют мореходные классы. Пройдя их, можно сделаться настоящим моряком. Эта мысль крепко засела в голове юноши и не давала ему покоя. Но родители были решительно против такой затеи. К чему еще дальше учиться, когда и так парень недурно устроился: ведь 120 рублей в год жалованья на готовых харчах, разве это плохо для юноши?

Седов все же настоял на своем. Выкрав ночью метрическое свидетельство, он бежал из родительского дома и пробрался в Ростов. Ему тогда было уже 18 лет. Благодаря тому, что Седов, служа приказчиком в лавке, все время не переставал учиться, ему удалось выдержать экзамены и поступить в мореходные классы. Во время своего пребывания в Ростове Седов зимою занимался в мореходном училище, а летом плавал в качестве ученика на пароходе «Труд», получая 15 рублей в месяц.

Через три года Седов блестяще окончил мореходные классы и получил диплом штурмана дальнего плавания. Но этим он не мог ограничиться; его неудержимо влекла деятельность моряка-исследователя. Если он сам, без чьей-либо помощи, добился диплома штурмана дальнего плавания, то отчего бы ему не стать и гидрографом? И он со свойственным ему жаром продолжает учиться, готовясь к экзаменам за морской корпус. Но в корпус

Выгрузка строительных материалов в бухте Тихой.

Зимовщики в бухте Тихой (слева направо: сторож Алексин, доктор Георгиевский, механик М. С. Муров, радист Э. Т. Кренкель, повар Знахаев, метеоролог Г. А. Шашковский, начальник станции М. Я. Илляшевич.

Грейф.

Знак экспедиции Г. Я. Седова в бухте Тихой.

принимали только дворян, «белую кость», Седов же был представителем самой настоящей «черной кости». Однако и это препятствие удалось побороть, и в 1901 году, сдав экзамен, Седов в качестве «поручика по адмиралтейству» был прикомандирован к Главному Гидрографическому Управлению. Он достиг своего и мог теперь начать работать в той области, которая всегда его привлекала. Особенно его тянул север. В 1903 году он работал в качестве гидрографа в Баренцовом море, а в 1909 году уже был начальником гидрографической экспедиции в устье Колымы. В 1910 году Седов работает на Новой Земле, а в 1912 году он выдвигает проект экспедиции к северному полюсу, мысль о которой уже давно таилась в его голове.

По проекту Седова, экспедиция должна была на судне дойти до северной оконечности Земли Франца Иосифа, откуда предполагалось отправить небольшую партию к полюсу пешком по пловучим льдам. Военно-морские круги, которые вообще считали Седова «выскочкой» и все время косились на эту «черную кость», отнеслись к проекту отрицательно, и правительство отказало Седову во всякой финансовой поддержке. Казалось, весь план экспедиции рухнул. Но тут в лице М. А. Суворина реакционная печать предложила Г. Я. Седову оказать некоторую материальную помощь. Седов, хотя совершенно чуждый реакционным кругам, все же не устоял и принял предложение «Нового Времени». Лишь бы были деньги, лишь бы экспедиция состоялась, а откуда деньги, не все ли равно? Помимо кредитов, лично открытых М. А. Сувориным, деньги на экспедицию собирались путем добровольных пожертвований. Но приток этих пожертвований был крайне слаб. «Кадетская» печать,

группировавшая либеральные круги буржуазии, адвокатов, инженеров и ученых, стала бешено травить экспедицию, связанную с «Новым Временем». В «Речи» появились статьи, предостерегающие читателей от пожертвований на «патриотическую» и «ненаучную» экспедицию. Седов, страстно отдавшись делу открытия северного полюса, не замечал или не хотел замечать политической борьбы, разгоревшейся вокруг его экспедиции. Он не сумел отгородиться от продажных лжепатриотов «Нового Времени», использовавших экспедицию, как саморекламу, и поплатился жизнью за свою ошибку. Кадеты и бывшие с ними ученые своего добились. Экспедицию и так Седов собирался выполнить на чересчур скромные средства, теперь же приходилось осуществлять ее на гроши и урезывать снаряжение явно во вред делу.

На собранные 108 000 рублей Седов снарядил старое зверобойное судно и в августе 1912 года вышел на нем на Землю Франца Иосифа. Мы уже видели выше, что добраться до Земли Франца Иосифа «Фоке» удалось только в следующем, 1913, году.

Вторая зимовка экспедиции, в бухте Тихой, протекала в тяжелых условиях, и здоровье большинства участников экспедиции, в том числе и Седова, сильно пострадало. Он заболел цынгой, явными признаками которой была общая слабость, размягчение десен и боли в ногах. Ветеринар экспедиции, П. Г. Кушаков, исполнявший также обязанности врача, убеждал, впрочем, Седова, что все это только преходящее заболевание ревматического характера. Перелистывая теперь вахтенные журналы экспедиции, я нахожу в них одну любопытную подробность, касающуюся болезни Седова перед его выходом к полюсу. Нас было пятеро «вахтенных

начальников»: геолог М. А. Павлов, художник Н. В. Пинегин, штурман Н. М. Сахаров, ветеринар П. Г. Кушаков и я. Каждый раз, когда суточную вахту нес не Кушаков, в журнале находятся отметки: «начальник болен, не вставал с постели» или «начальнику хуже» и т. п. В дни же вахт Кушакова в журнале неизменно стоит: «начальник здоров», «начальник чувствует себя хорошо». Зачем Кушакову, исполнявшему должность врача, понадобилось скрывать болезнь Седова и тем содействовать трагической развязке?

Впрочем, сам Седов, несомненно, сознавал, что он болен. Еще за два месяца до выхода к полюсу, в беседе со мной, он назвал свой поход к полюсу «безумной попыткой», вполне сознавая, что здоровье его подорвано, и снаряжение недостаточно. Но он тут же прибавил, что, тем не менее, ни за что не откажется от этой попытки и будет итти к северу, пока у него «не выйдет последний сухарь». Со щитом или на щите,—говорили древние германцы. Седов решил, очевидно, что в создавшейся общественной обстановке он должен вернуться только победителем.

Незадолго до намеченного Седовым дня выхода к полюсу Н. В. Пинегин написал ему дружественное письмо, в котором убеждал его отложить свое путешествие до выздоровления. Всегда горячий и откровенный, художник прямо заявил, что, будь он на месте врача, он связал бы своего начальника, но не пустил бы в безумный поход. Письмо Пинегина не могло удержать Седова от твердого решения: «Если я болен сейчас, то в пути поправлюсь. Нет лучшего врача, как природа — она исцелит!»

В спутники себе Седов выбрал матросов Линника и

Пустошного. Оба шли совершенно добровольно, едва ли представляя себе неизбежный исход похода.

Выход был назначен на 15 февраля—за десять дней до восхода солнца. На льду бухты уже стояли в полной готовности две нарты, в каждую из которых было запряжено 12 собак. Это были все уцелевшие к тому времени собаки из 80, которые имелись в экспедиции при выходе из Архангельска. Осмотрев нарты, Седов созвал в кают-кампанию весь состав экспедиции и стал прощаться. Он был бледен, губы его были крепко сжаты, в глазах светилась непоколебимая воля. Долго он не мог начать свою речь. Наконец овладел собой и произнес: «Я говорю вам не «прощайте», а «до свидания!» Но тут сил больше нехватило, и больной разрыдася. В первый и в последний раз я видел на глазах этого человека с железной волей слезы.

Через несколько часов нарты Седова и его спутников скрылись в полярных сумерках. Что один из них был обречен—это я знал. Проводив полюсную партию, с тяжелым чувством побрел я на лыжах к стоявшему в бухте Тихой судну. Оно мне показалось теперь покинутым...

19 марта мы узнали о последнем акте этой трагедии. Утром штурман Н. М. Сахаров отправился к полынье стрелять птиц, но сейчас же прибежал в кают-кампанию:

— Наши идут! Георгий Яковлевич вернулся!...

Надев шапку, я выбежал на палубу. Кто-то рядом со мной заметил:

— Только двое идут.

Я сейчас же понял, что неизбежное случилось, что Георгия Яковлевича нет в живых. Линник и Пустошный имели очень изнуренный вид, оба жаловались на тяжесть

в груди и страдали одышкой и кровотечением из носа и горла. Они передали нам подробности тяжелого похода.

Путь полюсной партии лежал по восточной стороне Британского канала к северу. Уже в первые дни Седов мог проходить только небольшие расстояния, так как у него сильно болели опухшие от цынги ноги. Вскоре к этому прибавилась боль в груди, которая становилась особенно мучительной при сильных ветрах. На седьмой день по выходе с судна Седов уже вовсе не мог итти и был вынужден сесть на нарту. Линник и Пустошный все время убеждали Седова вернуться, но он не желал и слушать об этом. «Улыбнется и махнет рукой»,—рассказывал Линник. Седов большие надежды возлагал на бухту Теплиц [1], где думал подкрепиться оставленными там итальянцами и американцами продовольственными запасами и отдохнуть. «В Теплиц-бае я в пять дней поправлюсь»,—не переставал он повторять.

28 февраля путники дошли до какого-то пролива, где их остановила большая полынья. Судя по описанию матросов, это был пролив Неймайера, к северу от Земли Александра. К этому времени Седов уже часто терял сознание. Однако, лежа привязанный к нарте, он крепко держал в руке компас и время от времени поглядывал на него, опасаясь, что матросы повезут его на юг. Только убедившись в том, что направление магнитной стрелки на норд совпадает с направлением движения нарты, он успокаивался и впадал в забытье. Всю безнадежность своего предприятия он все же сознавал вполне ясно

---

[1] На острове Рудольфа.

и временами шептал про себя: «Эх, эх! Все пропало, все пропало!...»

Чтобы добраться до острова Рудольфа, самого северного в архипелаге, который уже виднелся впереди, пришлось сделать большой обход на восток кругом полыньи. Но до этого острова Седову уже не суждено было дойти. Он стал жаловаться на невыносимый холод и просил спутников встать лагерем. Это было 2 марта, когда Седов уже настолько плохо себя чувствовал, что перестал вести дневник. Последняя запись в нем была сделана накануне, 1 марта. Разбили палатку, до которой Седов едва добрался на четвереньках. После того, как матросы натерли ему ноги— на них уже появились темные цынготные пятна—Седов приказал вести его дальше. Линник пошел впереди, а нарту с Седовым вел сзади Пустошный. На одном повороте Седов, лежавший на нарте в мешке, свалился с нее и упал на снег. Он был без сознания и не заметил своего падения. Только тогда, когда матросы уже стали раскидывать палатку, он спросил: «Линник, почему нарта стоит на месте, а не движется вперед?»

Лагерь 2 марта, насколько можно судить со слов матросов, был раскинут в проливе Неймайера, приблизительно в 3 километрах к югу от острова Рудольфа.

На следующий день неистовствовала буря. Седову стало совсем плохо. Чтобы как-нибудь облегчить его страдания, матросы обсыпали палатку снегом, внутри же все время горел примус. Пустошный тоже был болен, из горла и носа у него шла кровь, несколько раз он падал в обморок.

Жестокий шторм продолжался три дня. Нарты занесло снегом и, чтобы достать керосин, приходилось

долго раскапывать их. Замерзли две собаки. Голова Седова почти все время лежала на коленях у матросов, которые около его груди держали горящий примус. Пятого марта, в 2 часа 40 минут, Седов скончался. Последние его слова было: «Линник, Линник, поддержи!» Но эту просьбу человека, который никогда не просил, а всего добивался сам, исполнить было уже нельзя.

«Я и Пустошный,—рассказывал Линник,—минут пятнадцать стояли на коленях и молча глядели друг на друга. Затем я взял чистый носовой платок и покрыл им лицо начальника. Первый раз в своей жизни я не знал, что предпринять, и начал дрожать от необъяснимого страха».

Посовещавшись, матросы решили пойти в бухту Теплиц и пополнить свои продовольственные запасы, а главное, взять керосину. Тело Седова они хотели везти на судно. Но буря еще свирепствовала, и о том, чтобы покинуть стоянку, не могло быть и речи. Целую ночь Линник и Пустошный продрогли с телом умершего. Примус уже не горел, так как запасы керосина приходили к концу.

Только на четвертый день ветер, наконец, затих. Когда матросы вышли из палатки, то обнаружили еще одну околевшую собаку. Увязав нарты и положив на одну из них тело Седова, они двинулись к острову Рудольфа. Но здесь их ждало разочарование: к западному берегу острова вплотную подходила открытая вода, преграждавшая путь в бухту Теплиц. Итти же по леднику матросы не рискнули. От мысли везти тело Седова на судно пришлось отказаться и хоронить его тут же, на острове. Седов был похоронен в меховой одежде, гроб ему заменил брезентовый мешок. Над небольшой кучей камней, наваленных на тело, был уста-

новлен крест из лыж, а рядом был положен флаг, который Седов хотел водрузить на полюсе. Около могилы была оставлена нарта, на которой покойный сделал свой последний путь к северу. Судя по описанию матросов, Седов похоронен на мысе Бророк на острове Рудольфа.

Обратный путь в бухту Тихую был очень труден. Сильнейшие вьюги мешали матросам ориентироваться среди многочисленных островов архипелага, и они часто сбивались с пути. Собаки, изнуренные скудным питанием и холодом, стали падать. Очень страдали от холода и матросы, так как им приходилось беречь керосин, и на стоянках они не имели возможности отогреться. В отсыревшем спальном мешке они долго не могли заснуть и лежали, лязгая от холода зубами. На шестой день пути иссякли последние капли керосина, и матросы уже не могли согревать себе пищу. Для питья пользовались снегом, который оттаивали в кружке, держа ее в руках и дыша на нее. «Мало горя видел тот,—вспоминает в своем дневнике Линник,—кто не сидел в палатке на льду и в полузамерзшем спальном мешке не дрожал с кружкой холодной воды в руках».

До судна Линник и Пустошный все же дотащились. Благодаря охоте на птиц, свежее мясо имелось в то время на судне в изобилии, здоровье матросов стало быстро поправляться. Уже через месяц Линник с явным удовольствием скитался со мной по островам Земли Франца Иосифа, съемкой которых я тогда был занят.

«Фока» вернулся в Архангельск в 1914 году, когда весь мир был взбудоражен начавшейся империалистической бойней. Возвращение экспедиции и трагическая участь ее начальника прошли почти незаметно. Правда, пожалел по-своему о смерти Седова морской министр

Григорович... Этот классический бюрократ, узнав о смерти Седова, сказал: «Жаль, что он умер! Я бы посадил его в тюрьму!» Дело в том, что морское министерство согласилось дать Г. Я. Седову, отправлявшемуся в свою полярную экспедицию, годичный отпуск, а он пробыл в экспедиции дольше... Смерть Седова не позволила восторжествовать правосудию, и его просроченный отпуск остался ненаказанным.

Так оценили чиновники деятельность одного из храбрейших наших полярных исследователей, окончившего жизнь в далекой Арктике.

7

Самая северная в мире радиостанция

> Отчего зачалися наши ветры буйные?
> Отчего зачалися наши дожди мелкие?
> Голубинная книга.

Постройка радиостанции быстро подвигалась вперед. Сарай был закончен, и зимовщики уже начали складывать в него свое добро. Баня также стояла почти готовая, и в ней заканчивали кладку печей. При этом обнаружилось, что мы забыли в Архангельске котел для бани. Выход был быстро найден: зимовщики распилили пополам железную бочку из-под керосина. Половина этой бочки вполне заменила котел.

Жилой дом требовал, конечно, наибольшего внимания. Вчерне он также был уже готов, оставались только печи и внутренняя отделка. Дом был бревенчатый, из десяти комнат и двух кладовых. Он был спроектирован с таким расчетом, чтобы каждый зимовщик имел отдельную комнату, что является одним из необходимых условий благополучной зимовки. Постоянное вынужденное общение с очень ограниченным числом одних и тех же людей действует в конце концов угнетающе. Поэтому дать возможность зимовщикам временно изолировать себя от товарищей и уединиться—совершенно необходимо. Это легко достигается в доме с коридором, по бокам которого расположены комнаты, не сообщающиеся между собой. Такой тип дома имеет еще и то преиму-

щество, что его легко расширить путем пристроек к любому концу здания.

На первую зиму в жилом доме пришлось поместить и радиостанцию с мотором, так как грузоподъемность «Седова» не позволила взять с собой отдельное здание для радиостанции. Конечно, такое совмещение жилого дома с радиостанцией было очень нежелательно, прежде всего в пожарном отношении, но другого выхода не оставалось. На первое время приходилось мириться с этим.

Глядя, как быстро вырастал маленький поселок в бухте Тихой, мы невольно радовались успеху предпринятого нами дела. Больше всех, конечно, были довольны семь зимовщиков, которым уже не терпелось переселиться в дом и приступить к работе, ради которой они отправились на Землю Франца Иосифа. Пока они все еще ютились в мрачном твиндеке «Седова».

А работа им предстояла большая и ответственная. Ведь эта станция, которую мы строили здесь, в бухте Тихой, должна стать самой северной радиостанцией в мире! Там, на далеком юге, десятки обсерваторий всех стран с нетерпением будут ожидать сведений о погоде в бухте Тихой, чтобы дополнить ими свои карты, на основании которых даются предсказания погоды. Регулярные метеорологические наблюдения и ежедневная передача их по радио—это и составляло основную задачу станции в бухте Тихой.

Но неужели только ради этих наблюдений стоит тратить такие большие средства, которых требует постройка станции на отдаленной Земле Франца Иосифа и дальнейшее ее содержание,—может спросить не один читатель. Да, стоит. Потому что предсказания погоды

имеют очень большое экономическое значение для страны, и удачными метеорологическими прогнозами государству сберегается ежегодно не один миллион рублей. А для того, чтобы делать эти предсказания, и делать их по возможности правильно, наблюдения над погодой в полярных странах необходимы.

«Погода делается на севере»—эти слова, может быть, уже слышал читатель. Конечно, не на одном только севере «делается погода» наших широт, но все-таки Арктика является одной из наиболее важных «фабрик погоды». Чтобы понять это, нужно обратить внимание на движение воздуха, на так называемую циркуляцию атмосферы земного шара.

Всем хорошо известно, что наиболее нагретый воздух находится на экваторе, тогда как обе полярные области являются резервуарами холода на земном шаре. Холодный и поэтому тяжелый воздух, расположенный над полярными областями, получил название «полярных шапок». Между тяжелым воздухом «полярных шапок» и нагретым, а потому более легким, тропическим воздухом должен возникнуть обмен. Если бы земля не вращалась и поверхность ее была однообразна, то этот обмен был бы весьма простой. Он напоминал бы то движение воздуха, которое происходит в дверях, соединяющих теплое помещение с холодным: внизу холодный воздух двигался бы от полюсов к экватору, а наверху теплый воздух шел бы в обратном направлении. На самом деле, благодаря указанным выше причинам, обмен воздуха между экватором и полюсами протекает на земле гораздо сложнее. Наблюдения показали, что в ближайших к земной поверхности слоях этот обмен происходит в виде дви-

жения отдельных мощных потоков холодного воздуха, прорывающихся из полярной области и стремящихся в северном полушарии к югу, откуда им навстречу идут потоки теплого воздуха. В местах встречи холодных и теплых потоков возникают сильные воздушные вихри, называемые циклонами, которые движутся в наших широтах в общем с запада на восток. Все резкие изменения погоды, так характерные для климата умеренных и высоких широт, вызываются именно этими циклонами, возникающими между «полярной шапкой» и тропиками. В этой опоясывающей весь земной шар области одновременно движется всегда много циклонов, при чем движение их связано между собой. Задача предсказания погоды на ближайшие дни сводится в наших широтах по преимуществу к определению места и времени появления циклона и его дальнейшего движения. Ясно, какое большое значение приобретает непрерывное наблюдение за состоянием атмосферы в полярной области и прорывающимися оттуда массами холодного воздуха. Эти прорывы бывают иногда очень сильными и устойчивыми. Не так редки случаи, когда «волны холода» докатываются до самых тропиков.

Полярная воздушная шапка не остается в неизменном положении, она все время сдвигается то в одну, то в другую сторону и, кроме того, то набухает, то сокращается. В связи с этим меняются места прорывов полярного воздуха к югу, и самые прорывы протекают то более, то менее интенсивно. Приближение полярной шапки в сторону Европы в холодное время года сопровождается у нас сильными морозами, тогда как в Северной Америке в это время наступает сравнительно теплая погода. Наоборот, когда полярная шапка при-

двигается ближе к Америке, там холодно, а у нас, сравнительно, тепло.

Исследования, произведенные в последнее время метеорологами, дают право предполагать, что масса холодного воздуха, составляющая полярную шапку, иногда в течение долгого периода времени остается меньше или больше нормальной. В ледниковую эпоху полярная шапка достигала огромных размеров и захватывала северные части Европы, Азии и Америки. В связи с этим циклоны двигались тогда по путям гораздо более южным, чем в настоящее время, и весь климат Европы был иным. Происходящие в настоящую эпоху длительные расширения и набухания полярной шапки представляют нам в миниатюре то состояние атмосферы, которое должно было наблюдаться в начале ледниковой эпохи. Так как отклонения полярной шапки от ее нормального состояния обычно длительны, то наблюдения за состоянием атмосферы в полярной области позволяют нам до некоторой степени предвидеть общий характер погоды на долгий срок вперед, что особенно важно для сельского хозяйства. Уже выяснено то громадное значение, которое имеет состояние полярной шапки и атмосферные процессы полярного происхождения для урожая хлебов в нашей черноземной и степной полосе.

Вполне понятно теперь стремление метеорологических учреждений всех стран осветить северную полярную область возможно большим числом метеорологических станций. Особенное внимание на развертывание сети полярных метеорологических станций обращено в последнее время у нас в Союзе, на северной окраине которого находится теперь гораздо больше

станций, чем на противолежащей ей окраине Америки.

Наблюдения в бухте Тихой приобретают особенно большое значение в связи с неизменно продолжающимся продвижением человека на далекий север и экономическим использованием арктических пустынь. Плавание через Карское море к устьям рек Оби и Енисея еще полвека назад считалось рискованнейшим предприятием. Между тем, начиная с 1919 года, суда ежегодно идут этим путем, являющимся наиболее дешевым для вывоза сибирского сырья, и с каждым годом число этих судов увеличивается,—летом 1929 года караван «Карской экспедиции» состоял уже из 26 пароходов.

Использование Карского моря в качестве морского пути в западную Сибирь в значительной мере облегчается благодаря устроенным на берегах его радиостанциям, которые сообщают судам сведения о погоде и состоянии льдов. Таких станций в районе Карского моря имеется сейчас пять: в проливе Югорский Шар, в Карских Воротах (пролив между островом Вайгач и Новой Землей), в Маточкином Шаре (пролив, разделяющий Новую Землю на два острова), в Маре-Сале (на западном берегу полуострова Ямал) и на острове Диксон. Но все эти станции расположены в южной части его. Между тем, в Карском море нередко наблюдается такое распределение льдов, когда южная часть его бывает забита льдами, а на севере находится чистая вода. В такие годы судам, конечно, выгоднее пользоваться не южными проливами (Югорским Шаром, Карскими Воротами или Маточкиным Шаром), а огибать Новую Землю с севера, кругом мыса Желания, как называется северная оконечность этого острова. Именно

такие условия были летом 1929 года. Восточный вход в Маточкин Шар в течение всего этого лета блокировался тяжелыми льдами, и даже на пути к самому южному из проливов—Югорскому Шару—суда встречали затруднения со стороны льдов. А между тем проход вокруг мыса Желания был свободен, и здесь суда могли бы пойти, совершенно не встретив льдов. Но в 1929 году этим путем нельзя было воспользоваться, потому что станций в северной части Карского моря, которые могли бы оповестить суда о благоприятных здесь условиях для плавания, не было.

Характер льдов в Карском море и их распределение по преимуществу зависят от ветров. Если господствовали северные ветры—в южной части Карского моря наблюдается много льдов; если, наоборот, преобладали южные ветры, льды из южной части относит к северу. Направление же господствующего в Карском море ветра подвержено большим колебаниям из года в год, а в связи с этим изменяется и состояние льдов. Можно сказать, что происходящая в Карском море борьба ветров различного направления фиксируется на ледовой картине этого моря. Эту картину не столько определяет ветер данного момента, сколько ветер, дувший в течение некоторого предшествовавшего промежутка времени. Поэтому наблюдения над ветром в районе Карского моря дают нам возможность судить об ожидаемом состоянии льдов в нем. А это, конечно, очень важно для судов, направляющихся через Карское море в Сибирь. Зная, какое состояние льдов их ожидает, они не только могут заранее определить, каким из проливов наиболее выгодно воспользоваться, но могут фиксировать и время выхода. В отношении предви-

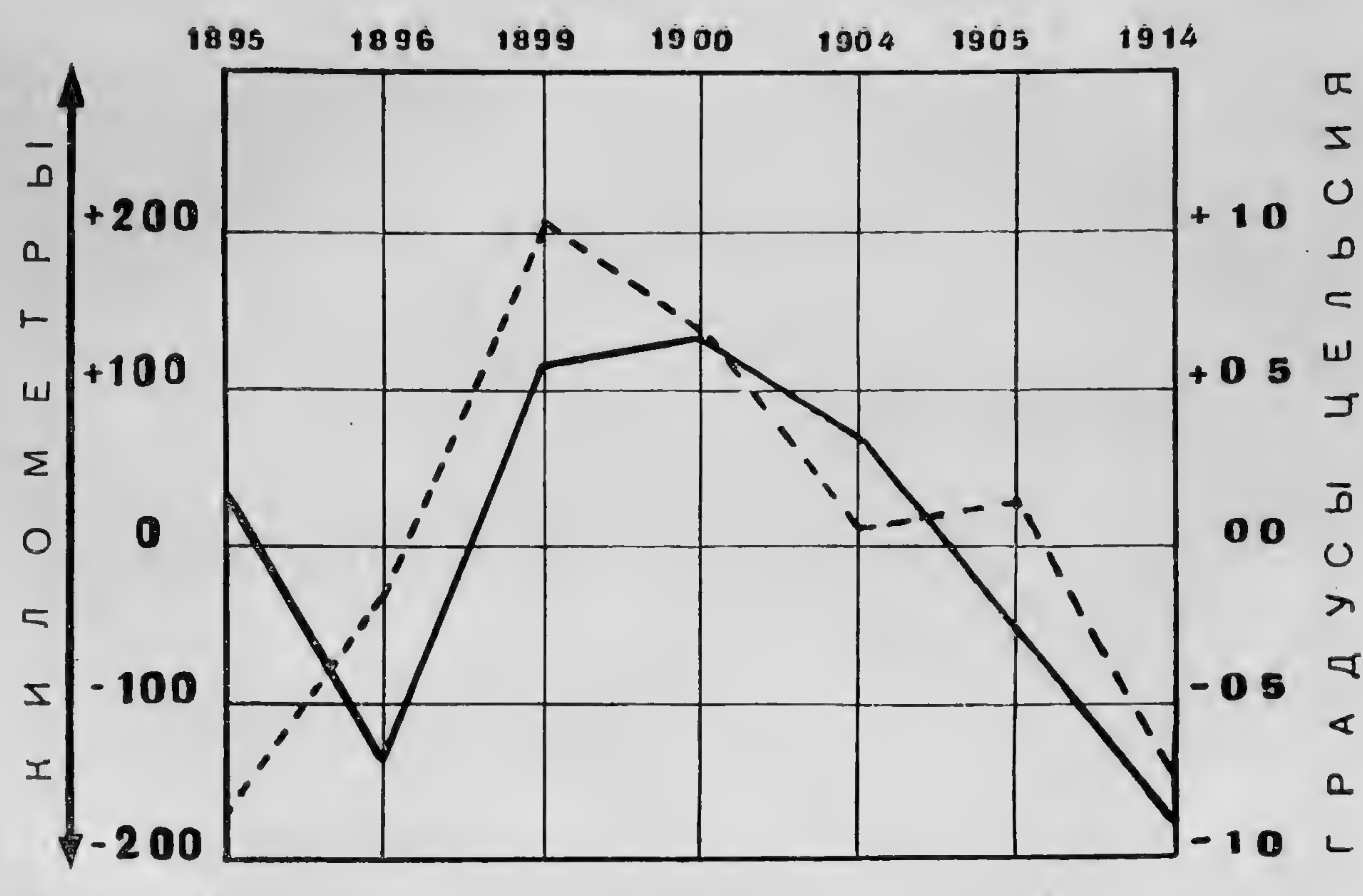
Георгий Яковлевич Седов (1912).

Матросы Г. Линник и А. Пустошный.

Жилой дом научной станции в бухте Тихой.

„Седов“ в бухте Тихой.

Средняя температура воздуха в июне и июле на мысе Флора и отклонение южной границы льдов от нормального положения в августе.

Южный берег бухты Тихой. Скала Рубини и гора Чурляниса (за этой горой на заднем плане ледяной купол острова Гукера).

дения состояния льдов производящиеся в бухте Тихой наблюдения над погодой имеют очень большое значение, так как ими до некоторой степени характеризуется режим ветров в северной части Карского моря, до сих пор совершенно не освещенной метеорологическими станциями.

Не только направление ветра, но и температура воздуха на Земле Франца Иосифа может дать ценные указания о режиме льдов. Можно предполагать, что лето на Земле Франца Иосифа бывает сравнительно теплым тогда, когда льдов в Баренцовом море и на севере Карского моря мало. Наоборот, большому количеству льдов соответствует холодное лето на Земле Франца Иосифа. Наблюдения подтверждают существование такой связи. Они даже указывают на то, что по температуре воздуха на Земле Франца Иосифа можно судить о предстоящих ледовых условиях. Это видно из прилагаемого чертежа, на котором проведены две ломаные линии. Одна из них (сплошная) показывает среднюю температуру воздуха в июне и июле на мысе Флора в различные годы, другая (прерывистая)—наблюдавшееся в различные годы отклонение южной границы льдов в восточной части Баренцова моря в августе от ее нормального положения. Мы видим, что, чем выше температура воздуха на мысе Флора в июне и июле, тем севернее лежит в августе граница льдов, и наоборот. В 1899 году температура июня и июля была на 0,6° выше[1] средней, и в связи с этим в августе граница

[1] Колебания летней температуры воздуха в высоко-арктических странах бывают вообще очень малы, а потому отклонение температуры воздуха на 0,6° от нормы является уже весьма заметной аномалией.

льдов лежала в Баренцовом море на 240 километров севернее, чем обычно. Июнь и июль 1914 года были на Земле Франца Иосифа сравнительно очень холодными, а потому и льды в августе этого года заходили в Баренцовом море далеко на юг: южная их граница отстояла на 175 километров к югу от обычной. В связи с различием наблюдавшихся в 1899 и 1914 гг. температурных условий на Земле Франца Иосифа и ледовых условий в восточной части Баренцова моря, можно было предположить, что в августе 1899 года проход вокруг мыса Желания в Карское море был свободен от льдов, тогда как в августе 1914 года он был закрыт льдами. Так оно в самом деле и было. Значит, если бы мы были тогда осведомлены по радио о температуре воздуха на Земле Франца Иосифа, мы могли бы дать хорошее предсказание о проходимости для судов северной части Карского моря.

Связь ветров с ледовыми условиями является еще более тесной, но рассмотрение этого вопроса требует знания некоторых специальных приемов, с которыми мы не считаем возможным знакомить здесь читателя.

Еще большее значение, чем для морского транспорта, станция в бухте Тихой будет иметь для воздушного транспорта в Арктике. Правда, людей, отправляющихся в Арктику на самолетах и воздушных кораблях многие еще до сих пор считают безрассудными смельчаками. Но такие полеты делаются все чаще и чаще, и теперь стало уже вполне очевидно, что окончательная победа над воздушным океаном Арктики лишь вопрос времени. Более того, мы уже не можем сомневаться в том, что именно этим, то-есть воздушным путем Арктика окончательно будет побеждена человеком. И недалеко то

время, когда полярная пустыня, казавшаяся человеку совершенно недоступной, станет удобным и быстрым путем сообщения между странами Атлантического и Тихого океана. Экономическое и политическое значение этого будущего пути сообщения трудно даже оценить сейчас.

Очевидно, что воздушный трансарктический транспорт должен иметь целый ряд баз. По своему географическому положению Земля Франца Иосифа является чрезвычайно подходящей для устройства одной из таких баз. Изучением метеорологических условий этой будущей базы и занята сейчас станция в бухте Тихой. Впоследствии на ней будет лежать метеорологическое обслуживание трансарктических перелетов, ибо этот транспорт, конечно, более всякого другого будет нуждаться в таком обслуживании.

Иногда приходится слышать вопрос: возможно ли устройство на Земле Франца Иосифа постоянных поселений промыслового характера? На основании всех имеющихся в настоящее время сведений об этом далеком полярном архипелаге, на вопрос о его колонизационных возможностях следует ответить отрицательно. Наиболее выгодным является здесь моржовой промысел, но, как мы видели, моржи в настоящее время откочевали от Земли Франца Иосифа. Да и промысел этот не требует постоянного пребывания на архипелаге, ибо бой моржа происходит по преимуществу только в течение навигационного периода. Песцами Земля Франца Иосифа, по сравнению с другими нашими, гораздо более доступными арктическими районами, не богата. Охота на белых медведей могла бы поддержать небольшую партию промышленников на Земле Франца Иосифа, но к оценке

возможности охоты на этого зверя в промысловом масштабе следует подходить с очень большой осторожностью. То количество белых медведей, которое можно было бы ежегодно добывать на Земле Франца Иосифа, не нанося ущерба имеющимся здесь основным запасам этого зверя, не представляется возможным определить в настоящее время. Начать же вслепую нерегулированный промысел медведя—почти равносильно хищническому его истреблению. Интересно, что Джексон, охотившийся на Земле Франца Иосифа на белых медведей три года под ряд, с каждым годом убивал все меньше и меньше этих зверей. Так, за первый год своего пребывания на Земле Франца Иосифа Джексоном было убито 60 медведей, за второй—25, а за третий только 12. Это резкое уменьшение продуктивности охоты Джексон объясняет тем, что к третьему году его пребывания на Земле Франца Иосифа значительное количество медведей было уже выбито экспедицией. Джексон полагал, что систематическая охота в течение ряда лет быстро привела бы к полному истреблению медведей на этом архипелаге.

Правильны ли неблагоприятные выводы Джексона, сказать трудно. Во всяком случае, это лишний раз подчеркивает, что к вопросу об использовании животных богатств Земли Франца Иосифа следует подходить с сугубой осторожностью.

Полезных ископаемых на Земле Франца Иосифа пока не найдено. Правда, как нашей экспедицей 1929 года, так и предшествовавшими экспедициями здесь был обнаружен уголь, относящийся к разряду бурых. Американская экспедиция Фиала даже отапливала им свое помещение во время зимовки на мысе Флора

в 1904—1905 гг., но уголь этот очень низкого качества, и экономического значения его разработка иметь не может.

При оценке возможностей эксплоатации естественных богатств Земли Франца Иосифа, которые сейчас рисуются крайне ничтожными, все же следует иметь в виду, что этот архипелаг изучен еще очень мало. На работах станции в бухте Тихой в дальнейшем будет основываться исследование этой отдаленной окраины Союза. Но даже в том случае, если эти исследования дадут отрицательный ответ в смысле выгодности эксплоатации естественных богатств Земли Франца Иосифа, то все же бесспорным остается ее экономическое значение как места для метеорологической радиостанции и как будущей базы для трансарктического воздушного транспорта.

Американские рекордсмены

> Среди было моря еще синего
> Была тут-де льдина нонь великая
> Никогда эта льдина-то не таяла.
>
> Устьцылемская небылица

Полночь. Ослепительно сверкают в лучах солнца медленно плывущие по бухте Тихой льдины. От скалы Рубини стелется по воде громадная черная тень. Ледники на острове Гукера посинели, день и ночь шумят бегущие с них ручьи. Середина августа, и полярное лето в полном разгаре. Но уже чувствуется дыхание зимы. Маленькие люрики покинули нас, и скалы у радиостанции стоят теперь безмолвные. Понемногу стали улетать и кайры со скалы Рубини. Веселый щебет птиц скоро заменится здесь воем полярной вьюги... Тюлени запасаются жиром на долгую зиму. На-днях мы убили двух, которые были уже так жирны, что не тонули.

В бухту Тихую принесло громадную старую льдину, посередине которой синели небольшие озерки воды. Многолетние льдины почти совершенно лишены соли, а потому в образующихся на их поверхности от таяния снега лужах вода бывает совершенно пресная. Мы воспользовались визитом старой льдины и, подтянув ее к борту «Седова», пополнили свои запасы пресной воды, которую при помощи шланга перекачали в судовые цистерны. Качали воду все участники экспедиции, так как капитан пригрозил, что уклонившимся от этой ра-

боты придется пить чай на соленой воде. Это, конечно, удовольствие сомнительное, и потому недостатка в рабочих руках не было.

Я заметил интересное явление: кругом этой льдины поверхность воды в бухте стала покрываться тонким слоем льда, несмотря на то, что температура воздуха держалась около +1°, то-есть была выше точки замерзания чистой воды. Образование льда в данном случае объяснялось тем, что со льдины стекала пресная вода. Приходя в соприкосновение с соленой морской водой, которая имела температуру около —1° (то-есть ниже точки замерзания пресной воды), тонкий разлившийся по поверхности бухты слой пресной воды охлаждался до 0° и замерзал. Такой процесс образования льда при температуре воздуха выше 0° возможен, конечно, только при тихой погоде, так как ветер быстро перемешал бы пресную воду верхнего слоя с нижележащей соленой водой, и тогда никакого образования льда не происходило бы.

На берегу не прекращались собачьи драки. Наша лошадь, в которой мы, благодаря близости места постройки к берегу, не нуждались, круглые сутки бродила около станции на воле. Почему-то это очень не нравилось Джэку, небольшой самоедской лайке, и он то и дело старался укусить лошадь за задние ноги. Назойливое приставание в конце концов надоело лошади, и она лягнула Джэка. Удар был неожиданный, и Джэк с воем упал на спину. Вид визжащей собаки, да еще вдобавок лежащей на спине, в ее сородичах немедленно возбуждает самое горячее желание прикончить несчастную. Так было и в этом случае. Едва только собаки заметили, что Джэк «спасовал», они вихрем налетели на него и

задали ему самую беспощадную трепку, которая несомненно окончилась бы гибелью собаки, не подоспей вовремя наши зимовщики.

На следующий день после собачьей драки на судне началась «бункеровка», то-есть перегрузка угля из трюма в угольные ямы. Чтобы избавиться от угольный пыли, неизбежно проникающей во время бункеровки во все помещения судна, я отправился на прогулку к северному мысу острова Гукера, называющемуся мысом Альберта Маркама. Меня интересовало состояние льдов в проливах к северу и к востоку от острова Гукера, куда мы в ближайшие дни предполагали пойти на «Седове» для гидрологических работ. Компанию мне составили наши три корреспондента, капитан В. И. Воронин и механик станции Муров.

Путь к мысу Альберта Маркама лежал по плато острова Гукера. На него надо было взобраться по скалам, расположенным против радиостанции. Несмотря на сравнительно небольшую их высоту (140 метров), подъем здесь довольно труден из-за крутизны склонов. Во время зимовки «Фоки» в бухте Тихой мне приходилось подниматься на эти скалы довольно часто, так как я производил наверху наблюдения над мерзлотой почвы. Скалы я изучил тогда хорошо и выбрал наиболее удобный путь для подъема, который я отметил наверху бамбуковой палкой с флагом. Когда я теперь карабкался на скалу, то был очень удивлен, увидев эту палку на своем месте. Даже обрывок флага уцелел. Как не снесли отсюда палки бешеные зимние бури,—непонятно.

Итти по плато острова Гукера довольно легко. Поверхность здесь ровная, только местами в оттаявшей мягкой почве сильно увязают ноги. В этих вязких местах верх-

ний слой почвы обычно разбит на довольно правильные многоугольники, большей частью шестигранные. Такая поверхность, называемая полигональной, очень часто встречается в полярных странах. Многоугольники, на которые разбита эта поверхность, имеют в поперечнике несколько дециметров и разделены между собой узкими трещинами. Образование этих трещин объясняется происходящим летом, в период таяния, сокращением объема верхнего слоя почвы. А это, в свою очередь, зависит от того, что вода, замерзая, расширяется приблизительно на девять сотых своего объема, при таянии же сжимается в таких же размерах.

В расстоянии около двух километров от бухты Тихой в плато врезается глубокое ущелье с крутыми, почти отвесными стенами. Ущелье, открывающееся путнику всегда неожиданно, поражает своей величавой угрюмостью. Участниками экспедиции лейтенанта Седова оно было названо долиной Молчания. Но это название не понравилось шедшему с нами зимовщику.

— Долой мистику! Почему долина «Молчания», а не долина «Красивой женщины»?

Кто-то из спутников заметил ему на это, что он вполне понял бы это предложение, если бы оно было сделано в конце зимовки. Но теперь, когда зимовка, можно сказать, еще не начиналась, мотивы для такого переименования кажутся недостаточно обоснованными. Единогласно, при одном воздержавшемся, было решено оставить за долиной ее старое название.

Плато острова Гукера к северу от радиостанции представляет собою довольно узкую полосу свободной юто льда земли. С одной стороны оно круто обрывается к морю, с другой ограничивается сползающим «пузом»

ледника. Он кончается здесь, не образуя никаких моренных отложений.

С мыса Альберта Маркама нам открылся великолепный вид на пролив Аллен Юнга, в котором плавал сильно раздробленный лед, и на лабиринт островов на востоке. Все они очень похожи один на другой, представляя ледниковый купол, края которого там и сям прорваны отдельными скалами. Когда смотришь на эти острова издали, становится понятной ошибка Пайера, считавшего, что Земля Франца Иосифа состоит из двух больших «земель». Даже теперь, когда лед в проливах вскрылся, было почти невозможно определить, где кончается один остров и начинается другой. С мыса Альберта Маркама они производили впечатление горной страны, изрезанной долинами.

Далеко на востоке чернела высокая гора острова Альджер. С этим островом, как и с мысом Флора, тесно связана история Земли Франца Иосифа. Здесь в 1901—1902 гг. зимовала американская экспедиция Болдуина, а в 1904—1905 гг. несколько участников экспедиции Фиала.

Мне пришлось побывать на этом острове пятнадцать лет назад. Тогда, в виду бедственного положения, в котором находилась экспедиция лейтенанта Седова, и возможной третьей зимовки ее, было важно выяснить, сохранилось ли на острове Альджер что-нибудь из продовольственных запасов экспедиции Болдуина и в каком состоянии находятся постройки этой экспедиции. Я был на острове Альджер в первой половине мая и нашел постройки американской экспедиции совершенно погребенными под толстым слоем снега. Всего их было три, все из досок. От двух из них виднелись только части

крыш, третья же,—небольшая хижина, служившая, повидимому, для магнитных наблюдений,—была занесена сравнительно мало. До продовольственных запасов, если таковые имелись на острове, докопаться мне не удалось. На это понадобилось бы около недели времени, которого у меня не было. Все, что я нашел здесь, это баночку с мармеладом из слив, жестянку с шоколадом, катушку ниток, коробочку с медными гвоздями и английский роман. Я забыл имя почтенного автора этого высоконравственного романа, но помню, как во время своих скитаний,—уютно устроившись в спальном мешке,—часто брался за эту книгу, так как ничего другого для чтения с собой не имел. Но дальше пятой страницы я никогда не доходил, ибо неизменно погружался в глубокий сон. Сейчас эта книга в покоробившемся розовом переплете красуется в музее полярных стран при ленинградском университете. Ее можно горячо рекомендовать всякому страдающему бессонницей.

Место зимовки Болдуина на острове Альджер производит в высшей степени унылое впечатление. Безотрадность этого места еще усиливается полным отсутствием здесь птиц.

Экспедиция Болдуина, имевшая целью достижение северного полюса, была осуществлена на средства американского богача Циглера. В ней участвовало 45 американцев и норвежцев и 6 остяков, взятых для ухода за собаками. Оборудована она была необычайно богато. Достаточно упомянуть, что в качестве транспортных средств экспедиция располагала 420 собаками и 15 сибирскими пони. Однако результаты экспедиции совершенно не соответствовали затраченным на нее средствам. После проведенной на острове Альджер зимы участники

экспедиции совершили несколько санных экскурсий по Земле Франца Иосифа, имевших целью устройство складов провианта на северных островах архипелага. На следующее лето экспедиция вернулась в Америку. Научных результатов экспедиция Болдуина, стоившая не меньше миллиона, дала очень мало, и о ней имеются только небольшие заметки в журналах и газетах. Причиной неудачи экспедиции явились раздоры между американскими и норвежскими ее участниками.

Жалкие результаты экспедиции Болдуина, однако, не обескуражили Циглера, и он уже в следующем (1903) году отправил на Землю Франца Иосифа новую, не менее хорошо снаряженную экспедицию. На этот раз в состав экспедиции входили одни американцы, с Фиала во главе. Фиала был раньше кавалеристом и участвовал в экспедиции Болдуина в качестве фотографа. Главной целью экспедиции Фиала было тоже достижение северного полюса, но в этом направлении экспедиция потерпела полное фиаско. Три раза Фиала отправлялся на собаках и пони к северу, но каждый раз его останавливали непроходимые нагромождения торосов, и он возвращался обратно, отойдя от Земли Франца Иосифа только на небольшое расстояние. Дальше 82 градуса северной широты ему пройти не удалось. В экспедиции Фиала принимало участие несколько ученых, и в научном отношении этой экспедицией, проведшей на Земле Франца Иосифа две зимы (1903—1905), была проделана большая работа. Именно ей мы обязаны составлением лучшей до настоящего времени карты этого архипелага.

Во время своей второй зимовки экспедиция Фиала разбилась на три группы. Часть ее участников зимовала на мысе Флора, часть в бухте Теплиц на острове Рудоль-

фа, и, наконец, два участника провели зиму на острове Альджер. Эти двое были Рилльe, заведывавший в экспедиции хозяйственной частью, и матрос Мэкиернен. Поздней осенью 1904 года, когда уже наступила полярная ночь, они вместе с Фиала и несколькими другими участниками экспедиции пробирались пешком с мыса Флора в бухту Теплиц, то-есть с одного конца архипелага на другой. Во время этого очень тяжелого перехода Мэкиернен так сильно отморозил себе пальцы ног, что не был в состоянии итти дальше. С трудом добравшись до острова Альджер, он решил здесь зимовать в домике экспедиции Болдуина, вместе с Рилльe, вызвавшимся составить ему компанию, так как одного его, больного, оставить было нельзя.

Когда весною следующего года остров Альджер посетил один из отрядов экспедиции, то он нашел здесь обоих зимовщиков вполне здоровыми. Они рассказали, что полярная ночь показалась им необычайно длинной. За это время они так надоели друг другу, что иногда по целым дням не разговаривали, хотя и оставались в хороших отношениях. На вопрос, согласились ли бы они провести еще год в Арктике, они ответили, что ничего против этого не имеют, но при непременном условии, что им не придется опять зимовать вдвоем.

В более суровых условиях, чем Рилльe и Мэкиернену, пришлось провести зиму на Земле Франца Иосифа двум норвежцам—Бьервигу и Бентсену, принимавшим участие в экспедиции Уэльмана в качестве матросов.

Экспедиция Уэльмана была тоже американская и, подобно экспедициям, снаряженным Циглером, имела целью поставить рекорд северной широты. И тоже потерпела полную неудачу. Уэльман прибыл на Землю Франца

Иосифа в июле 1898 года и обосновался на мысе Тегеттгофе на острове Галля, куда он привез один из сараев джексоновской экспедиции с мыса Флора. Здесь он перезимовал и в феврале следующего года отправился на север—«завоевывать» северный полюс. Но дальше Земли Франца Иосифа ему пройти не удалось. Около острова Рудольфа Уэльман попал на неровном торосистом льду в трещину и сломал ногу, так что возвращаться ему пришлось лежа на санях. Это было крайне неприятно: рекордсмен, о котором еще задолго до начала экспедиции трубили все американские газеты, возвращался, не дойдя даже 82 градуса и не сделав никакого открытия. Во что бы то ни стало нужно было сообщить о каких-нибудь достижениях, хотя бы о нескольких открытых им еще неизвестных островах. И вот на карте Уэльмана, опубликованной по его возвращении на родину в американском географическом журнале, появилось четыре новых острова к востоку и к северо-востоку от острова Рудольфа. Каждому из них Уэльман, как полагается, дал свое название. Острова эти просуществовали, однако, не долго. Последующим экспедициям пришлось их стереть с карты, ибо никаких островов в указанном Уэльманом месте не оказалось....

Перед своим походом к полюсу Уэльман решил, что необходимо предварительно завезти «насколько возможно дальше на север» склад провианта. Время для этого было выбрано самое неудачное—осень. В результате продовольственное депо, которое должно было сослужить службу на более чем тысячекилометровом пути к полюсу, с большим трудом удалось устроить в... 80 километрах от места зимовки, на западном берегу Земли Вильчека. Американцы дали этому депо гордое название

«Форта Мак-Кинлея» [1]. Но форт без гарнизона—это как-то не вязалось, и потому было решено вызвать добровольцев, желающих остаться в форте на зимовку. Вызвались Бьервиг и Бентсен. Оба уже были знакомы с полярными странами. Бьервиг когда-то промышлял на Свальбарде, а Бентсен три года дрейфовал в Полярном бассейне во время службы матросом на нансеновском «Фраме». Уэльман уверял, что оба всю жизнь только и мечтали о том, как было бы хорошо провести арктическую зиму в «небольшой хижине с большим запасом табаку». Хижина в «Форте Мак-Кинлея», в которой норвежцы остались на зимовку, была сделана из камней, моржовых шкур и нескольких кусков плавника, которые можно было найти на берегу. Это было такая же «нора», как за три года до того сооруженная на острове Джексона их соотечественниками—Нансеном и Иогансеном. Во всяком случае, хижина была достаточно «небольшой», табаку имелось вдоволь, и скромная мечта норвежских матросов могла осуществиться.

Ненужная затея с устройством продовольственного склада почти под боком стоянки экспедиции окончилась, к сожалению, печально. Когда прошла полярная ночь, Уэльман на своем пути к северу завернул в «Форт Мак-Кинлея». У входа в хижину он встретил Бьервига, который поведал ему печальную новость, что Бентсен еще в ноябре занемог и скончался в начале января. Затем Бьервиг пригласил Уэльмана в хижину, где стал приготовлять горячий кофе. Внимание Уэльмана привлекли два спальных мешка. Один из них показался ему занятым чем-то...

---

[1] Американский политический деятель, бывший одно время президентом Соединенных Штатов С. Америки.

«Где вы похоронили Бентсена?»

«Я его вовсе не хоронил, он лежит вот здесь»,—и Бьервиг указал на один из спальных мешков.

Когда Уэльман подошел к мешку, он мог убедиться, что там действительно находился труп Бентсена. Вместе с мешком он смерзся в одно целое и был тверд, как камень. Бьервиг рассказал, что его товарищ, предчувствуя приближение смерти, просил не хоронить его во время полярной ночи, опасаясь, как бы труп его, недостаточно хорошо зарытый, не сделался достоянием песцов и медведей. Бьервиг исполнил эту просьбу и в течение двух месяцев, в одиночестве полярной ночи, лежал рядом с телом умершего друга.

По словам Уэльмана, тяжелая обстановка, в которой пришлось жить оставшемуся Бьервигу, почти не повлияла на него. «Он был здоров, любезен и казался почти нормальным. Только нервничал немного и жаловался на бессонницу».

На следующий день тело Бентсена общими усилиями было похоронено. Мороз стоял зверский — термометр Цельсия показывал 42 градуса ниже нуля,—и с ледника дул резкий ветер. При такой погоде устройство могилы представляло не легкий труд. Но Бьервига это не смущало. Когда все уже ушли в хижину, считая тяжелый долг исполненным, Бьервиг еще долго возился около могилы, тщательно обкладывая ее камнями.

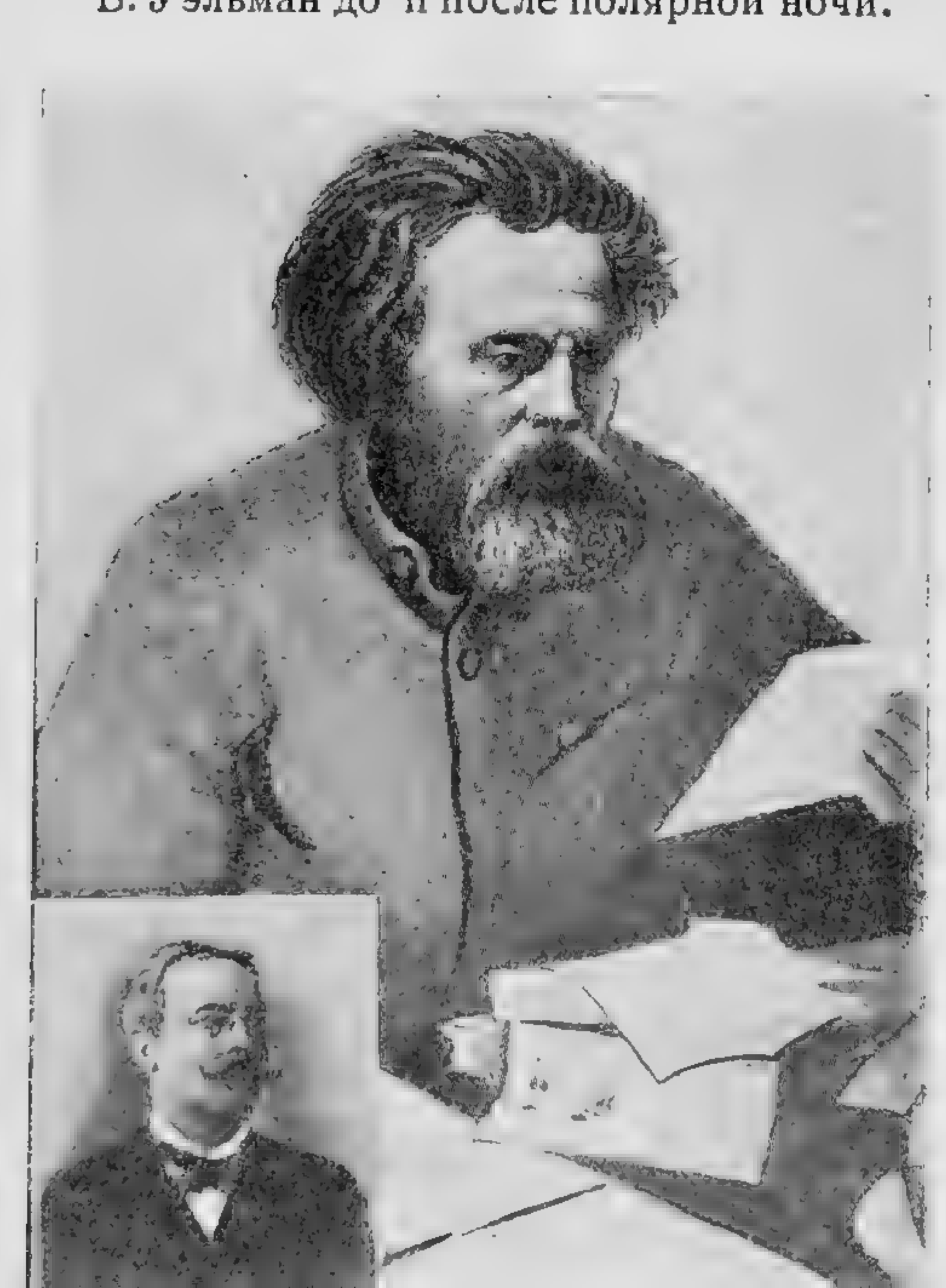
«Я обещал ему, что медведям и песцам он не достанется».

Но возвращаюсь к «Седову».

Работы по постройке радиостанции уже подходили к концу, и участники экспедиции могли чаще совершать

Зимовье Уэльмана на мысе Тегеттгоф.

В. Уэльман до и после полярной ночи.

Ледник Юрия. На переднем плане битый морской лед.

экскурсии. Одна из них была предпринята О. Ю. Шмидтом и И. М. Ивановым на ледниковый покров острова Гукера. Они забрались на самое «пузо» и счастливо миновали все трещины. И. М. Иванов насчитал их на своем пути более двухсот. Снег на ледниковом покрове уже сильно стаял, а потому трещины во льду были большею частью видны.

Глубоко во льду острова Гукера лежит моя любимая собака. Здесь много лет назад под моей нартой обрушился снежный мост через ледниковую трещину, и «Горюн» полетел в пропасть. Трещина была так глубока, что у меня не хватило достаточно длинной веревки, чтобы спуститься в нее, судно же было далеко. Бедного пса пришлось предоставить его участи—голодной смерти в темном ледяном колодце. Когда-нибудь труп собаки вместе со льдом дойдет до моря и окажется внутри айсберга, который, может быть, долго будет носиться по морю... Но это будет еще не скоро: ледники Земли Франца Иосифа движутся медленно, и, вероятно, еще сотни лет труп Горюна будет лежать законсервированным в этом естественном холодильнике.

На ледниковом покрове острова Гукера в свое время едва не погиб Фиала, начальник американской экспедиции. Пересекая полярной ночью ледниковый покров острова, он провалился в глубокую трещину, которая была сверху совершенно замаскирована снегом. К счастью, Фиала, провалившись на двадцать метров, застрял на этой глубине в сужении трещины. Только это спасло его от участи быть заживо погребенным во льду, так как дальше под ним раскрывалась глубокая пропасть, из которой спутники не могли бы уже вытащить его.

Две небольшие экскурсии мы предприняли на судне. В первый раз «Седов» пошел в пролив Аллен Юнга, отделяющий остров Гукера от острова Нансена. В этом проливе мы занялись глубоководными гидрологическими исследованиями—первыми вообще на Земле Франца Иосифа. Пролив Аллен Юнга, как и большинство проливов между островами Земли Франца Иосифа, оказался очень глубоким—более 300 метров. На обратном пути в бухту Тихую нам удалось убить медведицу, бродившую по пловучим льдам. Она смело шла прямо на судно, не обращая никакого внимания на гудки парохода, которыми капитан хотел испытать ее храбрость. Но когда она увидела вылезшего на лед кино-оператора с его аппаратом на треножнике, то сочла за лучшее повернуться к седовцам задом. Меткая пуля настигла ее, прежде чем она успела скрыться за торосами.

Вторая экскурсия на «Седове», тоже с гидрологической целью, была предпринята в пролив Меллениуса, где нам хотелось выяснить вопрос: влияет ли обрывающийся здесь в море ледник Юрия на режим вод в проливе. «Седов» подошел к обрыву ледника почти вплотную. Здесь мы обнаружили в ледяной стене глубокий грот, исследовать который немедленно отправился на пашке О. Ю. Шмидт. Он забрался на лодке в самый грот, и, вернувшись, горячо советовал нам полюбоваться феерически-красивой картиной. С судна спустили на воду большую шлюпку, которая быстро наполнилась пассажирами. Внутри грот оказался действительно изумительным. Ледяные стены его, казалось, сделанные из изумруда и сапфира, отражались в спокойной воде, узкой лентой тянувшейся далеко в глубь ледника и терявшейся там во мраке. С потолка, состоявшего из больших от-

дельных глыб льда, которые ежеминутно грозили обрушиться на нашу шлюпку, свисали причудливые ледяные сталактиты. Мы так залюбовались гротом, что не заметили, как принесенные течением морские льдины стали закрывать вход в него. В ловушку мы вовсе не имели желания попасть и принялись усиленно грести. Это оказалось, однако, не легким делом: грот был так узок, что весла задевали за его стены. Ударов же о стены надо было избегать, так как ледяные глыбы стен и потолка могли обрушиться не только от сильного толчка, но даже от сотрясения воздуха. Раздвигая уже входившие в грот льдины веслами, мы удачно выбрались из него.

На судне нас ожидала новость. Была получена радиограмма от начальника итальянской экспедиции Альбертини, сообщавшая, что он идет к Земле Франца Иосифа с целью розысков здесь группы Алессандрини, бесследно пропавшей после аварии дирижабля «Италия» в прошлом году. Из другой радиограммы мы узнали, что испанец Гисберт в настоящее время снова странствует в арктических водах и тоже намеревается посетить Землю Франца Иосифа. Ни итальянцев, ни испанцев мы, однако, на Земле Франца Иосифа так и не встретили. Позже мы узнали, что Альбертини удалось дойти до мыса Флора уже тогда, когда «Седов» покинул Землю Франца Иосифа.

Последнюю гидрологическую станцию мы соорудили около мыса Медвежьего, ограничивающего ледник Юрия с южной стороны. Если посмотреть на детальные карты полярных стран, то «медвежьих» мысов, бухт и островов найдется там не один десяток. Это и понятно — ведь с медведем самым тесным образом связан быт по-

лярника, охота на этого зверя не только доставляет ему питание, но отчасти заменяет многочисленные развлечения культурных стран. Название мысу около ледника Юрия было дано мною в память происшедшей здесь в 1914 году встречи с полярным хищником.

Помню, я бродил тогда в окрестностях бухты Тихой на лыжах, и мое внимание было привлечено небольшим черным холмиком около мыса. Издали этот холм казался похожим на морену. Чтобы удостовериться в этом, я подошел ближе и взобрался на холмик. Только я принялся за более внимательное изучение холмика, как заметил мерно шагавшего из-за мыса медведя. Так как при мне был только крохотный револьвер, судно же находилось в шести километрах, то нельзя сказать, чтобы это открытие было для меня приятным. Все же я не мог не полюбоваться хищником, так красиво выделялась его серебристая, чуть-чуть желтоватая шерсть на яркой белизне снежного покрова, так мягки и гибки были его движения. Когда медведь подошел к холму уже совсем близко, все еще не замечая меня, я потерял желание любоваться им и задумался над тем, как бы выбраться из щекотливого положения. Рано или поздно медведь должен был меня увидеть. Мне вспомнился тогда случай во время экспедиции Свердрупа, как один из участников ее спасся от разъяренных мускусных быков: он пошел им прямо навстречу, неистово размахивая руками и громко крича. Животные испугались и обратились в бегство. Зная, каким позорным трусом медведь не раз оказывался при встрече с людьми и собаками, мне пришла мысль применить метод участника свердруповской экспедиции и напугать хищника. Я стал свирепо размахивать лыжной палкой и закричал таким диким голо-

сом, что мне самому стало жутко. Но медведь, повидимому, вовсе не испугался, он остановился, начал поводить головой на длинной вытянутой шее и, заметив меня, галопом пустился к моему холмику. Внизу он остановился и стал с удивлением рассматривать стоявшее наверху странное существо, которое своим цветом напоминало тюленя, но видом совсем не было похоже на него. Я вынул револьвер и прицелился в хищника, от которого меня отделяло расстояние в 40-50 шагов. Надежд на удачный выстрел у меня было мало, так как к стыду своему должен признаться, что руки мои ходили ходуном. Пуля прошла мимо, медведь же начал доказывать, что я его напрасно подозревал в трусости. Как кошка, он в одно мгновение вскарабкался по оледенелому крутому склону холма и остановился в расстоянии одного метра от меня. Я опустился на одно колено и прицелился медведю прямо в голову. Полярный хищник, предвкушая невиданное, но, повидимому, лакомое блюдо, уже раскрыл свою пасть, и влажные глаза его заблестели. Грянул выстрел, второй, третий. Я заметил, что одна пуля попала в голову около уха, другая в бок. Медведь рявкнул, скатился вниз под откос и со всех ног пустился наутек, оставляя после себя след из отдельных капель крови. Преследовать его я не стал, так как в моем револьвере оставалось только две пули, да и что значили эти маленькие пули для медведя? Я был рад, что так легко отделался от незванного ассистента по изучению моренного холма.

Такова история мыса Медвежьего у ледника Юрия, которая вспомнилась мне, когда я был занят исследованием омывающих его вод. Вероятно, и истории других медвежьих мысов Арктики близко подходят к рассказанной.

9

Море королевы Виктории

А во северной сторонушке есть сини-моря,
Да сини-то-бы моря тут ледовитые.
Печорские былины.

21 августа «Седов», оставив в бухте Тихой строительных рабочих и зимовщиков, вышел в Британский канал, чтобы посетить самый северный остров архипелага — остров Рудольфа, который вместе с тем представляет собою самый северный клочок суши в европейском секторе Арктики.

Британским каналом называется широкий пролив, идущий с юга на север и разделяющий архипелаг Франца Иосифа как бы на две части — западную и восточную. До нас этот пролив на всем его протяжении был пройден на судне только три раза: дважды итальянской экспедицией на «Stella Polare» (1899 и 1900) и один раз американской экспедицией на «America» (1903). Мы прошли его без всяких затруднений, встретив в проливе только разреженный лед, и то совсем уже изъеденный таянием — «истлевший», как говорят поморы. По обе стороны канала перед нами развертывалась панорама островов. Это были все те же характерные для Земли Франца Иосифа «лунные» острова с ледяной шапкой и обрывами базальтовых скал.

Необычайное оледенение Земли Франца Иосифа объясняется большим количеством выпадающих здесь в

течение года, почти исключительно в твердом виде, осадков, которые за короткое и очень холодное лето не успевают стаять. Средняя температура трех летних месяцев (июнь, июль и август) на Земле Франца Иосифа равна только +0,2°. Более холодного лета на уровне моря не обнаружено еще ни на одной другой арктической земле. Рекордно холодное лето Земли Франца Иосифа побивается в Арктике только в Полярном бассейне, где средняя температура лета равна —1,2°; но эта температура относится не к суше, а к морю. Температурные условия центральной Гренландии нельзя сравнивать с условиями Земли Франца Иосифа вследствие того, что Гренландия значительно возвышается над уровнем моря.

К северу от Британского канала, там, куда лежал наш путь, небо было совсем темное, резко отличавшееся от светлого, серебристого над ледяными островами архипелага. Этот темный, местами сочный синий цвет небесного свода указывал на большие пространства открытой воды в этом направлении. Арктические мореплаватели исстари пользуются указаниями, которые им дают «водяное» и «ледяное» небо. По мере того, как мы подвигались на север, льдов, становилось все меньше, и, наконец, мы вышли в совершенно свободное ото льдов море. Это было море королевы Виктории.

Чистое море к северу от 81 параллели, без единой льдинки до самого горизонта—этого мы не ожидали. Куда девался весь лед, который зимою, несомненно, покрывал эту водную поверхность? Отогнало ли его ветром, или же здесь была и иная причина его отсутствия? На обратном пути мы занялись исследованием этого моря, при чем обнаружили, что с запада в него сливается струя теплого Гольфстрема. Хотя это тече-

ние и проходит здесь не на поверхности, а на глубине около ста метров, тем не менее его тепло может передаваться вверх и способствовать таянию льда на поверхности моря. Что здесь действительно происходило усиленное таяние льдов, об этом свидетельствовала и сравнительно очень небольшая соленость поверхностных слоев моря. Ни южнее, ни севернее мы такой распресненной воды не находили. Очищению моря ото льдов, несомненно, способствовали и ветры. В течение августа здесь преобладали восточные ветры, которые должны были отогнать лед от берегов.

Когда перед нами открылась водная ширь моря королевы Виктории, все мы, конечно, заинтересовались тем, как далеко на север тянется эта чистая вода. Целых 60 миль (110 километров) «Седов» шел полным ходом на север, пока по носу не показалась наконец кромка льдов. С любопытством мы всматривались вперед: каковы-то они, эти льды Полярного бассейна? Но пока что ничего страшного в них не было, они были гораздо безобиднее тех многолетних льдов, которые «Седов» встретил на своем пути к Земле Франца Иосифа в Баренцовом море.

Но все-таки понемногу льды начинали становиться серьезными. Мы прошли в них уже двадцать миль. Капитан, повернув ручку телеграфа на «стоп», пошел в рубку, чтобы нанести наше место на карту. Оказалось, мы забрались так далеко на север, что наше место уже вылезло за рамку карты. Отметив широту циркулем, капитан вышел на мостик и объявил:

— 82 градуса 14 минут северной широты! Молодец, «Седов», зря тебя в Архангельске стариком называли!

Капитан был, видимо, очень доволен и с любовью посматривал на судно. Да и все мы радовались такому

успеху. Как-никак—широта нешуточная, и в этих водах свободно плавающему судну, то-есть судну, не затертому во льдах, до такой широты доходить еще не удавалось. Мы побили рекорд, в свое время поставленный здесь итальянской «Stella Polare», которой удалось дойти до 82° 04′ северной широты.

Наше судно находилось как раз там, где Пайер поместил на карте свою «Землю короля Оскара». Однако кругом не было и признаков земли. Несколько западнее того места, где мы находились, весною 1914 года по пловучим льдам прошел Альбанов—никакой земли он не видел, точно так же, как и Каньи в 1900 году, когда он возвращался из своего похода к северу. Теперь уже нет сомнений в том, что «Земля короля Оскара» является такой же несуществующей, как «Земля Петерманна».

Перед нами вставал вопрос—итти ли дальше на север или возвращаться на юг, к острову Рудольфа. Льды впереди были, правда, не из легких, но разводья еще виднелись, и для «Седова» путь еще не был закрыт. Но кто мог сказать, как долго льды продержатся в таком состоянии и не сожмет ли их как раз тогда, когда «Седов» заберется в глубь их? И если сожмет, то надолго ли? Это может продолжаться и день, и неделю, и год... В бухте Тихой мы оставили шестнадцать человек рабочих, которых во что бы то ни стало нужно было доставить в Архангельск еще в этом году. Рисковать было нельзя и, как это ни было обидно, форштевень «Седова» пришлось поставить на юг.

Но, прежде чем распроститься с нашими 82 градусами 14 минутами, мы основательно занялись исследованием этих никогда еще не посещавшихся вод. Наши работы были вознаграждены целым рядом обнаружен-

ных интересных фактов. Глубина против всяких ожиданий, оказалась здесь очень небольшая—всего только 168 метров. Очевидно, мы находились на обширной банке. Термометр, опущенный на эту глубину, показывал +0,2°. Это была первая положительная температура воды, которую мы констатировали за наше месячное пребывание в арктических водах. На первый взгляд парадоксальным кажется то, что мы нашли самую высокую температуру воды как раз на самой северной нашей точке. Но после наблюдений, произведенных Нансеном во время дрейфа «Фрама», ничего неожиданного в этом не было. Нансен открыл, что в Полярный бассейн мощным потоком вливается теплая вода из Атлантического океана. Так как эта вода обладает большой соленостью, то она тяжелее холодной полярной воды, под которую и уходит. Теплая атлантическая вода держится в Полярном бассейне обычно на глубине 200—800 метров, и на этом уровне море, находящееся около полюса, теплее, чем лежащее на две тысячи километров южнее Белое море. Южную окраину этой тепловодной области Полярного бассейна «Седов» как раз и захватил. В трал, опущенный здесь на морское дно Г. П. Горбуновым, попалось много интересных представителей животного мира, которые им в более южных широтах не были обнаружены.

Остров Рудольфа мы нашли окруженным чистой водой. У западного его берега, благодаря свежему северо-западному ветру, был сильный прибой, и высадиться нам не удалось. Мы решили обождать, пока ветер стихнет, и лечь в дрейф. «Седов» был поставлен носом против волны, и машине дан тихий ход вперед. Дрейф в море королевы Виктории многим из моих спутников понравился гораздо меньше, чем дрейф во льдах:

«там, по крайней мере, стоишь тихо, судно не шелохнет, а здесь эта подлая зыбь и уходящая из-под ног палуба!»

От острова Рудольфа мы отдалились на порядочное расстояние. На следующий день «Седов» был уже у северного входа в Британский канал, около небольшого совершенно обледенелого острова Артур. К северу от этого острова на карте Джексона показан второй такой же оледенелый остров, названный им островом Гармсуорта. Сам Джексон на острове Гармсуорта не был, а видел его издали, с расстояния около 50 километров. Видел этот остров и Нансен из своей хижины на острове Джексона. Но мы не нашли к северу от острова Артур никаких других островов. Похоже на то, что остров Гармсуорта в действительности не существует.

Когда ветер начал стихать, «Седов» пошел обратно к острову Рудольфа и остановился милях в двух от его юго-западной оконечности—мыса Бророк. Мыс образован характерной базальтовой скалой, на вершине которой покоится ледник. Интересно, что этот ледник обрывается здесь совершенно отвесно, не доходя до моря, и таким образом дает редкий случай видеть вертикальный разрез так называемого «островного льда». Мощность его здесь не велика—всего каких-нибудь 30-40 метров.

На мысе Бророк, как предполагают, похоронен лейтенант Седов, скончавшийся во время своего похода к полюсу. Полной уверенности в том, что он похоронен именно на этом мысу, нет, потому что сопровождавшие его матросы, Линник и Пустошный, не очень хорошо разбирались в путанной карте Земли Франца Иосифа. Пустошный сделал в своем дневнике карандашный набросок того места, где похоронен Седов—в общем оно подходит к мысу Бророк, как и данное матросами сло-

весное описание местности. Разыскать могилу отважного полярного исследователя, имя которого носило судно, было нашим желанием, и мы высадились на этом мысу.

Берег представляет здесь узкую полосу земли, сплошь покрытую крупной базальтовой россыпью. Я твердо запомнил все указания о могиле Седова, которые в свое время дали Линник и Пустошный и которые я записал тогда в своем дневнике. «Седов похоронен на юго-западной оконечности острова, в конце обрывистого берега и начале глетчерного, на косогоре, высотой не менее пяти сажен над уровнем моря. Для могилы было выбрано по возможности ровное место. Тело Седова, находившееся в двух парусиновых мешках, было положено на расчищенную от снега землю, и сверху были навалены камни. На могиле был установлен крест, сделанный из лыж. Около могилы были оставлены: флаг со складной медной трубкой, на которой была выгравирована надпись на английском языке: «Экспедиция лейт. Седова 1912—1914», нарта, кирка и молоток».

В газете «Архангельск» от 27 августа 1914 года мы находим еще следующие строки, очевидно записанные со слов Линника или Пустошного: «Около головы было положено два больших камня, а сверху навалена большая плита. Все кругом обложено камнями». Вот и все немногочисленные сведения о могиле Седова. Нам они не помогли. Тщетно мы несколько раз обошли всю береговую полосу, внимательно осматривая камни, своим видом хоть сколько-нибудь напоминавшие могильный холм. Никаких следов могилы обнаружить не удалось.

Место, где похоронен Седов, так и осталось невыясненным. Возможно, что медведи разрыли могилу, так как наваленная на тело куча камней едва ли была ве-

лика—матросы были тогда уже сильно изнурены. Крест из лыж, конечно, не мог противостоять бурям, и его давным-давно снесло. Возможно, что ветром унесло и нарту с флагом. Но такие предметы, как кирка и молоток, должны бы, казалось, оставаться и лежать там, где они были положены. Конечно, не исключена возможность, что мы не заметили их среди камней, хотя и искали очень старательно. Все же после произведенного нами осмотра мыса Бророк возникают некоторые сомнения, действительно ли здесь похоронен Седов. Ведь сами матросы не могли указать на карте точное место могилы. Что этим местом был мыс Бророк, являлось только догадкой участников экспедиции Седова, на основании рассказа Линника и Пустошного.

В честь Г. Я. Седова мы установили на мысе Бророк памятную доску, сделанную из дерева. Основание толстого деревянного бруска, к которому доска была прибита, мы обложили весьма основательным гурием, и можно думать, что наш скромный памятник простоит здесь долго.

Р. Л. Самойлович, конечно, не упустил случая исследовать мыс Бророк с геологической стороны. Он нашел здесь, в довольно большом количестве, уголь и окаменелое дерево. Поздно вечером 24 августа мы вернулись на судно.

Через какой-нибудь час «Седов» уже бросил якорь в бухте Теплиц на северо-западном берегу острова Рудольфа. Подойти близко к берегу нельзя было, так как около него находился лед. Пришлось остановиться милях в двух и добираться до берега сперва на шлюпке, а потом, перепрыгивая со льдины на льдину. С судна мы увидели на берегу трех медведей. Один из них ва-

лялся на снегу в очень забавной позе, которую мне пришлось наблюдать впервые. Он лежал на спине, задрав ноги кверху, и, очевидно, принимал солнечную ванну. Бухта Теплиц, после того, как ее покинула американская экспедиция Фиала, бросив здесь большую часть своего снаряжения, повидимому, превратилась в излюбленный медвежий курорт.

Нам не терпелось, конечно, скорее познакомиться с этим курортом и его обитателями. Мы быстро спустили шлюпку и, отвалив от «Седова», налегли на весла. Но тут с судна донесся отчаянный вопль—у борта стоял наш кинооператор и неистово размахивал руками. Он, как всегда, замешкался со своими аппаратами и не успел попасть в шлюпку. Пришлось вернуться, чтобы захватить кинооператора с «бандурой», как у нас прозвали его главный аппарат какой-то допотопной системы, вес которого еще долго будет в памяти у седовцев. Уже не раз сыпались проклятия на это изобретение фототехники, но, пожалуй, так, как теперь, ему никогда еще не доставалось. А когда сидевшие в шлюпке заметили, что один из медведей на берегу, очевидно почуяв неладное, стал улепетывать, я начал серьезно беспокоиться за участь киноаппарата и его владельца. До льдов злополучного оператора все же доставили. Здесь же высадили его на льдину и вежливо, но не без злорадства, заявили: «Вы уж простите нас великодушно, придется вам самим тащить бандуру, нас ждут медведи». Из груди несчастного был уже готов вырваться новый вопль, но тут он заметил, что от «Седова» отчаливает вторая шлюпка, и, в надежде на более благородное обращение сидевших в ней людей, стал ждать.

Тем временем первая партия уже прыгала со льдины

на льдину. Мы забыли захватить с собой доски, а потому переправа до берега оказалась нелегкой. Мелкие льдины погружались под нашими ногами в воду, и более секунды они ни за что не хотели выдерживать на себе человека. От нас требовалась поэтому быстрота движений и ловкость, в противном случае неминуемо грозило морское купанье. Но дело обошлось благополучно, и Б. Громов, принимавший в экспедиции участие в качестве корреспондента, успел уложить на берегу одного замешкавшегося медведя.

Бухта Теплиц служила местом пребывания двух экспедиций—итальянской экспедиции герцога Абруццкого в 1899—1900 гг. и американской экспедиции Фиала в 1903—1905 гг.

Уже вскоре после того, как судно итальянской экспедиции «Stella Polare» встало в бухте Теплиц на зимовку, оно подверглось здесь большому напору льдов со стороны моря и было выкинуто на прибрежную отмель. В судне образовалась сильная течь, и, несмотря на то, что в ход были пущены все помпы, вода скоро залила топки. Пришлось спешно переправить весь груз на берег и покинуть судно. Экспедиция не взяла с собой дома, рассчитывая зимовать на судне, а потому положение, в котором она очутилась, было не из приятных. К счастью, она располагала двумя большими лагерными палатками, в которых участники экспедиции и команда судна и устроились. Над обеими палатками была раскинута еще третья, из парусины. Слой воздуха между внутренними палатками и внешней являлся прекрасным изолятором и вполне защищал обитателей палатки от холода. Даже в самое холодное время года температура воздуха во внутренней палатке

держалась днем, когда топилась печь, около +15° С, опускаясь ночью до +1° С. Это позволило участникам экспедиции устроиться даже с некоторым комфортом, и они почти не чувствовали свирепствовавших ураганов, когда из палатки нельзя было выйти без риска быть унесенным ветром. Во время таких жестоких бурь наблюдатели, которым надо было итти отсчитывать термометры, установленные недалеко от палатки, должны были крепко цепляться за канат, протянутый между палаткой и термометрической будкой.

Экспедиция герцога Абруццкого произвела на Земле Франца Иосифа большую научную работу, а также увенчалась успехом и в своей спортивной части. Одному из ее участников, Умберто Каньи, удалось поставить рекорд северной широты, достигнув 86° 34′ N, и побить, таким образом, рекорд Нансена на 30 миль (55 км). По возвращении Каньи участники экспедиции принялись за ремонт судна. Летом им удалось вывести судно на чистую воду и вернуться на нем в Норвегию.

Несмотря на то, что уже печальный опыт итальянской «Stella Polare» показал, что бухта Теплиц является крайне неудачным местом для зимовки судна, прибывшая через три года на Землю Франца Иосифа американская экспедиция все же решила избрать местом своей стоянки именно эту бухту. Начальника экспедиции Антония Фиала уж очень соблазняло то, что бухта Теплиц является на Земле Франца Иосифа наиболее далеко выдвинутой к северу, а достижение если не самого полюса, то возможно большей широты, составляло главную задачу экспедиции. Предостережения опытного капитана «Америки», как называлось судно экспедиции, не помогли,—Фиала настоял на своем, и в конце лета

Море королевы Виктории. Мыс Столбовой на острове Рудольфа.

Зимовье итальянской экспедиции в бухте Теплиц.

Судно экспедиции Фиала „Америка“.

1903 года «Америка» встала в бухте Теплиц на зимовку.

За выбор этой бухты экспедиция дорого поплатилась. Во время жестокого осеннего шторма в бухте взломало лед, «Америку» сорвало с якоря и вместе со льдом вынесло в открытое море. В течение трех суток судно, гонимое беспощадным ветром, дрейфовало в темноте полярной ночи в различных направлениях, под постоянной угрозой разбиться о какой-нибудь скалистый остров. Только на четвертые сутки «Америку», совершенно обледенелую, удалось снова привести в бухту Теплиц. В декабре судно подверглось здесь такому сильному напору льдов, что дало сильную течь, и участникам экспедиции пришлось оставить его и перебраться на берег. Здесь они устроились в досчатом доме, вывезенном в разобранном виде из Норвегии. В конце января поднялся страшный ураган, продолжавшийся несколько дней под ряд. Метели были так сильны, что в расстоянии нескольких метров ничего нельзя было разглядеть. Когда буря стихла, то участники экспедиции с удивлением увидели, что там, где стояло их судно, теперь находился один битый лед. Затонула ли «Америка» на месте, или же погибла подальше, в море королевы Виктории,—так и осталось невыясненным.

Обе экспедиции, итальянская и американская, оставили в бухте Теплиц много вещественных доказательств своего пребывания там. Дом, который выстроила экспедиция Фиала, мы нашли в полуразрушенном состоянии, а внутри он был почти сплошь занесен снегом. Последними обитателями этого дома были Фиала и механик его экспедиции Герт. Они покинули бухту Теплиц в конце мая 1905 года и направились отсюда

пешком к острову Альджер. С собой они могли взять только небольшое число самых необходимых предметов, и почти все богатое оборудование экспедиции им пришлось бросить в бухте Теплиц. Оно там лежит и посейчас, большею частью пришедшее уже в негодность. Чего-чего мы только не нашли здесь! Ящики с консервами, проржавевшие железные бочки из-под керосина, который уже вытек из них, уголь, множество тюков с истлевшей мануфактурой, упряжь для лошадей и собак, лыжи, очень много книг, сохранившихся сравнительно хорошо, швейные машины, фотографические аппараты, стопы писчей бумаги, посуда, секстанты и разные другие научные инструменты. Часть пищевых консервов оказалось еще не испортившейся. Мы вскрыли две банки, одну с лососиной, другую с пеммиканом, содержание которых было вполне пригодно к употреблению. Недалеко от дома лежала куча полуистлевшего чая—очевидно, медведи разбили ящик, в котором он находился. Этот чай, повидимому, пришелся им по вкусу, по крайней мере в желудке убитого нами здесь медведя мы нашли его не малое количество. Тут же неподалеку валялся медный колокольчик, показавшийся любопытной игрушкой песцам— ручка колокольчика была вся изгрызана их зубами. Ближе к берегу нам попалось много ящиков, наполненных какими-то шестиугольными плитками. Один из нас попробовал такую плитку на язык и объявил, что это мыло, притом недурного вкуса. Однако, когда к этому месту подошел наш инженер, то он сразу опознал в плитках пироксилин. После этого мы некоторое время в шутку избегали близкого соседства с первым неудачливым экспертом, восхвалявшим вкусовые качества

пироксилина: «Почем знать, сколько он его съел—может быть, и взорвет!»

На берегу мы нашли оставленный здесь итальянской экспедицией большой аппарат для добывания водорода и резиновые оболочки для небольших воздушных шаров. По мысли герцога Абруццкого, эти наполненные водородом шары, будучи привешены к саням, должны были уменьшить трение полозьев о снег, а потому облегчить работу собак, тянувших сани. Однако на практике изобретение герцога не оправдало себя, и пользоваться им не пришлось.

Недалеко от дома, к северу от него, стоит маленькая хижина, служившая американской экспедиции обсерваторией. Она соединялась с главным домом экспедиции телефоном, части которого мы обнаружили. Эта хижина оказалась в очень хорошем состоянии, и внутренность ее была совершенно свободна от снега, несмотря на то, что в крыше имелось отверстие, через которое астрономы американской экспедиции наблюдали звезды. В центре хижины находилось сложенное из кирпичей основание для астрономических инструментов, поверх которого лежит тяжелая мраморная доска с вырезанной на ней золотыми буквами надписью: «Ziegler Polar Expedition». Этой же надписью снабжены почти все другие предметы, оставленные американской экспедицией. На внутренней стене хижины я нашел висевший термометр. Это был минимальный термометр, о нем упоминается в отчетах американской экспедиции, которая установила его здесь 15 мая 1905 года. Отсчитав его теперь, можно было бы узнать самую низкую температуру воздуха, которая наблюдалась в бухте Теплиц за последние 24 года. К сожалению, термометр,

может быть, благодаря сотрясению стен во время бурь, был выведен из своего горизонтального положения, при котором он только и дает правильные показания. Впрочем, я не вполне уверен в том, что это сделали действительно бури. Виною тому могло быть и любопытство наших корреспондентов, добросовестно осматривавших стоянку и побывавших в хижине раньше всех. Я привел термометр в порядок и установил его в надлежащем положении. (Это к сведению корреспондентов будущих экспедиций.)

Поблизости от астрономической хижины валялись две метеорологические будки, а к югу от дома стоял остов большого сарая, в котором американская экспедиция содержала своих пони, числом 25.

Покинутое зимовье в бухте Теплиц производит унылое впечатление. Поражаешься богатому снаряжению итальянской и в особенности американской экспедиции, но не менее удивляешься той картине полной разрухи, которую являет сейчас стоянка этих экспедиций. Все в беспорядке разбросано кругом, полуразрушено временем, штормами и медведями. Очевидно, последние обитатели бухты Теплиц жили уже только одной мыслью—поскорей бы выбраться домой,—и вопрос о сохранности оставляемого имущества мало беспокоил их. Мы не имели времени привести дом в бухте Теплиц в порядок и сложить в нем валявшиеся кругом запасы. Надо было спешить в бухту Тихую, где нас, наверное, уже с нетерпением ждали рабочие.

Перед тем, как покинуть бухту Теплиц, мы поставили здесь памятную доску в честь трех участников итальянской экспедиции, которые в 1900 году пропали без вести во льдах Полярного бассейна.

10

Последние дни на Земле Франца Иосифа

> Подымаются да тучи грозные...
> Из первой-то тучи грозной
> Выпадают снеги белые,
> Из второй-то тучи грозной
> Выпадают всяки слякости да нехорошие.
>
> Старинная мезенская песнь.

Попасть в бухту Тихую оказалось не так-то легко. В южной части Британского канала, которая пять дней назад была почти чиста, мы теперь наткнулись на большие ледяные поля, большею частью торосистые. Между островами Итон и Скотт-Кельти льды были так сплочены, что «Седов» не мог пробиться сквозь них. Судно, оставившее в бухте Тихой почти весь груз, сидело теперь в воде очень не глубоко, а потому почти совсем потеряло свои ледокольные качества. Это сразу же почувствовалось, когда мы встретили тяжелые льды.

После тщетных попыток попасть в бухту Тихую с южной стороны острова Скотт-Кельти, мы хотели обогнуть этот остров с севера. Но и здесь льды оказались непроходимыми. Часами работала машина на полный ход, но «Седов» не мог продвинуться вперед ни на корпус. Пришлось примириться с тем, что мы были временно отрезаны от бухты Тихой, и выжидать перемены ветра, которая, несомненно, должна была разредить льды. Последние дни дули южные и юго-западные ветры, очевидно и нагнавшие в пролив эти тяжелые льды из Баренцова моря. Мы ждали теперь северо-

восточных ветров, которые должны были отогнать льды назад.

На следующий день, 27 августа, стояло маловетрие, и окружавшая нас ледовая картина оставалась все такой же безнадежной. Временами нас заволакивало сырым туманом, из которого сыпалась чамра[1]. Когда горизонт несколько прояснивало, мы уже видели мыс Седова у бухты Тихой и могли разглядеть, что за время нашего отсутствия там успели поднять мачту радиостанции. Хотелось скорей попасть туда, но льды так крепко сжали «Седова», что он теперь не мог уже двинуться ни в одну сторону.

Чтобы хоть несколько загрузить судно, капитан решил взять в носовой трюм, в качестве балласта, лед. Температура воздуха в последнее время держалась уже постоянно ниже нуля, вода имела тоже отрицательную температуру, а потому опасений, что наш своеобразный балласт растает, не было. Часть команды, вооруженная пешнями, спустилась на ледяное поле и стала откалывать большие куски льда, которые затем при помощи лебедки поднимались на судно и отправлялись в трюм. Взяв около тридцати тонн льда, мы накачали еще из лужи на ледяном поле пресной воды в цистерну. Эти работы хоть немного сократили нудное для всех ожидание появления разводьев во льду.

Сколько времени нам предстояло провести в том беспомощном состоянии, в котором мы находились, было трудно сказать. Возможность того, что льды вовсе не пропустят нас в бухту Тихую, была, конечно, очень маловероятна, но все же приходилось учитывать и это.

[1] Чамрой на Мурмане называют моросящий мельчайшими капельками дождь.

Поэтому О. Ю. Шмидт решил отправить в бухту Тихую партию пешком по льду, чтобы снять оттуда шестнадцать человек рабочих и привести их на судно. В состав этой партии вошел О. Ю. Шмидт, географ И. М. Иванов, корреспондент Б. Громов и матрос Иванов.

Так как почти все оборудование для санных экспедиций было оставлено в бухте Тихой, то наскоро пришлось изготовить его. У нас имелась небольшая парусиновая лодка, уже довольно ветхая. Мы починили дыры на ней и обшили ее снаружи вторым чехлом из парусины. Нарту изготовили из лыж. Походная палатка нашлась на судне.

Вечером 27 августа пешеходы покинули нас. Тумана не было, и мыс Седова отчетливо вырисовывался вдали. Мы были тогда в расстоянии около 17 километров от него. С мостика судна было видно, что путникам предстояло сперва пройти по сплоченным ледяным полям, и на этом пути они не должны были встретить серьезных трудностей. Дальше же, недалеко от мыса Седова, находился, повидимому, мелко битый лед. Мы надеялись, что путникам удастся пробраться через него на парусиновой лодке.

Время от времени кто-нибудь из нас поднимался на мостик и в бинокль следил за удалявшимися товарищами. Вначале они подвигались вперед довольно быстро, потом же их, очевидно, задержали торосы, и издали казалось, что путники находятся все на одном и том же месте. Утром мы увидели, что они раскинули палатку на льду, а вскоре за тем мы их потеряли из виду. Мы заранее условились с ними, что они немедленно по прибытии на радиостанцию будут нам сигнализировать с помощью дымового костра. Потеряв спутников из

виду, мы решили, что они вот-вот должны притти на радиостанцию, и с нетерпением ожидали, когда на мысе Седова появится столб дыма. Однако, как ни напрягали мы зрение, ничего напоминающего дым увидеть не могли. Костер там, безусловно, не горел. Но вместе с тем не было видно и пешеходов. Чем объяснить это? Нами стала овладевать тревога. Мало ли что может случиться на пловучих льдах...

Под вечер льды, в которых стоял «Седов», наконец зашевелились, ветер усилился, и быстро стали появляться разводья. Не теряя ни минуты, мы направились на судне к бухте Тихой. Судьба пешеходов сильно беспокоила нас. В то время, когда мы подходили к радиостанции, ветер уже достиг силы шторма. Повалил снег, и окрестности приняли совсем зимний вид. Входя в бухту Тихую, мы увидели в окне станции горящую электрическую лампочку—мотор уже действовал. Людей около дома не было заметно.

— Парусиновой лодки нет на берегу,—объявил капитан, опытным глазом сумевший сквозь пургу рассмотреть берег.—Значит, и наших здесь нет!

Зимовщики, скрывшиеся от разыгравшегося шторма в дом, повидимому, не заметили прихода «Седова». Когда мы стали давать гудки, из дома вышло несколько человек. Они сели в шлюпку, но, чтобы пройти против ветра какие-нибудь сто метров, отделявшие «Седова» от берега, им понадобилось около получаса. Мокрые, все в снегу они наконец, взобрались на палубу.

— Отто Юльевич на радиостанции?

— Нет, мы его не видели. Разве он не с вами?

Надо было немедленно итти на поиски пропавших пешеходов. Хорошо, если им удалось выбраться на

остров Скотт-Кельти, а если нет? Под влиянием шторма с северо-востока льды стало быстро выносить через пролив Де Брюйне в море, и незавидно положение путников, если они сейчас находятся на пловучей льдине... Как их разыскать в этой пурге, когда ни зги не видно, а льды находятся в сильном движении.

Решили начать с обследования острова Скотт-Кельти и подойти к тому месту, где стоит гурий. Нам казалось, что если путники укрылись на этом острове, то они прежде свего постараются дать знать о своем присутствии здесь, а это можно было сделать, поставив на гури флаг или просто шест. Сквозь валивший густой снег остров Скотт-Кельти не был виден из бухты Тихой. Ветер неистовствовал, и вода в бухте кипела как в котле. Подойдя к острову почти вплотную, мы смогли разглядеть стоявший на нем гурий. Но никакого знака на нем не оказалось, остров был покрыт белой пеленой снега. Все вокруг было пустынно. Решили обойти вокруг всего острова, держась по возможности ближе к берегу.

Все имевшиеся на «Седове» многочисленные бинокли были разобраны. Снег залеплял их стекла, но урывками берег все же удавалось рассмотреть.

— Наши, наши! Ура!—неожиданно закричал капитан и стал давать непрерывные гудки, почти заглушаемые ревом бури.

На берегу стоял человек и размахивал руками. Это был как будто Б. Громов. Потом он скрылся куда-то, но скоро появился с товарищем, который нес винтовку. Мы видели, что человек на берегу стал стрелять, но выстрелов из-за воя ветра не слышали. С судна спустили шлюпку, в которую уселись наши самые сильные гребцы.

Меньше, чем через час наши четыре спутника уже сидели в кают-кампании, отогреваясь чаем, и рассказывали о своих приключениях. Первые километры от судна они прошли очень быстро, но дальше изрядно намучились в торосах. Вследствие слишком низких копыльев самодельной нарты лежавшая на ней парусиновая шлюпка задевала об острые льдины и местами прорвалась. В конце концов сломалась и нарта, и ее пришлось бросить. Когда спутники миновали торосистые льды, стали попадаться разводья, которые они переплывали на парусиновой лодке. Так как лодка помещала только двоих, то переправа всех четырех пешеходов требовала трехкратного рейса. Чтобы не терять времени, И. М. Иванов и Б. Громов переплывали некоторые разводья на небольших льдинах. Вскоре поднялся сильный ветер, под влиянием которого разводья стали быстро расширяться. Путники заметили, что, несмотря на все усилия, они нисколько не приближались к мысу Седова. Льды двигались в противоположную сторону и грозили занести людей в открытое море. Мысль дойти до бухты Тихой пришлось оставить, надо было постараться покинуть скорей предательские льды и выйти на ближайшую сушу. Это был остров Мертвого Тюленя—маленькая скала, лежащая недалеко от острова Скотт-Кельти. Льды кружились, лодка сильно текла, а для отливания воды имелась только небольшая кружка. В довершение беды сломалось одно весло. С острова Мертвого Тюленя надо было перебираться на остров Скотт-Кельти уже по чистой воде. Ветер к этому времени достиг силы шторма, и переправа оказалась весьма нелегкой. Первыми перебрались на Скотт-Кельти О. Ю Шмидт, И. М. Иванов и матрос Иванов. Когда

И. М. Иванов поехал за последним оставшимся на Мертвом Тюлене товарищем, Б. Громовым, то сильнейшими порывами ветра парусиновую лодку все время относило назад. И. М. Иванов выбивался из сил, рискуя каждую минуту очутиться в холодной воде, а Б. Громов дрожал в это время на Мертвом Тюлене. «Полдня просидел я в строгой изоляции»,—рассказывал Громов,—и, совершенно застыв на резком ветру, как сумасшедший носился по острову». После многих часов бесплодных усилий, И. М. Иванову в конце концов все-таки удалось добраться до Мертвого Тюленя и снять с него Громова. На острове Скотт-Кельти путники раскинули палатку: они уже двадцать восемь часов были на ногах и, конечно, совершенно выбились из сил. Подумали было о том, чтобы поставить флаг на гурие, но соблазн растянуться в палатке, отдохнуть и согреться был слишком велик, а потому установку сигнала решили отложить. Глотнув спирта, путники погрузились в сон, прерванный гудками «Седова».

Во время шторма, застигшего наших пешеходов, в глубине бухты Тихой оторвало припай. Его, однако, не вынесло из бухты, так как он задержался около сидевших на грунте айсбергов. Вскоре после того, как «Седов», забрав с острова Скотт-Кельти пешеходов, встал на якорь в бухте Тихой, этот припай начал нажимать на «Седова», грозя выдвинуть судно на берег. На этот раз опасность была замечена во-время, и «Седов» не пострадал.

Все работы по постройке станции были уже закончены, и 30 августа самая северная в мире радиостанция [1] отправила свое первое радио. Главная задача

[1] Географические координаты радиостанции в бухте Тихой: северная широта 80° 19′, восточная долгота (от Гринвича) 52° 48′.

экспедиции была выполнена. 30 августа 1873 года Землю Франца Иосифа впервые увидел человек. 30 августа 1929 г. открылась новая страница в истории нашего далекого полярного архипелага. В ознаменование этого события на берегу, под открытым небом, был устроен прощальный митинг. Начальнику экспедиции, который отметил значение советской радиостанции на Земле Франца Иосифа и благодарил всех, принимавших участие в ее сооружении, отвечал один из зимовщиков:

«Спасибо вам, товарищи, что вы затащили нас сюда, спасибо».

Он хотел еще что-то сказать, но был слишком растроган торжественным моментом и ограничился тем, что повторил свою немногословную, но искреннюю речь, которая была покрыта громом аплодисментов и криками «ура».

После митинга все зимовщики пришли на судно, где в кают-кампании было приготовлено небольшое угощение. Наспех писались последние письма родным и знакомым, давались поручения. Мне поручили переслать не только груду писем, но и бесчисленные «сувениры» с Земли Франца Иосифа: тут были и засушенные растения, и камни, и медвежьи клыки. Наконец настал и момент разлуки. Крепко жмем руки нашим отважным товарищам, остающимся в бухте Тихой на целый год. Скоро здесь наступит полярная ночь с ее штормами и метелями, и продолжаться она будет 128 дней—с 19 октября до 24 февраля.

Зимовщики спускаются с судна и, перепрыгивая со льдины на льдину, идут к своему дому: семь человек, одиннадцать собак и котенок. С берега они салютуют нам из ружей, «Седов» отвечает им тремя протяжными

гудками, и, расцвеченный флагами, медленно выходит из бухты. Когда мы пришли в бухту Тихую, здесь все было пустынно и безлюдно, ничто не нарушало полярного покоя. Теперь на берегу бухты стоят три домика, мы смотрим на них и замечаем, как они делаются все меньше и меньше. На крыше одного из них столпилось семь человек—все население Земли Франца Иосифа. Они машут нам платками и кричат что-то, но разобрать слов уже нельзя. Все же мы кричим им в ответ:

«До свиданья! Ждите нас через год!»

11

Домой!

Берите щупы да долгомерные,
Мечите щупы да во сине море,
Да нет ли луды, да нет ли каменья,
Да нет ли кошки-злодейки подводноей.

Былина о Садко.

Нашим намерением было выйти в Баренцово море через широкий пролив Де Брюйне, который мы нашли месяц назад свободным от льдов. Но теперь ледовая картина оказалась совершенно другой. Сейчас же за проливом Меллениуса мы наткнулись на сплоченные ледяные поля, среди которых «Седов» с трудом пробился до мыса Дунди на острове Гукера. Капитан влез с биноклем в «воронье гнездо» и стал обозревать окрестности. То, что он увидел, было крайне неутешительно: весь пролив Де Брюйне был битком набит тяжелым льдом, открытой воды нигде не было видно. О том, чтобы пройти через эти льды на теперь неглубоко сидящем в воде «Седове», не могло быть и речи. Надо было либо ожидать перемены в состоянии льда, либо попытаться выйти в Баренцово море другим проливом. Мы решили пойти в пролив Смитсона, лежащий к востоку от острова Гукера.

Северная часть пролива Смитсона оказалась чистой от льдов, в южной же встретились только разреженные льды, не представлявшие затруднений. Пролив Смитсона местами очень узок, и течения здесь сильные. Почти все члены экспедиции, несмотря на ночное время

и холодный, пронизывающий ветер, собрались на мостике, чтобы полюбоваться живописным ландшафтом. На востоке, совсем близко, лежал остров Королевского Общества со своими отвесными причудливыми скалами, дальше на юг тянулся остров Ли Смита, почти сплошь погребенный под льдом. На западе виднелся ледниковый щит острова Гукера, там и сям прорывавшийся базальтовыми скалами, характерными «нунатаками» [1]. У одного из мысов острова Гукера мы увидели несколько плавающих кайр—из последних, еще замешкавшихся на Земле Франца Иосифа.

Старший штурман, только что отстоявший «собаку» [2], не мог оторваться от созерцания ледяных островов, залитых разноцветными лучами полярного солнца, и не сходил с мостика. «В койке всегда успеешь наваляться; а вот такую красоту, может быть, никогда больше не увидишь!»

В Баренцовом море сразу же встретились сплоченные льды, которые подходили к южным берегам острова Гукера вплотную. На пути к югу мы предполагали завернуть к тому месту на этом острове, где нашей экспедицией был водружен советский флаг, и поставить здесь небольшую хижину, которая могла бы оказаться очень полезной при охотничьих экскурсиях зимовщиков из бухты Тихой. Но теперь, увидев столь неблагоприятные ледовые условия, мы оставили эту мысль и направились прямо на юг, к кромке льдов.

Скоро по носу, несколько правее курса, показался

---

[1] Эскимосское название для отдельных скал среди материкового льда Гренландии.

[2] Так моряки называют морскую вахту от полуночи до четырех часов утра.

остров Ньютона. Месяц назад этот остров омывался чистой водой, а теперь его со всех сторон блокировали тяжелые льды, и подойти к нему едва ли было возможно. Впереди виднелась большая полынья, куда капитан, не отрывавшийся от бинокля, и направил «Седова». По мере того, как мы приближались к этой полынье, льды становились более редкими, и «Седов» шел почти полным ходом.

— Смотрите, там айсберги в полынье,— обратился ко мне капитан.

— Да, целая куча,—ответил я.

Капитана, видимо, очень заинтересовали эти айсберги, и он не сводил с них глаз.

— Вы видите эти айсберги?—снова обратился он ко мне.

— Да, вижу,—мог я только ответить, не понимая, чем именно эти сравнительно небольшие айсберги так приковали его внимание, когда он их видел в течение месяца сколько угодно.

— Стоп! Измерить глубину!—внезапно скомандовал капитан и объяснил мне:—Айсберги-то не движутся. На мели сидят.

Теперь, когда судно стояло, это ясно увидел и я.

— Тридцать метров!—крикнул с кормы вахтенный матрос.

Чорт побери, это мало для открытого моря. Мы пошли вперед самым тихим ходом, все измеряя глубину.

— Двадцать метров!—снова донеслось с кормы.— Пятнадцать! Десять!

— Стоп!

Дальше итти нельзя. Мы уже вышли на полынью. Посередине ее и по бокам виднелось много сидевших на

Дом американской экспедиции в бухте Теплиц (1904).

Дом американской экспедиции в бухте Теплиц (1929).

Мыс Седова в бухте Тихой (30 августа 1929).

грунте айсбергов и стамух[1], которым полынья и была обязана своим существованием, так как они задерживали около себя морские льды. Полынья, таким образом, отчетливо обрисовывала мель, которую мы, пожалуй, иначе и не заметили бы.

Пришлось спустить шлюпку и промерить глубины по курсу корабля. Вначале они держались все около девяти метров, потом стали понемногу увеличиваться. Так как «Седов» сидел не глубоко, то проскочил через открытую нами банку. Но на пути к Земле Франца Иосифа, когда судно было в полном грузу, оно пройти здесь не смогло бы.

Хотя эта банка к югу от пролива Смитсона и задержала нас на несколько часов, мы, тем не менее, были довольны, что обнаружили ее. Пролив Смитсона является одним из подходов к бухте Тихой, и, как теперь выяснилось, он не совсем безопасен для глубоко сидящих судов. Прежде чем пользоваться им, нужно будет тщательно обследовать эту банку и нанести ее на карту. В той ледовой обстановке, в которой тогда находился «Седов», эту работу, к сожалению, нельзя было выполнить, и пришлось отложить ее на следующий год.

Вскоре за полыньей, находившейся над банкой, «Седов» вошел в ту полосу тяжелых многолетних льдов, которую он встретил к югу от Земли Франца Иосифа месяц назад. Нашему судну, потерявшему свои ледокольные качества, пришлось теперь туго. Уже у первой перемычки между двумя полями «Седов» завяз основательно, выскочив носом далеко на лед. Машина беспрерывно работала то на полный вперед, то на полный на-

[1] Стамухи—сидящие на грунте крупные ледяные образования морского происхождения.

зад, руль перекладывали с одного борта на другой, но пароход не сползал со льда. Занесли трос вокруг большого тороса на льдине и стали работать лебедкой, но и это не помогло. Целых пять часов мы промучились здесь, пока «Седов» не соскользнул, наконец, с ледяного поля. Но уже через какие-нибудь полмили он завяз еще крепче, вклинившись между другими полями. Здесь пришлось окалывать пароход пешнями—тяжелая и нудная работа.

По сравнению с той картиной, которую мы наблюдали здесь месяц назад, ледяные поля обладали теперь, в первых числах сентября, меньшими горизонтальными размерами. Очевидно, их раскололо ветром. Но льды были так сплочены, что «Седов» пробивал себе путь среди них только с великим трудом, проходя иногда за вахту (то-есть за 4 часа) не больше 3-5 корпусов корабля. Сплошь и рядом его зажимало мощными льдинами с торосами, вышиной до 8 метров над поверхностью моря.

В то время, когда мы бились в этом старом отвратительном льду, была принята радиограмма от начальника итальянской поисковой экспедиции Альбертини. Он сообщал, что находится в пятнадцати милях к югу от мыса Флора в тяжелых льдах. Положение его судна было незавидное и, если сильные северные ветры не разредят несколько льды, он легко мог оказаться в ловушке. Под влиянием низкой температуры воздуха, которая падала до —9°, в небольших каналах между полями уже стал образовываться новый лед, толщина которого достигала 4-5 сантиметров.

Да и нам это начавшееся смерзание льдов не особенно нравилось. Надо было торопиться и выбираться на кром-

ку. Чтобы загрузить судно, взяли еще около 40 тонн льда в носовой трюм. Но это было, конечно, мало, и судно продолжало сидеть в воде так неглубоко, что при форсировании льдов удары приходились не об стальную обшивку, а ниже, где борта парохода не были защищены ею. Результат этого не замедлил сказаться в виде сильной течи, появившейся в одном из трюмов, очевидно, благодаря тому, что ослабли заклепки. (По приходе в Архангельск, когда «Седов» был поставлен в док, в носовой части трюма пришлось сменить до пяти тысяч заклепок.) Вскоре мы сделали еще одно неприятное открытие: сломалась лопасть винта.

Между тем, продвижение «Седова» оставалось черепашьим. 31 августа покинули мы Землю Франца Иосифа, а 3 сентября она все еще отчетливо была видна позади нас, даже простым глазом. Сказалось и неблагоприятное влияние морского течения. На пути к Земле Франца Иосифа оно нам помогло, приближая нас к цели, теперь же действовало против нас, отдаляя «Седова» от кромки. Многолетние льды попрежнему тянулись до самого горизонта. То и дело кто-нибудь из участников экспедиции поднимался на мостик и направлял бинокль на юг. Но никаких признаков воды там видно не было. Один только лед да ослепительный снег. Чтобы защитить глаза от нестерпимого блеска ледяной пустыни, пришлось надеть темные очки.

Вечером 3 сентября льды, наконец, стали менее тяжелыми, и я с облегченным сердцем ушел к себе в каюту отдохнуть. Уже в три часа утра следующего дня я проснулся от необычного ощущения—«Седова» качало. Когда я вышел на палубу, то увидел, что мы вышли на кромку. Утро было холодное и ясное. Перед нами

простирался безграничный простор чистого моря, на темной синеве которого приятно отдыхал глаз, а позади ослепительно сверкали льды. Там, где их белизна сливалась с светлым небом, лежит оледенелая земля, на которой мы пробыли целый месяц и где оставили семь товарищей... Скоро льды, отделяющие нас от Земли Франца Иосифа, смерзнутся и надолго отрежут зимовщиков от всего мира.

Пройденная нами полоса льдов к югу от Земли Франца Иосифа была не широка и составляла всего только 130 километров. Льды были, однако, настолько сплочены, что мы затратили на прохождение их трое с половиной суток, и средняя скорость нашего движения во льдах составляла только 1,7 километра в час. Обычно ширина ледяного пояса в среднем равна 300 километрам. В отдельные годы этот ледяной пояс может быть очень широким, как, например, в 1903 году, когда судно экспедиции Фиала «Америка» прошло через полосу льда в 650 километров. С другой стороны, случается так, что судно на пути к Земле Франца Иосифа вовсе не встречает льдов. Это было, например, в сентябре 1928 года, когда «Красин» возвращался с Земли Франца Иосифа, где производил розыски людей с погибшего дирижабля «Италия».

Наши зимовщики нередко спрашивали меня, может ли судно ежегодно подходить к Земле Франца Иосифа, или же не исключена возможность, что тяжелое состояние льдов не подпустит судно к этому архипелагу. Ответ на этот вопрос дает нам статистика плаваний к Земле Франца Иосифа. Нам известны 29 лет, когда были сделаны попытки достичь этого архипелага на судне, и в 23 случаях попытки эти увенчались успе-

хом; столь тяжелые же условия, что судно не могло дойти до Земли Франца Иосифа, наблюдались только 6 раз. Иными словами, вероятность, что судну удастся дойти, составляет 79%. Но здесь необходимо принять во внимание, что этот статистический вывод основывается на плаваниях не ледокольных судов, а судов сравнительно маломощных. Для таких кораблей, как «Седов», процент вероятности достижения Земли Франца Иосифа следует повысить по крайней мере до 90. Таким образом, случаи, когда и ледокольный пароход не будет в состоянии добраться до Земли Франца Иосифа, не исключаются, но они маловероятны. При организации станции в бухте Тихой возможность таких исключительных случаев, тем не менее, была принята во внимание, и станция была снабжена продовольствием и горючим на три года.

Когда мы вышли к кромке льдов, угля на «Седове» имелось еще много, время—начало сентября—было не позднее. Поэтому было решено итти на восток, насколько позволят льды, и попытаться достичь острова Уединения, а при благоприятных обстоятельствах и западных берегов Северной Земли, которых не видал еще ни один человек. На пути к востоку мы предполагали деятельно заняться изучением моря. Капитан поставил, впрочем, одно условие: во льды не заходить. «Седову», превратившемуся теперь в обыкновенный пароход, изрядно досталось во время последнего перехода во льдах, и рисковать судном В. И. Воронин не хотел. В трюме последний день работали над заделкой течи, но пока безуспешно. С доводами капитана нельзя было не согласиться, и мы решили итти на восток «о кромку льдов».

Первую гидрологическую станцию на пути к востоку мы сделали здесь же у кромки. Длились такие станции обычно около двух часов, несмотря на то, что для работ мобилизовывались все наши научные силы. Корреспонденты также принимали в них участие, весьма любезно взяв на себя самую неинтересную работу—они помогали нам выбирать опущенные в море приборы, вертя ручки двух имевшихся у нас вьюшек.

Станция начиналась всегда с измерения глубины моря при помощи лота. В Баренцовом море глубины обычно бывали в пределах между 200 и 350 метрами, наибольшую глубину за все время экспедиции мы обнаружили в Британском канале—425 метров. После измерения глубины моря мы приступали к взятию проб воды и определению ее температуры. Эти наблюдения производились на различных глубинах, а именно на глубине 10, 25, 50, 75, 100, 200 метров и далее через 100 метров. Пробы воды брались при помощи прибора, называемого батометром, который представляет собою полый цилиндр, открывающийся с верхнего и нижнего конца. Этот цилиндр в открытом виде опускается в море на металлическом тросе. Когда он достигнет требуемой глубины, по тросу спускают «посыльный груз», который ударяет в батометр и тем самым заставляет его закрыться. Батометр вытаскивают наверх и, при помощи имеющегося на нем крана, выливают взятую им воду в баночки. Эта вода в дальнейшем подвергалась химическому анализу, который частью производился тут же, на судне, нашим химиком А. Ф. Лактионовым в устроенной им лаборатории. Он определял общее содержание солей в воде, содержание хлора, фосфорной, азотной и серной кислот, количество кислорода, а так-

же различные физические свойства воды. Температура воды определялась с помощью особых термометров, так называемых опрокидывающихся, которые были прикреплены к батометру.

Одновременно с другого борта судна Г. П. Горбунов был занят ловом планктона на различных глубинах. В употребляющиеся для этого сетки попадают самые мелкие организмы, живущие в море и частью даже невидимые простым глазом. Количество этих мелких организмов в море огромно, и именно ими питаются многие рыбы и даже такие гиганты-млекопитающие, как киты.

На корме работали наши геологи—Р. Л. Самойлович и И. М. Иванов, которых интересовало морское дно. Чтобы исследовать его, они спускали на тросе тяжелую металлическую трубу. Падая в вертикальном положении с большой быстротой, труба врезалась в морское дно и забирала колонку грунта, обычно серый или желтоватый ил.

Перед тем, как покинуть станцию, Г. П. Горбунов еще ловил при помощи трала обитателей морского дна. Улов бывал большею частью обильным, и мешок трала приходил из воды туго набитым всякой живностью. Для «зрителей», которые неизменно присутствовали при наших работах, это был самый интересный момент. Вытащив, с помощью пароходной лебедки, трал, Г. П. Горбунов вываливал весь улов на сито и начинал его промывать и разбирать. Каких только чудищ морских тут не было! Звезды, ежи, голотурии—очень напоминающие огурцы, актинии, офиуры, раки-отшельники, пикногоны—похожие на пауков, асцидии и много-много разных других животных. Один раз в трал попал маленький осьминог. После того как Г. П. Горбунов

кончал разборку животных, около сита всегда толпились седовцы и выбирали себе что-нибудь «на память». Особенным успехом у них пользовались морские ежи и звезды, которых потом можно было видеть во всех каютах.

Продолжая следовать на восток вдоль кромки льдов, лежавшей приблизительно на параллели 79° N, мы неожиданно встретили флотилию норвежских промысловых судов, состоявшую из трех довольно крупного размера паровых ботов и одного совсем маленького моторного. На одном из ботов мы могли разглядеть много развешанных медвежьих шкур и двух живых медвежат.

Погода, бывшая до сих пор прекрасной, стала портиться. Подувший свежий ветер с северо-востока нагнал туман, временами зарядами шел снег. Вместе с тем поднялось порядочное волнение, которое сильно препятствовало нашим гидрологическим работам, так что в конце концов их пришлось прекратить. На последней станции нас постиг целый ряд неудач. Судно так качало, что один из батометров при выбирании из воды ударился о борт судна и сломался, геологи из-за разрыва троса утопили свой прибор для добывания грунта, а зоолог, выбирая трал, потерял весь принесенный им улов.

Но еще больше огорчило нас сообщение капитана. Оказалось, что попытка заделать течь «Седова» цементом ни к чему не привела, и при начавшемся волнении течь еще усилилась. С помощью двух донок воду только-только успевали откачивать. Капитан объявил «Седова» неблагополучным, и, по его мнению, шторм грозил нам весьма серьезными неприятностями. Он категорически настаивал на немедленном возвращении в Архангельск.

Обидно было возвращаться, когда мы уже миновали меридиан северной оконечности Новой Земли и находились в совершенно неисследованных водах северной части Карского моря. А особенно обидно было то, что дальше на восток до самого горизонта простиралось открытое море, без малейших признаков льда... Мы почти не сомневались в том, что в этом году состояние льдов позволило бы нам добраться до неизвестных еще западных берегов Северной Земли и таким образом разрешить одну из важных современных географических проблем Арктики. Северная Земля была открыта в 1913 году русской гидрографической экспедицией, но она видела только восточные берега этой земли. Как далеко земля простирается на запад—еще неизвестно. На основании некоторых соображений о морских течениях я высказал в 1924 году предположение, что западный выступ этой земли (а может быть, и отдельный остров) должен быть расположен приблизительно в широте 79°N и долготе 82° к востоку от Гринвича[1]. От этой точки нас отделяло теперь только расстояние в 140 миль (260 километров), которое «Седов» по чистой воде мог бы пройти в какие-нибудь 15 часов. А чистой воды впереди было сколько угодно, и кто знает, когда еще выдастся такой же благоприятный в ледовом отношении год... Но проклятая течь, полученная «Седовым» во льдах, разрушала все наши планы. Приходилось покоряться неизбежному. На юг, домой!

---

[1] В 1928 году недалеко от этого места пролетал Нобиле на своем дирижабле «Италия». Интересно, что в своем отчете он пишет, что в широте 80° N и долготе 84° E он видел «признаки совсем близкой земли». Это место отстоит от указанной мною точки только на 65 миль (120 километров).

На следующий день утром мы уже подходили к Новой Земле. Первыми показались небольшие Оранские острова, расположенные у северной оконечности Новой Земли. Кекур у одного из островов был виден издалека; благодаря своей характерной форме, он может служить хорошим опознавательным знаком.

Вскоре показалась и сама Новая Земля. Над ней лежали плотные кучевые облака—это было первое приветствие, которое нам посылал юг. Кучевые облака, столь характерные для летнего дня в наших умеренных широтах, в Арктике почти вовсе не наблюдаются. Здесь преобладают либо тонкие перистые облака и близкие к ним формы, либо низкие слоистые облака, заволакивающие небо сплошной серой пеленой. Температура воздуха была тоже очень высока для этих мест и достигала $7\frac{1}{2}°$. С самого дня нашего выхода из Архангельска мы не испытывали такой «жары». К вечеру полил дождь,—настоящий, крупными каплями, а не тот мелкий, точно из пульверизатора, который почти только и наблюдается в арктических льдах.

Утром 8 сентября мы повернули к мысу Утешения на северо-западном берегу Новой Земли, который интересовал Р. Л. Самойловича с геологической стороны. Близко подойти к этому мысу на судне мы не рискнули, ибо весь этот район очень «костистый», как выражаются поморы. Повсюду из воды торчали скалы и рифы. На мысу, на высоте около 100 метров над уровнем моря, мы обнаружили целых три гурия. Один из них, вероятно, самый большой, был сложен в 1913 году Г. Я. Седовым во время его санного путешествия к северной оконечности Новой Земли. Мы еще увеличили размеры этого гурия и оставили возле него бутылку с запиской

о нашем посещении. На берегу лежали большие кучи выброшенных морем водорослей и не мало плавнику. Я нашел здесь деревянный ковш, каким пользуются для вычерпывания воды из лодки. Вероятно, он был занесен сюда с Мурмана теплой ветвью Нордкапского течения, которая омывает эти берега вплотную.

А потом настал и последний этап наших скитаний в Арктике—путь по Баренцову морю в Белое. Что мы уже простились с Арктикой, было видно по всему: ученые убирали и заколачивали в ящики свои многочисленные инструменты и богатые сборы, матросы скребли и мыли палубу, на столе в кают-кампании появились в невиданном доселе количестве всевозможные яства, и седовцы разгуливали с оттопыренными от конфект карманами. Это наш «завхоз» И. М. Иванов наконец расщедрился и из ему одному известных тайников повытаскал таких сокровищ, о наличии которых на «Седове» никто и не подозревал. До этого И. М. Иванов, учитывая коварство полярных льдов, был изрядно прижимистым, как, впрочем, и полагается хорошему «завхозу» в арктическом плавании.

Даже машина «Седова»—и та, очевидно, почуяла, что курс был окончательно взят на юг. Капитан, опасаясь, как бы от сотрясения корпуса при форсированном ходе заклепки не ослабли еще больше и не увеличилась течь, приказал итти «средним» ходом. Но, когда в конце каждой вахты отсчитывали лаг [1], то неизменно оказывалось, что ход был «полный». Мы могли лишний раз убедиться в том, что понятия «средний» и «полный ход» весьма относительны даже на одном и том же

[1] Прибор, спускающийся в море и показывающий число пройденных миль.

судне и зависят от того, выходит ли судно в экспедицию или же возвращается в родной порт. В последнем случае «средний» ход частенько превращается в «полный», а «полный»—в форсированный.

12 сентября «Седов» уже подходил к Архангельску.

Подбегали-то во гавань корабельную,
Как во ту же пристань во глубокую,
Выкатали якори булатные,
Клали сходеньки дубовые...

ПАМЯТИ ФРИТИОФА НАНСЕНА

Общее собрание Академии Наук постановило переименовать землю Франца Иосифа в землю Фритиофа Нансена.

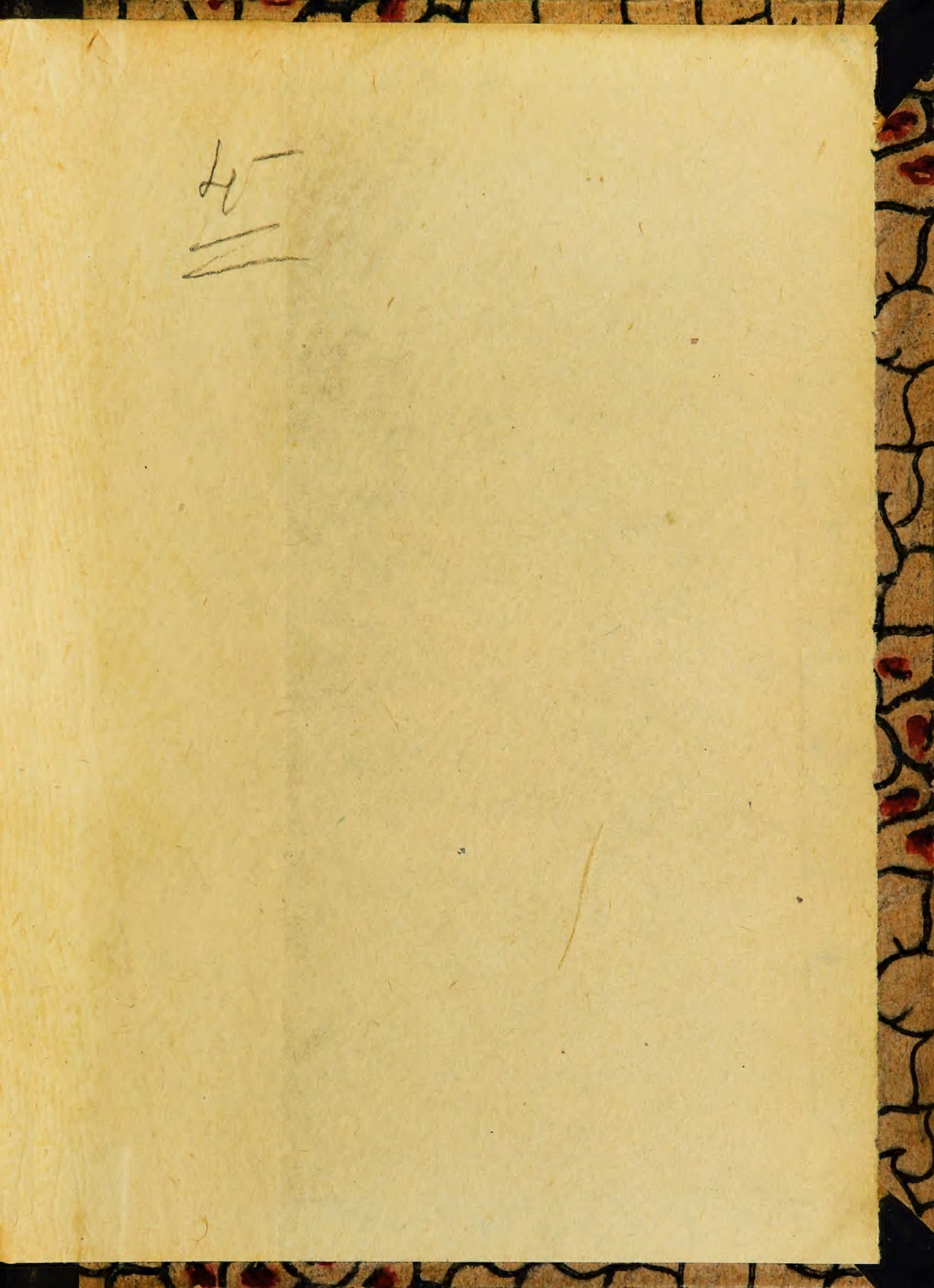
Указатель собственных имен

Оглавление

ЧИТАТЕЛЬ!

Сообщите Ваш отзыв об этой книге, указав Ваш возраст и Вашу профессию, по адресу:

Москва, центр, Никольская, 10. БПК «ЗИФ».

КГ В
4 49-Н